

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

21 2025
ЧАСТЬ III

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (572) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Имхотеп* (XXVIII век до н. э. — XXVII век до н. э.), древнеегипетский мудрец, архитектор, астролог периода Древнего царства, визирь (чати) Джосера (первого фараона III династии (2630–2611 годы до н. э.).

О рождении, детстве да и вообще о происхождении этого великого человека известно очень мало. Дело в том, что родился Имхотеп в семье простолюдина примерно в XXVII веке до н. э. Его отцом считают Канефера, а мать его была Херду-анх, из рода чиновников.

Имхотеп спроектировал первую ступенчатую пирамиду в Саккаре близ Мемфиса — усыпальницу Джосера, а также комплекс архитектурных сооружений, окружающих пирамиду. Именно он считается изобретателем пирамидальной архитектурной формы и основоположником архитектурной традиции всего Древнего царства, строившейся на использовании пирамидальной формы в проектировании царских захоронений. Кроме того, есть основания считать Имхотепа изобретателем колонны в зодчестве.

Имхотеп пережил Джосера. На северной стене, окружающей комплекс недостроенной пирамиды преемника Джосера Сехемхета, было обнаружено имя Имхотепа, что говорит о его возможном участии в строительстве и этой гробницы. Обычно его также считают творцом храма в Эдфу.

Имхотепу приписывается также основание египетской медицины. В частности, он считается автором папируса Эдвина Смита — фундаментального медицинского исследования, которое хоть и относится к 1700–1550 до н. э., но основано на материалах, известных с Древнего или даже Раннего царства. В этом папирусе впервые определяются реальные причины многих болезней. В частности, рассматриваются 48 травматических случая, каждый с описанием физического обследования, лечения и прогноза. Известный канадский практикующий медик XIX века Уильям Ослер назвал Имхотепа отцом медицины и «первым медиком, чья личность выступает из тумана древности».

Имхотеп считается автором первого литературного произведения, известного как «Поучения Имхотепа». Но поскольку это произведение не сохранилось до нашего времени, то официально первым известным нам образцом подобной литературы является «Поучение Птаххотепа», написанное от имени визиря фараона Джджедкара Исеси (2414–2375 до н. э.) из V династии.

Авторитет Имхотепа в последующие периоды египетской истории был столь велик, что он считался величайшим муд-

рецом всех времен, обладавшим волшебной силой. Первые признаки почитания Имхотепа как полубога встречаются уже через столетие после его смерти. В эпоху Нового царства оформилось обожествление Имхотепа в качестве бога врачевания и покровителя целителей. Кроме того, он наряду с Тотом слыл божественным покровителем писцов и всего их ремесла. Американский египтолог Джеймс Генри Брэдстед писал: «В жреческой мудрости, в сложении мудрых пословиц, в медицине и архитектуре этот замечательный человек эпохи Джосера стал настолько широко известен, что его имя никогда не было забыто. Он сделался вдохновителем писцов будущих поколений».

В египетской мифологии Имхотеп считался сыном мемфисского бога-творца Птаха (и чаще всего богини-львицы Сехмет). Он изображался в виде юноши, сидящего с развернутым папирусом. Будучи также покровителем искусств, он был связан с Хатхор, Маат и другим визирем и архитектором, позже обожествленным, — Аменхотепом, сыном Хапу, жившим во времена фараона XVIII династии Нового царства Аменхотепа III.

Позднейшая греческая традиция (начиная с V века до н. э.) отождествляла бога Имхотепа с Асклепием. С последним отождествляется созвездие Змееносца. Таким образом, Имхотеп является единственной реальной личностью, «ставшей» созвездием. Культ Имхотепа достиг своего апогея в греко-римский период, когда его храмы в Мемфисе и Филах на Ниле были заполнены толпами немощных и больных, стремившихся добиться исцеления, оставаясь на ночь в святилище.

Некоторые египтологи приравнивали Имхотепа к Иосифу из Библии, основываясь на том, что он был первым лицом после фараона Джосера и в это время в Египте, судя по сохранившимся источникам, была семилетняя засуха. Это подтверждает Стела голода.

Некогда почитаемая гробница Имхотепа до сих пор так и не найдена. Уолтер Эмери возобновил раскопки на раннем династическом некрополе в 1964 году после перерыва длительностью почти девять лет. Но его работы этих лет никогда не издавались и оставались лишь предварительными докладами. Что на самом деле было обнаружено в эти сезоны раскопок — так и осталось тайной.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Ананьева Д. И., Березовская О. А.**
 Объект и предмет преступления,
 предусмотренного статьей 234.1 УК РФ 163
- Антоненков В. Д., Захарчук И. В.**
 Организация прокурорского надзор
 в сфере миграции 165
- Антонова П. А., Попова В. А.**
 Участники гражданского процесса,
 способствующие осуществлению
 правосудия: отличительные характеристики ... 167
- Анциферова Д. К., Белозерцева М. В.,
 Южиков А. А., Диен И.**
 Маниакальный психоз: вопросы привлечения
 к уголовной ответственности 169
- Арустамян К. К.**
 Фотосъемка и видеофиксация в ходе
 следственных действий: правовой аспект..... 171
- Асеева Д. Н.**
 Понятие и виды преступлений и наказаний
 по Псковской судной грамоте 172
- Багазий М. А.**
 Предпринимательская деятельность:
 эволюция экономико-правового понятия
 и проблемы его нормативного закрепления... 175
- Багазий М. А.**
 Характеристика административных
 правонарушений в области
 предпринимательской деятельности 177
- Баширов В. Э.**
 Коллизионные вопросы раздела имущества
 в трансграничных семейно-брачных
 отношениях..... 179
- Беджанян А. В.**
 Научные подходы к классификации
 типичных следственных ситуаций
 на первоначальном этапе расследования
 коррупционных преступлений 181
- Безруков С. Д.**
 Соотношение понятий «способы охраны»
 и «способы защиты» трудовых прав
 работников 184
- Бекназарова Ю. А.**
 Суд присяжных: проблемы поддержания
 государственного обвинения..... 186
- Бельгарт А. Н.**
 Принцип неприкосновенности жилища
 в уголовном процессе..... 189
- Бицуева М. М., Кочукова Е. К.**
 Концепция гарантийного
 государства Н. Н. Алексеева (по труду
 «Русский народ и государство») 191
- Боброва В. Д.**
 К вопросу об использовании адвокатом
 технических средств при оказании
 юридической помощи по уголовному делу..... 194
- Брух Р. А.**
 Особенности предпринимательской
 деятельности несовершеннолетних 195
- Бузмакова К. В.**
 Инновационные технологии в системе
 Федеральной налоговой службы 198
- Ващенко В. О.**
 Проблемы совершенствования уголовного
 законодательства об ответственности
 за террористические акты 202
- Вельмейкина Т. С.**
 Актуальные проблемы профессионального
 представительства и адвокатской монополии
 в гражданском процессе в Российской
 Федерации 203
- Володин М. Ю.**
 Презумпция морального вреда как
 инструмент эффективной защиты личных
 прав автора..... 205
- Гадирова Б. И.**
 Уголовно-правовая характеристика
 преступности мигрантов 207
- Галеева Д. Р.**
 Некоторые проблемы правового
 регулирования социальных отношений
 в сфере образования..... 209
- Галеева Д. Р.**
 К вопросу об определении социальных
 отношений в сфере образования..... 211

Герасимчук А. Модельное законодательство Межпарламентской Ассамблеи СНГ как инструмент правовой гармонизации в социальной сфере 213	Егоров Н. С. Некоторые социальные проблемы, связанные с предпринимательской деятельностью физических лиц, и пути их решения 227
Голубева С. В. Проблемные аспекты обеспечения доказательств в арбитражном процессе 215	Егоров Н. С. Некоторые проблемы привлечения предпринимателей — физических лиц к юридической ответственности..... 228
Гонцов Е. О. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ в правоприменительной практике и пути их решения..... 217	Емашов Д. Ф. Проблема доказывания объективного банкротства в судебной практике и её влияние на реализацию прав предпринимателей-кредиторов..... 230
Григорян М. Г., Веригина Д. С. Сравнительный анализ систем защиты детей, оставшихся без попечения родителей, в России и США..... 220	Железнякова М. А. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних..... 233
Даурова С. Б. Проблемы статуса нерожденного ребенка как субъекта наследственного права в Российской Федерации..... 222	Жигулёва А. В. Особенности тактики осмотра места происшествия и иных следственных действий при расследовании ятрогенных преступлений 235
Долматов И. А., Безлепкин Е. А., Большева Е. К. Особенности конституционно-правового статуса автономной области и автономных округов как субъектов Российской Федерации 225	Житова В. Г. Правовая категория вещных прав в России и зарубежных странах в контексте реализации принципа добросовестности 237

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Объект и предмет преступления, предусмотренного статьей 234.1 УК РФ

Ананьева Дарья Ильинична, студент;

Березовская Олеся Андреевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

1. Объект преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ

Уголовный закон охраняет наиболее важные интересы (блага), на которые совершается посягательство. Такие интересы (блага), охраняемые уголовным законом, и являются объектом преступления.

Объект преступления — это часть объективной действительности, он имеет определенные материальные или нематериальные формы, границы, закономерности существования, ценности [1, с. 50].

Деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, наркосодержащих растений, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ отнесены к преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности — глава 25 УК РФ. Структурно она входит в раздел 9 УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Родовым объектом преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и наркосодержащих растений, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ выступает общественная безопасность и общественный порядок.

Видовой объект — часть родового объекта, объединяющая более узкие группы отношений. Они выделены законодателем в главах Особой части УК РФ, внутри определенного раздела. Видовым объектом исследуемого состава преступления является здоровье населения и общественная нравственность, что вытекает из названия главы, где этот состав располагается [2, с. 64].

Непосредственный объект — это часть видového объекта, т. е. то конкретное общественное отношение, против которого направлено преступное посягательство, терпящее урон всякий раз при совершении преступления данного вида. Непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ является здоровье населения, так как такие дей-

ствия, как незаконное производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, приобретение, ввоз и вывоз на территорию Российской Федерации, а также сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ, в конечном итоге, посягают на одно, из наиболее важных человеческих благ, охраняемых уголовным законом.

Дополнительным непосредственным объектом преступления является то общественное отношение, посягательство на которое не составляет сущности данного преступления, но которое этим преступлением нарушается или ставится в опасность нарушения наряду с основным объектом.

Факультативным непосредственным объектом преступления признается то общественное отношение, которое данное преступление в одних случаях изменяет, а в других нет [3, с. 107].

Необходимость выделения основного, дополнительного и факультативного непосредственного объекта заключается в том, что одно и то же преступление может одновременно нарушать несколько общественных отношений (например, при разбое посягательство осуществляется одновременно и на собственность, и на личность).

Дискуссий при определении объекта преступления, предусмотренного ст. 234.1, обычно не возникает. Разные авторы по-своему трактуют объект данного преступления, но от формулировки значение и смысл не изменяется.

2. Предмет преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ

Предмет преступления — это материальные предметы внешнего мира, на которые непосредственно воздействует преступник, посягая на соответствующий объект.

Предмет преступления не относится к основным, обязательным признакам состава преступления. Это факультативный признак, который имеется не во всех преступлениях. При квалификации содеянного предмет

преступления имеет правовое значение потому, что если он указан в конкретной уголовно-правовой норме, то по уголовному делу его необходимо обязательно доказать.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ выступают новые потенциально опасные психоактивные вещества, оборот которых в Российской Федерации запрещен.

Новые потенциально опасные психоактивные вещества — вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен [4, ст. 1].

В отличие от утвержденного Перечня наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров (постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681), список психоактивных веществ формируется в форме Реестра.

В Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен, включаются вещества, вызывающие у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасное для его жизни и здоровья, в отношении которых уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом [4, ст. 2.2].

Указанный выше закон устанавливает, что решение о включении вещества в Реестр принимается федеральным органом исполнительной власти по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ФСКН). Исключение нового потенциально опасного психоактивного вещества из Реестра осуществляется также по решению ФСКН.

Воздействуя на предмет преступления, преступник причиняет вред определенным интересам. Предмет преступления имеет существенное значение для квалификации содеянного, например, какие именно наркотические средства и в каком количестве перевозил субъект преступления; действительно ли изъяты вещества входят в перечень запрещенных веществ.

Таким образом, если нет предмета преступления — реального наркотического средства, психотропного вещества, их аналога или наркосодержащего растения, обладающего определенным видом, объемом, весом и отвечающего определенным признакам, отсутствует и состав преступления.

На сегодняшний день практика применения ст. 234.1 УК РФ отсутствует, в связи с тем, что обязательным условием ее реализации является включение НПОПВ в Реестр, который на сегодняшний день не сформирован. Обязанность ведения Реестра возложена на Главное управление по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел РФ.

По мнению Е. Н. Бархатовой, идея введения такого Реестра была направлена непосредственно на оперативное реагирование со стороны государства на регулярно появляющиеся НПОПВ, так как внесение новых психоактивных веществ в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (далее — Перечень) занимает большое количество времени, что делает более затруднительной борьбу с новыми веществами [5].

Таким образом, Реестр должен был стать промежуточным пунктом размещения опасных веществ с момента выявления вещества и до момента внесения его в Перечень, то есть оказывать помощь правоприменителю в защите жизни и здоровья граждан.

Соответственно, цель для которой данная статья была внесена в уголовный закон РФ, на сегодняшний день остается недостигнутой, а НПОПВ фактически продолжают находиться в легальном обороте.

В связи с различными точками зрения по данному вопросу, более рациональным представляется направить силы государства на пересмотр процесса внесения дополнений в Перечень, предусмотрев механизмы, которые бы позволили более оперативно реагировать государственным органам в лице Министерства здравоохранения РФ, Министерства внутренних дел РФ и Правительства РФ на постоянно появляющиеся новые психоактивные вещества.

Литература:

1. Суденко В. Е. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н. А. Духно. — Москва, 2016. — С.50.
2. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. — М.: ТК Велби, Издво Проспект, 2006. С. 64.
3. Уголовное право: современное состояние и перспективы развития [Электронный ресурс]: сборник научных статей / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Тюнина. — СПб: Издательство СПбГЭУ, 2014. С. 107.
4. Федеральный закон от 08.01.1998 N 3-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О наркотических средствах и психотропных веществах».
5. Бархатова Е. Н. Категория «новые потенциально опасные психоактивные вещества» в уголовном праве России // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции. 2023.

Организация прокурорского надзора в сфере миграции

Антоненков Владислав Дмитриевич, студент;

Захарчук Иван Владимирович, студент

Научный руководитель: Шутило Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Данная статья посвящена анализу прокурорского надзора в сфере миграции, который играет ключевую роль в обеспечении законности и защите прав граждан. В условиях увеличения миграционных потоков важность надзора за соблюдением миграционного законодательства возрастает. В статье рассматриваются основные полномочия прокуратуры в этой области, анализируется действующее законодательство в сфере регулирования рассматриваемого вопроса. Выявлены ключевые проблемы прокурорского надзора в данной сфере, которые снижают его эффективность.

Ключевые слова: прокурорский надзор, миграция, правонарушения, законность, миграционный поток, нелегальная миграция.

В условиях глобализации современного общества активизируются и миграционные процессы, что ставит перед государственными органами задачу обращать особое внимание на принятие мер по обеспечению законности и сохранению правопорядка в рассматриваемой сфере. Прокуратура, как основной надзорный орган, играет важнейшую роль в проведении проверочных мероприятий по соблюдению и исполнению миграционного законодательства. Однако эффективность прокурорского надзора в сфере миграции сталкивается с рядом существенных проблем, которые требуют тщательного анализа и поиска решений.

В целом следует отметить, что на сегодняшний день одним из наиболее явных проблем в миграционной сфере является большое количество нелегальных мигрантов, проживающих в России. Так, каждый год в Российской Федерации, по различным источникам, от 3 до 5 млн иностранных граждан занимаются нелегальной трудовой деятельностью [1].

Приказом Генерального прокурора от 12 апреля 2024 № 273 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» достаточно подробно и ясно освещены основные аспекты деятельности органов прокуратуры в данной сфере, суть которых сводится к тому, что прокурорам необходимо:

— осуществлять надзор за правомерностью действий миграционных служб и других государственных органов, к компетенции которых относятся вопросы миграции, что включает в себя проведение проверок по соблюдению прав участников миграционных отношений — граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, их защиты от преступных посягательств;

— принимать меры по обнаружению и предупреждению возможных нарушений прав человека в процессе миграционного контроля, включая случаи дискриминации, принуждение к труду, а также нарушению прав беженцев;

— обеспечивать участие в судебных разбирательствах, где прокурор может выступать в суде в качестве стороны по защите законных интересов граждан, а также в каче-

стве представителя государства в делах о незаконной миграции [2].

Вместе с тем, анализ действующего законодательства по вопросам осуществления полномочий органами прокуратуры в сфере миграции приводит к выводу о том, что существующие положения нормативных актов недостаточно регулируют рассматриваемую сферу отношений с участием надзорного органа.

Недостаточная конкретизация обязанностей и полномочий различных государственных органов в сфере миграции, а также непосредственно прокуроров приводит к неполноте, неэффективности контроля миграционного потока в России, и как следствие, несвоевременному выявлению и предупреждению случаев нарушений законов в данной сфере.

В Федеральном законе от 17 января 1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» отсутствуют положения, которые характеризуют особенности полномочий прокурора в сфере миграции [3]. На наш взгляд, данное направление требует особого внимания со стороны государства ввиду участвовавших случаев незаконной миграции, росту преступлений среди мигрантов на территории России, а также нарушению прав российских граждан.

Так, согласно статистическим данным Следственного комитета Российской Федерации, лица, находящиеся незаконно на территории России, за восемь месяцев 2024 года совершили более 26 тыс. преступлений [4]. Например, самым обсуждаемым на сегодня является скандал, где в подмосковных Мытищах власти города решили подарить многодетной семье из Таджикистана квартиру за 24 млн рублей [5]. В ходе проверочных мероприятий, проведенных Следственным комитетом было выявлено, что семья предоставила недостоверные сведения касаясь своего имущественного и материального положения, а власти должным образом не провели соответствующую проверку перед принятием решения о выдаче такого дорогостоящего «подарка», в связи с чем было возбуждено уголовное дело о мошенничестве. Определенно ясно, что данный случай не остался без внимания

и все же проверка проведена, однако стоит вопрос, по каким причинам такое допустили уполномоченные органы, и почему своевременно не подключились органы прокуратуры.

Из вышеуказанной проблемы также вытекает, как следствие, недоработка механизмов взаимодействия органов прокуратуры с государственными органами, в том числе миграционными службами. Практика показывает, что во многих регионах прокурорские проверки проводятся не регулярно и в основном по заданиям вышестоящих прокуроров. В результате правонарушения своевременно не выявляются, не устраняются, а нарушенные права не восстанавливаются, либо восстанавливаются с большим опозданием [6]. Так, например, Энгельский районный суд Саратовской области удовлетворил исковое заявление заместителя прокурора г. Энгельса о признании незаконными действий УФМС России по Саратовской области и отдела УФМС России по Саратовской области в г. Энгельсе по неосуществлению федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, регистрации по месту жительства иностранных граждан в количестве 18 человек. Однако апелляционным определением Саратовского областного суда данное решение было отменено, поскольку на момент предъявления прокурором искового заявления в районный суд иностранные граждане были сняты с миграционного учета [7].

Несвоевременные меры прокурорского реагирования значительно препятствуют восстановлению нарушенных государственных и общественных интересов. В конкретном случае, требования прокурора были признаны как незаконными, так и необоснованными, что негативно сказывается на эффективности всей системы деятельности органов прокуратуры. Это также подчеркивает необходимость более оперативного и тщательного анализа ситуаций, требующих вмешательства прокуратуры, чтобы обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан.

Для повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением миграционного законодательства Российской Федерации, а также для защиты законных интересов и прав субъектов миграционных правовых отношений, видится необходимым принять меры по совершенствованию действующего законодательства в части полномочий прокуроров в данной сфере. Так, предлагается закрепить в Федеральном законе «О прокуратуре» миграционные отношения, как одно из направлений деятельности прокуратуры по обеспечению соблюдения законов, а также установление пределов их полномочий.

Кроме того, следует улучшить информационно-аналитическое и методическое обеспечение мероприятий, проводимых в рамках этого вида прокурорского надзора. Одним из ключевых направлений развития информационного обеспечения в данной сфере является расширение и углубление сотрудничества прокуроров с государственными органами и общественными организациями, которые занимаются противодействием незаконной миграции.

Такое взаимодействие позволит создать более полное представление о ситуации в области миграции, выявлять и анализировать практику, связанную с нарушениями законодательства, а также оперативно реагировать на возникающие проблемы. Обмен информацией не только повысит степень правоприменения, но и обеспечит более активное участие гражданского общества в вопросах миграционной политики.

Дополнительно следует рассмотреть возможность создания специализированных рабочих групп, включающих представителей прокуратуры, МВД и научного сообщества, которые смогут разрабатывать рекомендации и методические пособия для улучшения прокурорского надзора в сфере миграции, а также проведению контрольных и надзорных мероприятий по данному направлению.

В результате, принятие указанных мер будет способствовать повышению уровня законности и правопорядка в области миграционных правовых отношений.

Литература:

1. Максимова Е. В. Прокурорский надзор в сфере миграционного законодательства / Е. В. Максимова // Молодой ученый. 2020. N 19 (309). С. 328–330.
2. Приказ Генпрокуратуры России от 12 апреля 2024 № 273 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» // Законность. — № 6. — 2024.
3. Федеральный закон от 17 января 1992 № 2202–1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472; 2024. — № 41. — Ст. 6059.
4. СКР: в 2024 году преступность среди нелегальных мигрантов выросла почти втрое. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7197764> (дата обращения: 01.05.2025).
5. Система выдачи квартир мигрантам требует внимания Генпрокуратуры России. URL: <https://infopro54.ru/news/sistema-vydachi-kvartir-migrantam-trebuets-vnimaniya-genprokuratury-rossii/> (дата обращения: 01.05.2025).
6. Паламарчук А. Задачи прокурорского надзора за исполнением миграционного законодательства // Законность. 2014. № 1. С. 9–13.
7. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 25.09.2014 по делу № 33–5180. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=280261#07716064679241177> (дата обращения: 01.05.2025).

Участники гражданского процесса, способствующие осуществлению правосудия: отличительные характеристики

Антонова Полина Андреевна, студент;

Попова Вероника Алексеевна, студент

Научный руководитель: Томилов Александр Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматривается специфика правового статуса лиц, содействующих осуществлению правосудия. Авторами проведен анализ современных подходов относительно определения состава субъектов, участвующих в помощи судопроизводству. Сравнивая положения Арбитражного процессуального кодекса РФ и Гражданского процессуального кодекса РФ, авторы приходят к выводу, что последний не предусматривает специальной правовой нормы, регламентирующей положение данной категории участников судебного процесса, что создает трудности в их четкой квалификации на практике. Для решения выявленной проблемы предлагается дополнить главу 4 Гражданского процессуального кодекса РФ соответствующими изменениями.

Ключевые слова: гражданский процесс, лица, содействующие осуществлению правосудия, эксперт, специалист.

Лица, способствующие отправлению правосудия — это участники гражданского процесса, привлечённые либо судом, либо сторонами для исполнения определённых действий, направленных на эффективное разрешение споров и выполнение судебной деятельности.

Правовая сущность и круг лиц, содействующих гражданскому процессу, остаются предметом дискуссий среди учёных, таких как В. В. Ярков и Т. В. Сахнова. Несмотря на различия мнений, выделяются две ключевые черты: вспомогательная роль и отсутствие личной заинтересованности в результате дела. Обычно сюда включают экспертов, специалистов, свидетелей, переводчиков, помощников судей и секретарей судебных заседаний.

При необходимости специальных познаний для решения конкретных вопросов, возникающих в ходе рассмотрения дела, суд назначает экспертизу. Правовые аспекты деятельности экспертов закреплены в Гражданско-процессуальном кодексе РФ в ст. 85, посвящённой доказательствам и процессу доказывания [2, ст.85]. Эксперт обязан принять задание от суда, провести тщательное исследование представленных материалов и документов, подготовить обоснованное заключение по заданным вопросам и направить его в суд. Если потребуется, он также должен присутствовать в суде и давать пояснения по результатам своей работы. Часто специальные познания экспертов становятся решающим фактором для вынесения справедливых решений судами по гражданским делам.

25 сентября 2024 г. В Арбитражном суде Забайкальского края рассматривался иск гражданина о признании права собственности на самовольную постройку. Суд назначил строительно-техническую экспертизу, чтобы установить наличие нарушений градостроительных и строительных норм и правил, а также угрозу жизни и здоровью граждан. Экспертиза показала отсутствие существенных нарушений и угрозы безопасности. Основываясь на заключении эксперта, суд удовлетворил исковые требования, признав право собственности истца на указанный объект недвижимости [4]. Статья 188 ГПК РФ предусма-

тривает возможность привлечения специалиста для дачи консультации, пояснений, оказания непосредственной технической помощи суду (например, фотографирования и проч.). Основная цель участия в процессе специалиста — дача суду консультации в устной или письменной форме, исходя из профессиональных знаний. Его привлечение возможно без проведения специальных исследований, назначаемых на основании определения суда. Но получение консультаций не всегда способствует разрешению спора, а, наоборот, может дать новый импульс рассмотрения дела и подвигнуть суд к назначению экспертизы, или другим процессуальным действиям.

При решении дела в Приморском районном суде г. Санкт-Петербурга о взыскании денежных средств, неустойки, компенсации морального вреда, штрафа в связи с ненадлежащим исполнением договора-купли продажи была выявлена необходимость в пояснении специалиста, который удостоверил в процессе исследования различные дефекты на отдельных участках салона автомобиля. Данное пояснение повлияло на ход судебного разбирательства, и в дальнейшем назрела необходимость проведения экспертизы [3].

Следующее лицо, помогающее правосудию — свидетель, обладающий информацией о важных обстоятельствах дела. Показания свидетеля являются доказательством согласно ст. 69 ГПК РФ. Ложные показания или отказ от дачи сведений наказуемы законом, о чём свидетель уведомляется судом. Как эксперт и специалист, свидетель помогает суду принять правильное решение.

Анализируя содержание статьи 162 ГПК РФ, процессуальный статус переводчика является очевидным и четко определенным. Согласно статье 9 ГПК РФ гражданское судопроизводство ведется на русском языке или на государственном языке республики, которая входит в состав РФ и на территории которой находится соответствующий суд. Законодатель рассматривает переводчика как «инструмент», содействующий осуществлению правосудия [5, с. 210].

Нормы, характеризующие деятельность секретаря судебного заседания и помощника судьи, содержатся в различных статьях ГПК РФ (например, 230 ГПК РФ). Данные лица существенно помогают правосудию даже вне суда. Без них судьям было бы сложно исполнять обязанности полноценно. Отнесение представителей к такой категории спорно: хотя представители не имеют личного интереса, они не выполняют служебно-вспомогательные функции. Их следует считать отдельной категорией, действующих от имени участников процесса, но сами участниками не являясь. Учёные продолжают обсуждать этот вопрос, предлагая новые подходы.

Следует полагать, что к данному перечню следует отнести эксперта, специалиста, свидетеля, переводчика, секретаря судебного заседания и помощника судьи. Данный вывод подтверждается и арбитражным процессуальным законодательством. Статья 54 АПК РФ закрепляет, что наряду с лицами, участвующими в деле, в арбитражном процессе могут участвовать их представители и содействующие осуществлению правосудия лица — эксперты, специалисты, свидетели, переводчики, помощник судьи и секретарь судебного заседания. Мы видим, что законодатель не относит к лицам, оказывающим содействие правосудию в арбитражном процессе, представителей [1, ст.54].

Учитывая сходство гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства в нашей стране, важно отметить целесообразность введения аналогичной статьи в ГПК РФ. Мы предлагаем дополнение главы 4 ГПК РФ новой статьей — «Иные участники гражданского судопроизводства», содержащей положение аналогичное статье 54 АПК РФ. Например, формулировка может звучать следующим образом: «Помимо лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе вправе присутствовать их представители, а также лица, оказывающие содействие отправлению правосудия, такие

как эксперты, специалисты, свидетели, переводчики, помощники судей и секретари судебных заседаний».

Проанализировав тему исследования, нами были выделены следующие проблемы:

1. Отнесение лица к данной категории часто вызывает сложности ввиду неопределенности понятий и отсутствия четких правовых норм. Это приводит к ошибкам и путанице в судебной практике. Для этого необходимо разработать и утвердить конкретные критерии, определяющие категорию участников гражданского процесса, способствующих осуществлению правосудия. Эти критерии должны быть изложены ясно и однозначно, чтобы исключить двусмысленность и разночтения.

2. Многие участники гражданского процесса не осведомлены о своих правах и обязанностях, что негативно сказывается на эффективности судебного разбирательства. Чтобы избежать негативных последствий, участникам процесса рекомендуется изучить свои процессуальные права и обязанности, отражённые в ГПК РФ. Общие права и обязанности для всех лиц — участников гражданского судопроизводства закреплены в ст. 35 ГПК РФ.

Суммируя изложенное ранее, важно вновь отметить, что участники процесса, способствующие отправлению правосудия и перечисленные выше, вполне соответствуют своему правовому статусу. У каждого из них имеется собственная задача, каждое лицо представляет собой важное звено, отсутствие которого сделало бы невозможным исполнение судебных функций и достижение конечной цели — справедливого судебного разбирательства. Для эффективного функционирования системы гражданского судопроизводства необходимо устранить существующие проблемы путем совершенствования законодательства, повышения уровня правовой культуры и информирования участников процесса.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025)//Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025)//Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 25 февраля 2015 г. по делу № 33–2163 — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/132913100/> (дата обращения: 10.05.2025г)
4. Решение от 25 сентября 2024 г. по делу № А78–234/2024 Арбитражный суд Забайкальского края (АС Забайкальского края) — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ubowuyvYEOaUQ/> (дата обращения: 10.05.2025г)
5. Сахнова Т. В.// Курс гражданского процесса// Издательство «Статут». — 2014, ст.210–257 — URL: https://www.ivurcol.net/el_resurs/2_kurs/kurs_grazhdanskogo_processa.pdf (дата обращения: 10.05.2025г)

Маниакальный психоз: вопросы привлечения к уголовной ответственности

Анциферова Дарья Константиновна, студент;

Белозерцева Мария Витальевна, студент;

Южиков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент;

Диен Ибрахима, студент магистратуры

Астраханский государственный технический университет

Ключевые слова: маниакальный психоз, уголовная ответственность, вменяемость.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью анализа существующих правовых норм, регулирующих уголовную ответственность лиц, страдающих маниакальным психозом, в контексте российского уголовного законодательства. В последние десятилетия наблюдается рост интереса к вопросам взаимодействия психиатрии и уголовного права, что обусловлено как увеличением числа преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами, так и необходимостью более глубокого понимания механизмов, влияющих на поведение таких индивидов.

Маниакальный психоз, как выраженный эпизод биполярного аффективного расстройства, отражает сложные изменения в психическом состоянии пациента и сопровождается острыми психотическими симптомами, такими как бред и галлюцинации. Под маниакальным психозом психиатры понимают развитие психотических симптомов при мании — положительном полюсе маниакально-депрессивного психоза. Повышенная активность, беспокойство, бессонница и изменения уровня энергии — все это яркие проявления нарушения, которые могут привести к опасному поведению и уголовной ответственности [1].

Длительные маниакальные фазы могут вызывать серьезные изменения в восприятии и поведении человека. Они часто становятся импульсивными или действуют под воздействием искажённых реальностью убеждений, что может привести к уголовным правонарушениям. Замечается, что в маниакальной фазе люди проявляют повышенную агрессивность, или наоборот, ненадлежащую щедрость, что влечет за собой социальные конфликты и возможные юридические последствия [2]. Следовательно, уголовные дела с участием лиц, страдающих маниакальным психозом, могут быть особенно сложными в правовом аспекте, так как необходимо учитывать состояние психического здоровья обвиняемого. Потребность в внимательном исследовании и понимании границ между психическим состоянием и уголовной ответственностью актуальна для правозащитников, судей и психиатров.

Уголовная ответственность в России представляет собой систему правовых норм, которая регулирует правоприменение в случаях совершения преступлений. Уголовная ответственность подразумевает наличие определенных оснований и принципов, которые должны быть

соблюдены для её применения. Одним из основополагающих является принцип вины, согласно которому лицо может быть привлечено к ответственности лишь за те деяния, в отношении которых установлена его вина. Это важнейший принцип, закрепленный в статье 5 УК РФ, который необходимо учитывать, особенно в контексте лиц с психическими расстройствами, такими как маниакальный психоз [1].

В случае с лицами, страдающими от маниакального психоза, возникает вопрос о вменяемости и возможности привлечения их к уголовной ответственности. Уголовный кодекс в отдельной статье определяет условия, при которых лицо может быть признано невменяемым, а следовательно, не может нести уголовную ответственность за свои действия. В этом контексте важно различать различные формы психических расстройств и их влияние на осознание и контроль за своим поведением [1].

Эксперты подчеркивают, что в большинстве случаев такие расстройства, как маниакальный психоз, могут существенно исказить восприятие реальности виновным, что делает его действия менее предсказуемыми и, следовательно, может ставить под сомнение наличие его вины. Это может послужить основанием не для уголовной, а для медицинской ответственности, что предполагает другую форму реабилитации и контроля.

В уголовном праве вменяемость и невменяемость рассматриваются с точки зрения способности индивидуума осознавать свои действия и предвидеть их последствия. Психические расстройства, такие как маниакальный психоз, могут затуманивать это понимание, однако наличие психического расстройства само по себе не является основанием для признания индивида невменяемым. Важно установить, в какой степени психическое расстройство влияло на действия человека в момент совершения преступления [3].

Регламентируя правила установления уголовной ответственности, законодатель специально оговорил, что в соответствии со ст. 22 УК РФ вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими, все-таки подлежит уголовной ответственности. Указанное нормативное положение именуется в специальной юридической литературе как «ограниченная (уменьшенная) вменяемость».

Подобно невменяемости, ограниченная вменяемость проявляется в совокупности двух критериев, а именно медицинского и юридического.

Медицинский критерий ограниченной вменяемости определяется в случае выявления одного из следующих видов психических расстройств:

- хроническое психическое расстройство;
- временное психическое расстройство;
- слабоумие;
- иное болезненное состояние психики;
- различные психопатии (акцентуации характера, расстройство влечений и привычек и т. д.) [4].

Юридический критерий ограниченной вменяемости, подобно аналогичному критерию невменяемости, дифференцируется на интеллектуальный и волевой признаки. Именно данный критерий отражает способность лица стать субъектом уголовной ответственности.

Сами обвиняемые в большинстве случаев не способны правильно осознать свои действия или следствия этих действий в момент их совершения. Это ставит под сомнение идею полной ответственности за свои поступки, что разнообразит юридические подходы к каждому отдельному делу.

Судебная практика показывает, что случаи привлечения к уголовной ответственности лиц с маниакальным психозом различаются по своему содержанию и обстоятельствам. В ситуации, когда психическое расстройство не полностью влияет на психическое состояние индивидуума, но вносит коррективы в его поведение, могут возникать сложности с определением степени вменяемости. Это дает основания к разным трактовкам и, следовательно, к различным судебным решениям [5].

Гражданин М., 45 лет. Образование высшее неоконченное. Временно неработающий. Разведен. Несколько раз проходил лечение в психиатрическом стационаре, состоит на учете у врача-психиатра.

Подозреваемый по делу о совершении кражи. Из обстоятельств уголовного дела: переодевшись в женскую одежду, похитил вещи из дома бывшей жены. При осмотре многословен, выразительно, размашисто жестикулирует, шутит и смеется над собственными шутками, обращается одновременно к разным экспертам с вопросами, не дожидаясь ответа, задает новые. О совершенном противоправном деянии рассказывал как о некоем забавном

приключении. С озорством в глазах сообщил, что хотел забрать свои вещи из дома бывшей жены, заодно прихватил еще какие-то, возможно, не свои. Чтобы его не подозревали, переоделся в женскую одежду, замаскировался под бабушку и в таком виде проник в дом, из которого совершил кражу. Хвастался своей смекалкой. Нисколько не унывал от того, что стал фигурантом уголовного дела.

После изучения медицинской документации и материалов уголовного дела уставлено, что психическое состояние М. изменилось за несколько недель до совершения общественно опасного деяния. Он прекратил прием поддерживающего лечения, не посещал психиатрический диспансер. По результатам экспертного исследования установлено, что М. на момент совершения общественно опасного деяния находился в маниакальном состоянии и по психическому состоянию не мог понимать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

В соответствии с экспертным заключением М. освобожден судом от уголовной ответственности на основании невменяемости, отправлен на принудительное лечение в психиатрический стационар.

В ходе анализа было установлено, что маниакальный психоз, как одно из психических расстройств, существенно влияет на поведение человека, что, в свою очередь, ставит под сомнение его вменяемость и способность осознавать свои действия. Подводя итоги данной работы можно сделать вывод о том, что люди, страдающие маниакальным психозом, чаще всего являются невменяемыми и не могут привлекаться к уголовной ответственности. Но существуют и такие случаи, когда такие люди могут нести уголовную ответственность с ограниченной вменяемостью.

Перспективы реформирования законодательства о привлечении к уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами также являются актуальной темой для обсуждения. В условиях современного общества, где внимание к психическому здоровью становится все более значимым, необходимо пересмотреть существующие нормы и адаптировать их к реалиям. Это может включать в себя более четкие критерии для определения вменяемости, улучшение механизмов взаимодействия между медицинскими и юридическими учреждениями, а также разработку программ реабилитации для лиц, страдающих психическими расстройствами.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) | ГАРАНТ [Электронный ресурс] // base.garant.ru — Режим доступа: <https://base.garant.ru/10108000/>, свободный. — Загл. с экрана
2. Диверинский, А. М. Маниакальный психоз — симптомы и лечение / А. М. Диверинский. — Текст : электронный // Проблемы : [сайт]. — URL: <https://probolezny.ru/psihoz-maniakalnyy/> (дата обращения: 20.05.2025).
3. Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости. — Текст : электронный // Официальный сайт городского округа Спасск-Дальний : [сайт]. — URL: <https://spasskd.ru/index.php/organizatsii-goroda/prokuratura/9999-old-9999> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Рыжова, О. А., Паменкова И. А. Невменяемость и ограниченная вменяемость: понятие, критерии, значение в российском уголовном праве / О. А. Рыжова, И. А. Паменкова. — Текст : непосредственный // Электронный

научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2016. Т. 4, № 1 (13) <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307–9525. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/ryzhova_oa_pamenkova_ia_16_1_09.pdf

5. Рашитова Аэлиа Радиковна Некоторые вопросы о вменяемости и невменяемости в уголовном праве // Science Time. 2017. №1 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-o-vmenyaemosti-i-nevmenyaemosti-v-ugolovnom-prave> (дата обращения: 20.05.2025).

Фотосъёмка и видеofиксация в ходе следственных действий: правовой аспект

Арустамян Каро Камович, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются вопросы использования фото- и видеосъёмки при проведении следственных действий. Анализируется правовая основа фиксации, её доказательственное значение и актуальные проблемы практики. Предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования и технического обеспечения данного процесса.

Ключевые слова: видеозапись, фотосъёмка, следственные действия, доказательства, УПК РФ, фиксация.

Введение

Современный этап развития уголовного судопроизводства характеризуется активным внедрением цифровых технологий. Фотографирование и видеозапись следственных действий приобретают всё большее значение не только как средства фиксации, но и как полноценные доказательства, используемые в уголовном процессе. В условиях цифровизации важнейшей задачей становится обеспечение достоверности и допустимости таких материалов. От правильного использования фото- и видеотехники зависит не только качество доказательственной базы, но и соблюдение прав участников уголовного судопроизводства.

1. Правовая основа применения фото- и видеосъёмки

Право на фиксацию следственных действий предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. В соответствии с ч. 2 ст. 170 УПК РФ, в протоколе следственного действия может быть указано, что при его производстве осуществлялась фото-, киносъёмка, видеозапись, звукозапись. Фиксация при этом должна производиться с соблюдением всех требований к допустимости доказательств.

Фотографии и видеозаписи, сделанные в ходе следственных действий, выступают в качестве приложения к протоколу и приобщаются к материалам уголовного дела. Также важна статья 83 УПК РФ, согласно которой вещественными доказательствами могут выступать в том числе цифровые носители информации.

2. Технические средства фиксации

Современные следственные органы располагают различными средствами видео- и фотосъёмки: цифровыми

фотоаппаратами, видеокамерами, мобильными устройствами, бортовыми регистраторами. Однако нередко используется личная техника следователей, что может вызывать сомнения в подлинности материалов.

Проблемой остаётся отсутствие единого стандарта хранения видеодоказательств: нередко записи копируются на диски, флешки без должной защиты от редактирования. Отсутствие метаданных (даты, времени, координат) делает такие материалы уязвимыми для оспаривания в суде.

3. Проблемы практики

На практике фиксируются случаи, когда при производстве следственных действий видеосъёмка не ведётся, либо ведётся выборочно. Некоторые следователи по-прежнему ограничиваются только письменным протоколом, не используя современные средства фиксации. В ряде дел суд исключает видеозаписи из доказательств из-за нарушений порядка их приобщения или отсутствия достоверности.

Имеют место и технические ошибки: несинхронизированные устройства, плохое качество звука и изображения, потеря данных. Нарушения при копировании и хранении цифровых доказательств могут привести к их полной утрате или недопустимости в процессе.

4. Судебная практика

В судебной практике встречаются как положительные, так и отрицательные примеры использования видеofиксации. Так, в одном из дел видеозапись допроса подозреваемого подтвердила добровольность его признания, несмотря на утверждения защиты об оказании давления. В другом случае суд исключил запись осмотра места происшествия, поскольку она велась без согласия одного из участников и без отражения в протоколе.

Таким образом, важнейшее значение имеет соблюдение процессуальных требований при видеосъёмке,

включая наличие отметки в протоколе, разъяснение прав участникам и обеспечение условий достоверности.

5. Предложения по совершенствованию правового регулирования

В целях повышения эффективности фото- и видеофиксации в уголовном процессе представляется целесообразным: — Ввести обязательную видеофиксацию всех следственных действий, затрагивающих права граждан; — Разработать технический регламент для фото- и видеосъёмки, включая требования к оборудованию, метаданным, качеству и форматам; — Обеспечить централизованное хранение записей на защищённых серверах с автоматическим копированием; — Установить ответственность за со-

крытие или фальсификацию видеодоказательств; — Включить в учебные программы следователей дисциплину по цифровым методам фиксации доказательств.

Заключение

Фото- и видеосъёмка становятся неотъемлемыми элементами следственных действий и важным источником доказательств в уголовном процессе. Для повышения их доказательственной силы необходимо устранить пробелы в правовом регулировании и обеспечить техническую оснащённость следственных органов. Только в условиях прозрачности, законности и технологической грамотности возможно достижение целей уголовного судопроизводства — установления истины и защиты прав человека.

Литература:

1. О полиции: Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Об использовании цифровой фотографии: Информ. письмо ЭКЦ МВД России от 1 марта 2005 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. от 29 нояб. 2012 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Внуков В. И. Фотографическая и видеофиксация на местах происшествий при взрывах и пожарах // актуальные вопросы медицины и права: сборник научных трудов студентов медицинского и юридического институтов БФУ им. И. Канта: Пенза. — 2016.- С. 60–67.
7. Воробьев Д. В. Проблемы применения видеосъёмки при изъятии вещей и документов в качестве меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях на потребительском рынке России (на примере Воронежской области) // Полиция и общество: пути сотрудничества: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. — 2017.- С. 33–37.
8. Карелина С. Н. Применение видеосъёмки в ходе допроса несовершеннолетнего // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2017. — № 15 (15). — С. 100–103.
9. Шушпанов С. В. Видеосъёмка как обязательный способ фиксации допроса // Сборник материалов криминалистических чтений. — 2015. — № 11.- С. 69–70.

Понятие и виды преступлений и наказаний по Псковской судной грамоте

Асеева Дарья Николаевна, студент

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

Псковская судная грамота является одним из важнейших памятников древнерусского права, отражающим особенности уголовного законодательства на территории Псковского княжества в период феодальной раздробленности. Анализ норм, регулирующих преступления и наказания, позволит реконструировать картину преступности того времени, и понять, как псковское государство реагировало на нарушения правопорядка. Настоящая статья посвящена исследованию преступлений и наказаний, описанных в Псковской судной грамоте, их классификации и особенностям применения.

Ключевые слова: Псковская судная грамота, уголовное право, преступление, наказание, Русская Правда, смертная казнь.

Более половины статей Псковской судной грамоты предусматривают нормы, которые содержат виды пре-

ступлений и наказаний. Уголовное право Пскова сохраняло и развивало систему преступлений и наказаний, ха-

рактрных для Русской Правды, но содержало и большое количество новшеств, которые получили дальнейшее развитие в праве Московской Руси в XII–XVI вв. [7, с. 219]. Понятие преступления существенно изменилось по сравнению с понятием преступления, предусмотренным в Русской Правде. По Русской правде, преступление — это «обида», то есть причинение морального или материального ущерба определённом лицу. Но по сравнению с Псковской судной грамотой она не упоминала о таких преступных деяниях как преступления против государства в целом или против отдельных должностных лиц. Значительным достижением в понимании преступления в российском праве стало определение этого понятия, представленное в Псковской Судной Грамоте. Преступлением рассматривался не только ущерб, причиненный конкретному частному лицу, но и вред, нанесенный государству в целом [3, с. 64]. В связи с этим Псковская судная грамота упоминает политические преступления, о которых отсутствует информация в Русской Правде.

Субъектами преступлений являлись бояре, купцы, житыи люди, посадские жители и различные группы феодально-зависимого сельского населения, включая изорников, огородников и кочетников. Традиционно из состава субъектов преступления исключаются холопы [4, с. 62].

Анализ статей Псковской судной грамоты позволяет выделить несколько категорий преступлений, основываясь на объекте посягательства и характере деяния:

1. Преступления против государства

Перевет, т. е. измена, под которой понимались переход на сторону неприятеля, поддержание с ним сношений, деятельность в пользу враждебных республике внешних сил, и крамола, под которой охватывались деяния, посягавшие на основы государственного строя, на правовые устои вечевой демократии [2, с. 81]. Перевет является первым упоминанием о государственном преступлении, который карался смертной казнью, так как являлся особо тяжким преступлением.

2. Преступления против судебных органов

Взятка (посул) судье, насильственное вторжение в судебное помещение, насилие в отношении судейских чинов, сопротивление обыску.

3. Имущественные преступления

Грабеж — насильственный и открытый захват имущества, разбой — вооруженное нападение с целью грабежа. Сюда также относилась татьба (кража), которая делилась на простую (кража, совершённая 1 или 2 раза) и квалифицированную (кража, совершенная 3 раза). Важно отметить, что кража не рассматривалась с одинаковой строгостью для всех — в зависимости от социального статуса потерпевшего или обвиняемого, от размеров похищенного, способа похищения могли варьироваться размеры наказаний. Наиболее серьезными видами имущественных преступлений, как и в Русской Правде, признавались поджог и конокрадство. [5, с. 96] Однако в отличие от Русской Правды, за эти деяния предусматривалась смертная казнь.

4. Преступления против личности

Убийство (головщина), нанесение побоев, оскорбление действием (например, вырывание бороды). Убийство человека было строго наказуемо. Это говорит о высоком уровне защиты права на жизнь. К наиболее тяжким преступлениям относятся братоубийство или убийство родителей (ст. 96–97) [8, с. 50].

Наказания, предусмотренные Псковской судной грамотой, варьировались в зависимости от тяжести преступления. Рассмотрим основные виды наказаний:

1. Смертная казнь

В Древней Руси, согласно Русской Правде, смертная казнь не применялась. Это связано с начальным этапом закрепощения крестьян, когда феодалы еще не нуждались в столь суровом наказании для поддержания контроля. Согласно летописям, смертная казнь все же применялась, в особенности во времена подавления восстаний, как городских, так и крестьянских, а также в периоды междоусобной борьбы князей за власть. Однако, это рассматривалось как исключительная мера воздействия на бунтовщиков со стороны правящего класса. В обыденной жизни феодалы вполне могли удерживать власть, используя денежные штрафы, а в случаях особо тяжких преступлений — прибегая к конфискации имущества и изгнанию.

Псков в тот период представлял собой государство, где социальные противоречия достигли критической точки. Процесс закрепощения крестьянства неуклонно прогрессировал, сопровождаясь всё более жёсткой эксплуатацией городского населения. Это привело к резкому обострению классовой борьбы. Феодалы столкнулись с ситуацией, когда привычные методы недовольства уже не работали. Их власть трещала по швам под тяжестью нарастающего социального напряжения. Крестьяне, обременённые непосильным трудом и лишённые основных прав, всё чаще проявляли сопротивление, а городские массы, испытывающие на себе тяжесть феодального гнёта, тоже были полны негодования.

Ситуация осложнялась географическим положением Пскова. Находясь на границе враждебного государства — Литовским орденом и Великим княжеством Литовским — Псков постоянно подвергался угрозе внешней агрессии. Немцы и литовцы совершали набеги, посягая на территориальную целостность Пскова. Угроза войны вынуждала феодалов ещё жёстче подавлять любые проявления измены, включая даже малейшие намёки на сотрудничество с внешними врагами. Любое действие, которое могло быть истолковано как предательство или угроза государству, рассматривалось как крайне серьёзное преступление.

В таких условиях феодалы прибегали к чрезвычайно жестоким мерам. Смертная казнь стала распространённым наказанием за особо тяжкие преступления. Это была не просто кара за конкретное деяние, но и устрашающий пример для всех, кто осмеливался бросать вызов устоявшемуся порядку. Феодалы, опасаясь потери власти как из-за внутреннего сопротивления, так и из-за внешней агрессии, использовали смертную казнь как инстру-

мент удержания контроля и подавления любого проявления неповиновения. Страх перед смертной казнью был важной составной частью системы управления Псковским княжеством в этот период его истории, подчёркивая напряжённость и хрупкость существовавшего социально-политического порядка. Поэтому можно сказать, что система наказания отражала глубокий социальный кризис и острую необходимость для феодалов в удержании своей власти.

Смертная казнь применялась за совершение наиболее тяжких преступлений, что подчеркивало значимость лояльности к князю и защиту государства. Так смертной казнью каралась кромская татьба, конокрадство, татьба, совершённая в третий раз, перевет.

Рассматривая тему смертной казни, важно обратить внимание на способы её исполнения. Хотя официальные документы могут умалчивать об этом, исторические хроники и летописи содержат сведения о том, как именно приводился в исполнение смертный приговор. Так воров либо сжигали, либо вешали, поджигателей сжигали, изменников забивала толпа, убийцам отрубали голову. Известно было также утопление и отсечение головы.

2. Штраф

Размер взимаемого штрафа зависел от тяжести совершённого преступления.

Самым дорогим преступлением было вырывание бороды, за которое полагалось выплатить два рубля. Для сравнения, за убийство, побои, оскорбление суда и нарушение порядка в суде штраф был вдвое меньше — один рубль [1, с. 22–40]. Воровство, разбой, драки, карались штрафами, которые были непосильны для бедняков. Эта система загоняла неимущих в долговую яму, поскольку они были вынуждены обращаться за помощью к ростовщикам, боярам и купцам, чтобы выплатить огромные штрафы, и в итоге попадали к ним в кабалу.

Существовали следующие виды штрафов:

- продажа, сумма которой поступала в казну князя;
- возмещение ущерба потерпевшему или его родственникам в случае совершения убийства;
- судебные пошлины в пользу владык, посадников, тысяцкого и иного судьи [6, с. 16]. Таким образом, денежные штрафы и вознаграждения использовались господствующим классом как эффективный инструмент для поддержания своего доминирования над трудящимися. Государство, в частности судебная система, поддерживало

феодалов в удержании эксплуатируемого населения в подчинении.

Нормы, содержащиеся в Псковской судной грамоте, оставили заметный след в дальнейшем развитии уголовного права в России. Несмотря на то, что с тех пор прошло много веков, некоторые аспекты все еще актуальны. Так благодаря Псковской судной грамоте расширилось понятие преступления, была введена концепция общественно опасного деяния. Грамота легла в основу применения письменных доказательств и вовлечения представителей для женщин и других уязвимых слоев населения.

А вопрос о наличии или отсутствии смертной казни в различных русских правовых памятниках, таких как «Русская правда» и «Псковская судная грамота», касается особенностей правовой системы того времени.

Русская правда — это свод законов, который стал основой древнерусского права. В нём нет упоминаний о смертной казни, и чаще всего наказаниями были штрафы и другие виды наказаний. Возможно, это связано с тем, что на ранней Руси большое значение придавалось жизни и социальной солидарности, а применение жестоких мер считалось нежелательным.

С другой стороны, Псковская судная грамота отражает более поздние правовые традиции и социальные условия, когда жестокость наказаний стала более распространённой. В это время в России происходили изменения в социально-экономической структуре общества, а также в подходах к правоприменению, что могло привести к введению более суровых мер.

То есть различия в подходах к смертной казни между этими правовыми документами могут быть объяснены изменениями в социальных, культурных и экономических условиях с течением времени.

Таким образом, Псковская судная грамота является важным историческим документом, предоставляющим ценную информацию о системе уголовного права, существовавшей в Древней Руси. Изучение представленных в документе преступлений и соответствующих наказаний дает возможность не только реконструировать правоприменительную практику прошлого, но и проследить генезис современных правовых институтов, развитие правовой системы и определить факторы, повлиявшие на ее формирование. Анализ данного материала углубляет понимание эволюции уголовного права в России и позволяет выявить его исторические корни.

Литература:

1. Василев И. И. Псковская судная грамота (1397–1467): Подлинная и в пер. на совр. язык с примеч. по установлению переводного текста / Сост. И. И. Василев и Н. В. Кирпичников. — Псков: Изд. Псков. Археолог. о-ва (Тип. Губ. Правления), 1896. — VII, [3]. С. 22–40.
2. Егоров С. А. История государства и права России. IX век — первая половина XIX века: учебник и практикум для вузов / С. А. Егоров, А. Б. Иванов; под общей редакцией В. Н. Карташова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — С. 81. — ISBN 978-5-534-17601-8.
3. Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юристъ, 2004. — С. 64.

4. Калина В. Ф. История государства и права России: учебник для вузов / В. Ф. Калина, Г. Ю. Курскова. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — С. 62. — ISBN 978-5-534-16313-1.
5. Маньковский И. Ю. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Часть 1: учебное пособие / сост. И. Ю. Маньковский. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. — С. 96-106. — ISBN 978-5-7904-1614-9.
6. Петров М. История государства и права России. С. 16. URL: <https://www.livelib.ru/book/164771/readpart-istoriya-gosudarstva-i-pravarossii-shpargalka-mihail-petrov/~16>.
7. Рубаник В. Е. История государства и права России до XVII века: учебник для вузов / под общей редакцией В. Е. Рубаника. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — С. 219. — ISBN 978-5-534-04403-4.
8. Титов Ю. П. История государства и права России. Учебник / под ред Ю. П. Титова. — Москва: ООО “ТК Велби”, 2003. — С. 50.

Предпринимательская деятельность: эволюция экономико-правового понятия и проблемы его нормативного закрепления

Багазий Марина Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В работе прослеживается развитие категории «предпринимательство» — от ранних экономических трактовок Р. Кантильона до инновационной концепции Й. Шумпетера — и анализируется, как эти идеи отразились в современном российском праве. На основе норм Конституции и пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ выделяются три ключевых юридических признака предпринимательства: самостоятельность, риск и систематическая направленность на извлечение прибыли. Сопоставляется законодательная дефиниция с позициями судебной практики.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, правовое определение, риск, систематическая прибыль, ГК РФ, экономическая деятельность, инновации.

Предпринимательская деятельность входит в число основных правовых категорий. Она раскрывает не только сущность и предмет предпринимательского права, но также играет важную роль в уголовном, других отраслях права. При осуществлении предпринимательской деятельности могут возникать различные виды правовых отношений.

В настоящий момент как в большинстве стран мира, так и в России право человека на предпринимательскую деятельность закреплено на конституционном уровне и гарантированы равные права ее субъектам. Государство обеспечивает свободу конкуренции между предпринимателями, защищает потребителей от проявлений недобросовестной конкуренции и монополизма в любых сферах предпринимательской деятельности.

В соответствии с Гражданским Кодексом Российской Федерации [2] (далее по тексту — ГК РФ) систематическое получение прибыли является одним из признаков предпринимательской деятельности, что одновременно является и ее целью.

Понимание этого явления и термина складывалось на протяжении многих веков. Термин предпринимательство пришел из французского языка, где он впервые встречается в 13 веке в понимании собственника [7, с. 733].

Считается, что современное применение этого термина связано с личностью экономиста Ричарда Кантильона (1697–1734), в чьей интерпретации это деятельность, которая требует издержек производства, но приносящая

неопределенный доход. Сам же предприниматель в его интерпретации это специалист по риску и отличается такими качествами как желание принять на себя риск, устремленный в будущее, предвидение, надежда получить доход, готовность к убыткам [7, с. 734]. Таким образом, предприниматель по Кантилиону действует на свой страх и риск и получает непостоянный доход.

Многие другие выдающиеся экономисты и ученые, включая Адама Смита, Жана Батиста Сэя, Альфреда Маршалла и Фрэнка Найта, развивали идеи Кантильона, добавляя иные факторы — например, лидерство или признавая предпринимательство четвертым фактором производства, но ключевые принципы принятия риска и получения прибыли почти всегда сохранялись как важные характеристики предпринимательства.

Однако, после того как в 1934 году Йозеф Шумпетер дал определение предпринимателя, получила популярность более современная интерпретация, связывающая предпринимательство с инновациями. В настоящий момент это общепринятое научное определение предпринимательство в западных странах [3, с. 31].

Й. Шумпетер определил предпринимателей как новаторов, осуществляющих предпринимательские изменения на рынках, где предпринимательские изменения имеют пять проявлений:

- 1) внедрение нового (или улучшенного) товара;
- 2) внедрение нового метода производства;
- 3) открытие нового рынка;

4) использование нового источника поставок; и реинжиниринг/организация процессов управления бизнесом.

Таким образом, определение Й. Шумпетера приравнивает предпринимательство к инновациям в деловом смысле, то есть выявлению рыночных возможностей и использованию инновационных подходов для их освоения.

Однако, несмотря на то, что определение Й. Шумпетера воплощает в себе характеристику предпринимательства, которая сейчас получила широкое признание, использование категории «инновации» все еще вызывает дискуссии и несет в себе некоторую двусмысленность, обуславливающую дальнейшие дебаты относительно понятия предпринимателей и предпринимательской деятельности.

Более того, в отличие от концепции Ф. Найта, например, шумпетеровский предприниматель не обязательно должен быть рискованным [3, с. 33].

Что касается правового определения предпринимательства, то законодатель отчасти учел научные разработки экономистов. Согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской считается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Данное определение обладает характером нормы-дефиниции — самостоятельная деятельность, которая осуществляется на свой страх и характеризуется направленностью на систематическое извлечение прибыли от реализации услуг, товаров, использования имущества.

Тридцать четвертая статья Конституции Российской Федерации [1] устанавливает наличие у каждого права на свободное применение способностей и имущества в целях осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, из чего можно сделать вывод об отнесении законодателем предпринимательства к экономической деятельности как родовой по отношению к первой. Легальная дефиниция ГК РФ подобное указание не содержит.

В настоящий момент общепринятой считается позиция, согласно которой предпринимательская деятельность является видом экономической, последнюю же судебная практика характеризуется как возникающую из общественных отношений относительно товаров, работ

и услуг (из производства, распределения и потребления), а также указывает на тот факт, что не должно при этом иметься связи с личным потреблением [4, 5, 6]. Однако, стоит отметить, что, тем не менее, в правовой науке отсутствует однозначное понимание такой деятельности.

На сегодняшний день предпринимательская деятельность продолжает являться предметом исследований различных наук, в том числе, юриспруденции, несмотря на законное определение в ч. 1 ст. 2 ГК РФ.

Конститутивные признаки преступных деяний базируются именно на вышеприведённом определении предпринимательской деятельности. Из этого следует, что существующая нормативно-правовая база выделяют три характеристики предпринимательской деятельности:

- Самостоятельность.
- Наличие риска.
- Направленность на систематическое получение

прибыли.

Стоит учитывать и то, что дохода может не быть, что соответствует признаку, изложенному выше, о наличии ряда рисков, связанных с ведением предпринимательской деятельности.

Определение предпринимательской деятельности в ГК РФ не даёт полного представления о том, что конкретно подразумевается под ведением такой деятельности, а также не позволяет в полной мере отделить её от других видов деятельности — прежде всего экономической, хозяйственной, профессиональной.

Из этого следует, что определения требует дальнейшей детальной проработки и должно включать в себя указание на экономический вид деятельности и предпринимательский характер риска, а также раскрывать признак систематического извлечения прибыли и определения видов деятельности, которые не квалифицируются как предпринимательская.

Более того, необходимо определить виды деятельности, считающиеся предпринимательской, но которые граждане могут осуществлять без государственной регистрации в налоговом органе в качестве ИП. Это связано с исключением требования легитимации из определения предпринимательства в нормативных актах.

Литература:

1. Конституция РФ // Российская газета. — 1993. — № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Горбачёва А. А. Теория предпринимательства Йозефа Шумпетера и ее применимость в российской практике / А. А. Горбачёва, Д. Я. Карабегович. — Текст: непосредственный // Russian Economic Bulletin. — 2020. — Т. 3. № 2. — С. 31–35.
4. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 23.05.2013 по делу № А46–32174/2012 // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 11.02.2014 по делу № А46–10408/2013 // СПС КонсультантПлюс.
6. Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 13.02.2013 по делу № А65–29178/2012 // СПС КонсультантПлюс.

7. Яцевич Н. В. К истокам определения понятия предпринимательства в XVIII-XIX вв. // Россия — 2035: наука и практика в фокусе инновационного развития: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. 2020. С. 733–742.

Характеристика административных правонарушений в области предпринимательской деятельности

Багазий Марина Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В работе систематизируются основные составы административных правонарушений, затрагивающих порядок предпринимательской деятельности по главе 14 КоАП РФ, — от работы без регистрации и лицензий до нарушений правил торговли, рекламы, ценообразования и защиты прав потребителей. Показано, что все нормы преследуют одну цель: защитить добросовестную конкуренцию и права участников рынка административно-правовыми мерами.

Ключевые слова: административное правонарушение, предпринимательская деятельность, КоАП РФ.

«Административное правонарушение в области предпринимательской деятельности представляет собой — общественно опасное, противоправное, виновное деяние физического или юридического лица, нарушающие нормативно закрепленные правила осуществления предпринимательской деятельности, за которое установлена административная ответственность» [9, с. 66].

Действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [2] (далее — КоАП РФ) содержит более 40 статей, в которых определена административная ответственность за правонарушения в сфере предпринимательства.

Большая часть из них сосредоточена в 14 главе и начинается этот перечень, что логично, с ответственности за предпринимательскую деятельность без регистрации или лицензии (ст. 14.1 КоАП РФ), целью которой является обеспечение посредством мер административного характера должного воздействия на процессы создания и функционирования рынка, охрану прав его добросовестных участников.

Статья постулирует необходимость государственной регистрации для возможности заниматься предпринимательской деятельностью. Объективная сторона правонарушения — занятие такой деятельностью без соответствующего разрешения / лицензии или с нарушением их условий, что может быть совершено как умышленно, так и носить неосторожный характер, что же касается субъекта правонарушения, то это и сами индивидуальные предприниматели, и работники с управленческими функциями в юридических лицах, а сами юридические лица [1, с. 156].

Не влечет ответственности по ст. 14.1 КоАП РФ деятельность: без регистрации в качестве ИП, если нет цели систематического получения прибыли, без лицензии или с нарушением ее условий, если ответственность за такую деятельность предусмотрена другими статьями КоАП РФ [4], по присмотру за детьми и организации их досуга без реализации образовательных программ, по дезинфекции, необходимой для оказания медицинских услуг [3].

Деятельность без необходимой лицензии, не направленная на извлечение прибыли, не влечет ответственности по ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ (но может повлечь ответственность по ст. 19.20 КоАП РФ) [5].

Статьи 14.1.1–14.1.3 по смыслу связаны с 14.1 и касаются нарушений лицензии или осуществлению деятельности без нее — в частности, незаконная организация и проведение азартных игр (без лицензии, без разрешения или вне игровой зоны), нарушение букмекерскими компаниями и организаторами азартных игр установленных к таким видам деятельности требований (по заключению пари, порядку учета участников, порядку информирования уполномоченных органов и пр.), осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта, а также по управлению многоквартирными домами без лицензии либо с нарушениями ее требований.

Цель статьи 14.2 (незаконная продажа товаров (иных вещей), свободная реализация которых запрещена или ограничена) — административно-правовыми методами обеспечить защиту прав и законных интересов граждан, а также интересов государства в сфере торговли.

Объект — общественные отношения в сфере торговли.

Объективная сторона:

1) торговля товарами (предметами), изъятыми из гражданского оборота;

2) продажа ограничено оборотоспособной продукции субъектами, которым она принадлежит на незаконных основаниях или без лицензии / разрешения,

3) продажа ограничено оборотоспособной продукции с нарушением установленных законодательством требований и порядка реализации этой продукции.

Совершение этого правонарушения возможно лишь с прямым умыслом, субъекты правонарушения — ИП, ЮЛ, привлечены к ответственности могут как работники с управляющими функциями в них, так и любые другие, в чьих обязанностях — соблюдение законодательных норм, запрещающих продажу тех или иных товаров.

Важное значение в регулировании предпринимательской деятельности отводится 7 ответственности за нарушение законодательства в сфере рекламы [6], нарушение норм которого и предусмотрено ст. 14.3 КоАП РФ. Объект посягательства — общественные отношения в области рекламы.

Административная ответственность по ч. Ст. 14.3 КоАП РФ статьи наступает за все нарушения законодательства о рекламе, за исключением тех, которые предусмотрены ч. 2–6 этой же статьи (нарушение порядка прерывания рекламой теле- или радиопрограмм, превышение допустимого объема рекламы в теле-, радиопрограммах и периодических печатных изданиях, распространение рекламы в официально объявленные дни траура, нарушение требований к рекламе лекарственных средств и пр.), а также ч. 4 ст. 14.3, ст. 14.37, 14.38, 19.31 КоАП РФ.

Субъектами предусмотренных в ст. 14.3 правонарушений могут быть как физические, так и юридические лица — рекламодатели, рекламопроизводители или рекламораспространители, а также должностные лица указанных юридических лиц. С субъективной стороны предусмотренные ст. 14.3 правонарушения могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности.

Административная ответственность за нарушение законодательства о рекламе установлена и другими статьями КоАП РФ (ст. 5.9, ч. 1 ст. 6.13 и пр.) — они отделены от ст. 14. В основном по той причине, что объективная сторона в них имеет сложный состав, а посягательство происходит также на несколько объектов.

Статья 14.4. КоАП РФ предусматривает ответственность за продажу товаров, выполнение работ либо оказание услуг ненадлежащего качества или с нарушением установленных требований / правил [8].

Субъекты правонарушения — юридические лица, их руководители, иные должностные лица и работники, индивидуальные предприниматели, а также граждане, осуществляющие продажу товаров, выполнение работ либо оказание услуг населению. Объективная сторона — продажа товаров, выполнение работ либо оказание услуг ненадлежащего качества, нарушение установленных в отношении них правил.

Статьями 14.4.1–14.4.3 также предусмотрена ответственность за связанные по смыслу со ст. 14.4 правонарушения, связанные с нарушением в рамках предпринимательской деятельности установленных законодательством требований в сфере технического осмотра транспортных средств, обращения лекарственных средств, реализации билетов, абонементов, путевок на зрелищные мероприятия, организуемые музеями и иными организациями, связанными с исполнительным искусством.

Важную роль законодатель отводит ответственности за нарушение порядка ценообразования (ст. 14.6 КоАП

РФ), что обусловлено обширностью влияния этого явления и важностью для функционирования экономической системы общества, защиты как потребителей, так и хозяйствующих субъектов. Объективной стороной правонарушения выступает завышение либо занижение установленных государством на определенные виды товаров и услуг цен либо надбавок к цене.

Это правонарушение предусматривает исключительно умышленную форму вины. Субъекты правонарушения — юридические лица, руководители и иные работники организаций, а также иные граждане и должностные лица, виновные в нарушении государственной дисциплины цен.

Несколько статей КоАП РФ, применяемых в контексте предпринимательской деятельности к субъектам правонарушений, посвящены защите прав потребителей — например, ст. 14.7 (обман потребителей).

Объектом посягательства — общественные отношения в области защиты прав потребителей. Непосредственный предмет посягательства — права и законные интересы потребителя в сфере торговли, выполнения работ и оказания услуг.

Объективная сторона: обмеривание, обвешивание, обсчет, введение в заблуждение относительно потребительских свойств, качества, иной обман, связанный с нарушением условий договора.

Совершено правонарушение может быть лишь с прямым умыслом. Субъекты правонарушения — юридические лица — торговые организации, организации, выполняющие работы или оказывающие услуги населению (предприятия коммунального и бытового обслуживания и др.), их должностные лица (ч. 3 ст. 2.1 и ст. 2.4 КоАП РФ), индивидуальные предприниматели и работающие у них граждане.

Анализ даже лишь рассмотренных выше правонарушений в сфере предпринимательской деятельности позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, субъектами административных правонарушений в рассматриваемой области являются не только сами хозяйствующие субъекты, но и иные лица — должностные, гражданские.

Во-вторых, все эти статьи КоАП РФ объединены общей целью, — обеспечение средствами административно-правового воздействия создания нормальных условий для функционирования рынка товаров, работ, услуг, охраны прав добросовестного предпринимателя, защиты прав потребителя. Кроме того, сама группа правонарушений отличается определенной однородностью, прежде всего, однородностью объекта посягательства — установленных государством общих правил организации и осуществления предпринимательской деятельности.

Литература:

1. Россинский, Б. В. Административное право. М.: Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2020. 352 с.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

3. Обзор судебной практики «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 10.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 20.02.2020 № 02АП-334/2020 по делу № А82-21810/2019 // СПС КонсультантПлюс.
6. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
7. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // СЗ РФ. 2002. № 52. Ст. 5140.
8. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.
9. Янушка А. С. Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности: дисс.... канд. юрид. наук М., 2005. 215 с.

Коллизионные вопросы раздела имущества в трансграничных семейно-брачных отношениях

Баширов Вусал Эхтирамович, студент магистратуры
Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

В статье были рассмотрены вопросы, связанные с коллизиями в праве относительно раздела имущества в трансграничных семейно-брачных отношениях. А именно были выделены возможные ситуации, возникающие в ходе спора о разделе имущества, принадлежащего супругам-гражданам разных государств. Были рассмотрены правила применения норм национального законодательства при подобных ситуациях. Также уделено внимание ситуациям, когда по одному и тому же спору о разделе имущества выносятся два решения судами разных государств, при наличии между данными странами международных договоров и при их отсутствии. Выявлены проблемные аспекты по исследуемой тематике. Были выдвинуты авторские предложения по их преодолению.

Ключевые слова: семейное право, брак, иностранцы, трансграничные семейно-брачные отношения, коллизии права, имущество, раздел имущества, совместная собственность.

Несомненным является факт того, что в современном мире в брачно-семейных отношениях все чаще состоят граждане разных государств, однако не всем семьям удается сохранять долгосрочные крепкие союзы. К сожалению, все чаще наблюдаются бракоразводные процессы, которые могут происходить не только между гражданами одного государства, но и в трансграничных браках. Такие разводы, несмотря на развитость правового их регулирования и правоприменительной практики, продолжают вызывать множество вопросов, в связи с тем, что, как правило, супруги не всегда могут договориться о том, как они будут делить совместно нажитое имущество. В таких случаях перед судами стоит сложная задача: определить какое право использовать, когда на регулирование данных отношений претендуют два правопорядка.

Если говорить о режиме права собственности, предусмотренном в России для супругов, то согласно п.1 ст.256 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) [1] собственность семейной пары является общей совместной бездолевой, если иное не предусмотрено брачным договором. При этом супруги могут как выделить в период

брака свои доли, так и разделить имущество по собственному соглашению согласно п.2 ст.38 Семейного кодекса Российской Федерации (далее СК РФ) [2]. Согласно же п.3 данной нормы в случаях, когда такое соглашение не достигнуто, супруги могут произвести раздел имущества в судебном порядке. При этом судебный раздел осложняется, если в браке состоят граждане разных государств.

Согласно п.2 ст.156 СК РФ условия заключения брака с иностранными гражданами на территории Российской Федерации определяются для каждого из будущих супругов законодательством того государства, гражданином которого он является на момент заключения брака. Если же в брак вступает лицо, не имеющее гражданства, то в отношении него применяется законодательство того государства, в котором он имеет постоянное место жительства.

Согласно ст. ст. 160, 161 СК РФ, когда речь идет о расторжении брака между гражданином России и иностранным гражданином (или между иностранными гражданами) на территории России, оно происходит в соответствии с российским законодательством. Также возможно расторжение брака за границей. Все имуще-

ственные права и обязательства супругов регулируются законами того государства, где они проживают совместно (если такого места нет — в действие вводятся нормы российского законодательства).

В Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 1186) указано, что «право, применимое к имущественным и другим гражданско-правовым отношениям с иностранным элементом, должно определяться согласно международным договорам Российской Федерации, нормам Гражданского кодекса и другим нормативным актам, а также обычаям, признаваемым на территории России». В первую очередь имеется в виду двусторонние соглашения России с другими странами о правовой помощи в семейных и гражданских вопросах, такие как Конвенция стран СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [3].

Именно в таких случаях могут возникать споры о праве, которое стоит применить для разрешения вопросов о разделе имущества между супругами, которые принадлежат к гражданству разных государств, в частности Российской Федерации и иностранным гражданином.

Так, могут возникнуть несколько ситуаций:

1. В случаях, когда у супругов существует совместное место жительства. Тогда применению в данных случаях подлежит именно право того государства, на территории которого находится такое место.

2. В случаях, когда супруги проживают в разных странах, но у них при этом есть совместное гражданство. В таких ситуациях подлежит применению право того государства, общее гражданство которого у лиц, состоящих в браке имеется.

3. В случаях, когда отсутствуют совместное место проживания и общее гражданство. Тогда применяется законодательство того государства, на территории которой было зафиксировано последнее совместное место жительства супругов.

4. В случаях, когда у супругов нет общего гражданства, совместного места проживания и никогда последнего не имели, то подлежат применению нормы законодательства государства, на территории которого разрешается дело о разделе имущества таких лиц.

На практике достаточно часто встречаются случаи, когда после того, как российский суд начал рассматривать дело о разделе имущества, всплывает решение иностранного суда по тому же спору между супругами. Если с государством, вынесшим решение, существует международный договор о взаимном признании и исполнении судебных решений, процесс по делу о разводе и разделе имущества должен быть прекращен. Иначе, если такого договора не был заключен и его не существует, суд обязан применять национальное законодательство при рассмотрении и разрешении дела.

Россия подписала международные договоры, содержащие положения о взаимном признании и исполнении судебных решений, включая дела о разделе имущества, с такими странами, как Эстония, Литва и Латвия. Од-

нако, с многими государствами, включая США, такие соглашения до сих пор не заключены. Это создает определенные сложности в правоприменении и препятствует защите имущественных прав граждан в спорах о разделе имущества, которые имеют иностранный элемент. А именно такая ситуация ведет к осуществлению двойного судопроизводства, так как сначала дела рассматриваются на территории одной страны, а затем другой, что непосредственно ведет к правовым спорам. Так как различными государствами могут быть приняты разные решения, то супруги оказываются в тупиковой ситуации, не зная каким решением суда руководствоваться.

Важно также отметить, что наличие международных договоров об исполнительном производстве может упростить процесс реализации решений российских судов за границей. Однако таких соглашений недостаточно, и их эффективность зависит от готовности иностранных судов признавать и исполнять решения российских судов. Поэтому истцам следует внимательно изучить правовую основу и возможности, предоставляемые международными договорами, чтобы правильно выстраивать стратегию своих действий.

В случае отсутствия таких договоров, процесс может быть связан с дополнительными временными и финансовыми затратами. Таким образом, вопрос раздела имущества, находящегося за границей, требует комплексного подхода и предварительной юридической оценки, что подчеркивает необходимость привлечения специалистов в международном праве.

Ранее многие иски о разделе зарубежного имущества возвращались истцам с указанием на необходимость раздела такого имущества в судах государств его нахождения (ссылались суды при этом на нормы российского законодательства, а именно п. 2 ч. 1 ст. 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4]).

При этом, по мнению Шпигель Т. Л., суды должны принимать во внимание тот факт, что требования о разделе совместно нажитого имущества супругов, включая недвижимость, расположенную за пределами страны, представляют собой не иск о праве на собственность, а «требования, касающиеся изменения режима совместной собственности» [5]. Поэтому выводы судов о том, что истец может осуществить раздел спорного имущества исключительно в суде иностранного государства, где оно находится, являются неверными. Такие дела должны рассматриваться российскими судами общей юрисдикции, при условии, что обе стороны обладают гражданством Российской Федерации и отсутствуют иные условия, установленные международными соглашениями с Россией.

В данной ситуации можно говорить о важном прецеденте в российском праве, согласно которому вопрос раздела спорной недвижимости супругов, расположенной за границей, может быть рассмотрен не в суде страны нахождения этой недвижимости, а по месту фактического проживания супругов, то есть в российском суде.

Стоит отметить справедливое замечание Самарского областного суда, указывающее, что «при разрешении споров по недвижимости, находящейся на территории других государств, необходимо учитывать, что органы иностранного государства, отвечающие за регистрацию прав собственности, не обязаны исполнять решения российских судов. Поэтому суд должен выбрать вариант раздела имущества между сторонами, внимательно учитывая конкретные обстоятельства дела, стремясь к минимизации возможных трудностей при его исполнении» [6].

Иными словами, при принятии решения относительно дела о разделе имущества с иностранным элементом, суд вправе учитывать стоимость недвижимости, расположенной за границей, при распределении имущества, находящегося в России.

Практика показывает, что в процессе разрешения дел о разделе совместно нажитого имущества супругов возникает конфликт между коллизионными нормами, которые определяют применимое право к вещным отношениям, и коллизионными нормами семейного законодательства, регулирующими имущественные отношения между супругами. Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, приоритет должны иметь коллизионные нормы семейного законодательства, поскольку они являются специальными нормами [7].

Таким образом, при разделении имущества в делах с международным элементом часто возникают право-

применительные трудности, вызванные отсутствием международных соглашений между Россией и другими государствами, которые бы содержали условия о взаимном признании и выполнении судебных решений, а также определяли международную подсудность рассматриваемых конфликтов. Помимо этого, наблюдается конкуренция коллизионных норм гражданского и семейного законодательства.

В связи с чем может быть предложено:

1. Выработка единой международной частноправовой концепции по вопросам брачно-семейных отношений в аспекте определения единых правил относительно установления правового режима имущества супругов-граждан разных государств, а также порядка его раздела в случаях необходимости (например, развода семейной пары) и только в рамках стран СНГ или иных надгосударственных объединений, но и на мировом уровне;

2. Развитие практики заключения двусторонних или многосторонних международных договоров, которые обеспечивали бы определенное единство применения норм семейного законодательства между отдельно взятыми субъектами международного частного права;

Так, хоть обозначенные меры и не смогут полностью преодолеть насущные проблемы в вопросах раздела имущества при расторжении трансграничных браков, но помогут сделать значительные шаги в данном направлении.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст.16.
3. Конвенция стран СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в г. Минске 22.01.1993. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 17. Ст. 1472.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст.4532.
5. Шпигель Т. Л. Раздел имущества в делах с иностранным элементом. // Молодой ученый. 2021. № 39 (381). С. 154–157.
6. Справка по результатам обобщения судебной практики разрешения судами Самарской области дел по спорам, связанным с разделом совместно нажитого супругами в браке имущества, рассмотренных в 2017–2018 гг. // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 14.12.2024).
7. Определение ВС РФ от 21.01.2014 № 78-КГ13–35 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 14.12.2024).

Научные подходы к классификации типичных следственных ситуаций на первоначальном этапе расследования коррупционных преступлений

Беджанян Артем Вачаганович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье представлен анализ типичных следственных ситуаций как неотъемлемого элемента частной методики расследования преступлений коррупционной направленности на первоначальном этапе. Рассмотрены научные подходы к классификации типичных следственных ситуаций на первоначальном этапе расследования коррупционных преступ-

лений. Обосновано выделение четырех типов следственных ситуаций в зависимости от источника исходной информации о криминальном событии.

Ключевые слова: следственная ситуация, расследование преступлений, коррупция, взяточничество, классификация.

Одним из масштабных негативных явлений, препятствующих развитию общества и государства, выступает коррупция. Наиболее опасными коррупционными правонарушениями с точки зрения охраны общественных отношений и благ являются преступления, связанные со взяточничеством и коммерческим подкупом. В России коррупционные преступления в течение многих десятилетий стабильно занимают прочные позиции в общей структуре преступности. По данным МВД России, в 2024 г. было зарегистрировано 38 503 (+5,8 %) преступлений коррупционной направленности, из которых 23 240 связаны со взяточничеством, 2 305 — с коммерческим подкупом [7].

Приведенные статистические сведения отражают негативную тенденцию динамики коррупционной преступности в нашей стране. Во-первых, наблюдается рост количества преступлений коррупционной направленности, прежде всего, в сфере служебной деятельности. Во-вторых, число зарегистрированных преступлений не отражает реальную картину коррупционной преступности, поскольку большинство противоправных деяний, связанных с подкупом в служебной и коммерческой деятельности, остаются невыявленными правоохранительными органами. По замечанию М. И. Виноградской, высокая латентность коррупционных преступлений обусловлена самой природой коррупции, поскольку и та, и другая сторона преступной деятельности в равной степени заинтересованы в том, чтобы информация об их коррупционной сделке не стала известной [2, с. 25].

Одним из наиболее важных средств противодействия коррупции выступает качественное и результативное выявление, расследование и раскрытие преступлений коррупционной направленности. Поэтому в структуре криминалистической методики, как правило, частную методику расследования коррупционных преступлений выделяют в обособленное учение, учитывая специфику и сложность расследования преступных деяний рассматриваемой категории.

Особое значение в структуре частной методики расследования коррупционных преступлений имеет первоначальный этап, который охватывает деятельность субъекта расследования на стадии возбуждения уголовного дела и проведения первоначальных следственных действий в рамках предварительного расследования. Зачастую криминалистически значимая информация, полученная на первоначальном этапе расследования, имеет ключевое значение для всего дальнейшего хода и результатов следственной работы.

Одним из компонентов частной методики первоначального этапа расследования коррупционных преступлений является формирование следственных ситуаций

и определение алгоритма действий следователя в каждой из них. Ситуационный подход используется как в криминалистической тактике, так и в криминалистической методике. В рамках настоящего исследования нас интересует методическое содержание следственной ситуации. В данном ключе прикладное значение следственных ситуаций состоит как в выборе апробированного на практике алгоритма действий следователя или дознавателя, так и в выдвижении общих и частных версий.

В криминалистике следственная ситуация в общем виде понимается как совокупность реальных условий, обстановка, фактическое положение, складывающиеся на определенном этапе расследования [6, с. 221]. Также в науке предлагаются различные классификации следственных ситуаций, однако для частной методики расследования наиболее важное значение имеет дифференциация ситуаций на типичные и конкретные. Типичные следственные ситуации определяются как характерные с точки зрения объема и содержания имеющейся информации для преступлений определенного вида или группы на конкретном этапе их расследования [5, с. 288].

В структуре частной методики расследования коррупционных преступлений практическое значение имеют типичные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе. Именно они обуславливают круг первоначальных действий субъекта расследования и зачастую определяют весь дальнейший ход расследования.

В современной научной литературе предлагаются различные варианты классификации типичных следственных ситуаций на первоначальном этапе расследования коррупционных преступлений. Так, П. В. Креер предлагает дифференцировать следственные ситуации в зависимости от источника исходных данных на следующие виды: информация о взяточничестве получена из обращения гражданина в правоохранительный орган о вымогательстве и других способах получения взятки со стороны должностного лица; должностное лицо уведомляет представителя нанимателя и правоохранительные органы об обращении к нему взяткодателя, посредника; информация о фактах взяточничества получена в ходе оперативно-розыскных мероприятий; информация получена анонимно (по телефону доверия, через сайт в сети Интернет и т. п.) [4, с. 156–157].

Р. И. Бардачевский основывает классификацию следственных ситуаций на критерии способа совершения коррупционного преступления и формы исходной информации, указывая следующие виды ситуаций: при расследовании злоупотреблений, выявление которых чаще всего происходит путем установления сведений о недопустимых служебных актах; при расследовании хищений,

выявляемых путем установления недостатков в ходе ревизий; при подкупах, принципиальным фактором, определяющим направление планирования, является наличие либо отсутствие фиксации механизма совершения преступления средствами оперативно-розыскной деятельности [1, с. 27–28].

Ю. П. Гармаев и Р. А. Степаненко выделяют два основных типа следственных ситуаций: возникающие от избличения взяточников; возникающие в результате выявления иных, помимо взяточничества, коррупционных преступлений [3, с. 5].

Как видно из представленных научных исследований, классификация типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования коррупционных преступлений может быть проведена по разным признакам или их совокупности. Как минимум, рассмотренные научные подходы демонстрируют отсутствие единообразного подхода к дифференциации следственных ситуаций в науке.

С одной стороны, первоначальный этап расследования коррупционных преступлений характеризуется множеством факторов, которые необходимо учитывать, и условно такие факторы могут быть объединены в группы в силу корреляционных связей между ними. С другой стороны, такой подход ориентирован, скорее, на теорию, чем на практику расследования. Для практического применения важна относительная простота классификации типичных следственных ситуаций, которые наиболее распространены в действительности. Ведь коррупционные преступления хотя и многогранны, механизм их совершения характеризуется определенными закономерностями, что позволяет группировать ситуации расследования.

Думается, наиболее информативной для субъектов расследования коррупционных преступлений является классификация типичных следственных ситуаций по одному главному критерию — источнику исходной информации о криминальном событии. В данном случае имеется непосредственная связь между процессуальным и методиче-

ским аспектом деятельности субъекта расследования, поскольку типичные следственные ситуации формируются исходя из наиболее распространенных поводов для возбуждения уголовного дела.

Учитывая сказанное, полагаем, типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования коррупционных преступлений в зависимости от источника исходной информации о криминальном событии могут быть дифференцированы на четыре основных типа:

1) сведения о преступлении поступили из заявления гражданина, у которого вымогают подкуп или намекают о подкупе;

2) сведения о преступлении поступили из заявления гражданина, который уже совершил подкуп (явка подкупающего лица (взяточдателя) с повинной);

3) сведения о преступлении получены из рапорта следователя об обнаружении признаков преступления, основанного на информации, полученной в ходе расследования другого уголовного дела;

4) сведения получены в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

На основании изложенного мы приходим к выводу о том, что значимость разработки криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений коррупционной направленности обусловлена высоким реальным уровнем такой преступности, а также негативной тенденцией увеличения числа коррупционных преступлений в нашей стране. В науке представлены разные подходы к классификации типичных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования коррупционных преступлений, не все из которых применимы на практике в силу отсутствия единых конкретных критериев дифференциации. В связи с этим обосновано выделение четырех основных типов следственных ситуаций в зависимости от источника исходной информации о криминальном событии, которые могут быть положены в основу разработки алгоритма действий субъекта расследования в каждой из них.

Литература:

1. Бардачевский Р. И. Ситуационные факторы, обуславливающие выдвижение версий и планирование расследования коррупционных преступлений // Вклад Л. Я. Драпкина в криминалистическую науку / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург, 2019.
2. Виноградская М. И. Понятие латентной преступности, ее виды, методика выявления. Латентность как неотъемлемое свойство коррупционной преступности // Вестник экономики и права. 2024. № 91.
3. Гармаев Ю. П., Степаненко Р. А. Основные направления расследования коррупционных преступлений на первоначальном этапе // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 2.
4. Креер П. В. Актуальные вопросы выявления и расследования коррупционных преступлений // Студент и наука: актуальные вопросы современных исследований: сборник статей IV Международной научно-практической конференции / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза, 2023.
5. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. А. Г. Филиппова. М., 2025.
6. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. И. М. Комарова. М., 2025.
7. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 г. // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 01.04.2025).

Соотношение понятий «способы охраны» и «способы защиты» трудовых прав работников

Безруков Степан Дмитриевич, студент магистратуры
Псковский государственный университет

Автор исследует соотношение содержания понятий «охрана» и «защита» в трудовом законодательстве, а именно в ст. 352 «Способы защиты трудовых прав и свобод» Трудового кодекса Российской Федерации. Проведено сопоставление подходов к их пониманию в юридической науке. Обоснована необходимость конкретизации понятий «способы защиты трудовых прав» и «способы охраны трудовых прав» в трудовом законодательстве, раскрыто их содержание.

В ст. 352 Трудового кодекса Российской Федерации предусматривается право каждого работника защищать свои трудовые права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [1].

К основным способам защиты трудовых прав и свобод относят самозащиту работниками трудовых прав, защиту трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами, федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, а также судебную защиту [1].

Однако требуется конкретизировать, какие из указанных способов являются способами «защиты трудовых прав», какие — способами «охраны трудовых прав», а какие — способами «защиты и охраны трудовых прав» одновременно.

Концептуальный вопрос различия понятий «охрана» и «защита» является для трудового законодательства актуальным, поскольку существуют мнения, что между этими понятиями нет никакой разницы или же, наоборот, что одно понятие является составной частью другого. Существует также третье мнение: указанные понятия имеют принципиальные отличия. Подобная разница во мнениях не может не отражаться на практике применения норм трудового права, так как носителями этих мнений являются работники и их профессиональные союзы, работодатели, контрольные и судебные органы [2, с. 186].

В связи с тем, что современное законодательство не дает четких отличительных признаков понятиям «защита» и «охрана», в научной литературе продолжается дискуссия о разграничении этих категорий в сфере функционирования прав и свобод личности.

Анализ юридической литературы позволяет сделать вывод, что охрана представляет собой деятельность, осуще-

ствляемую в форме превенции, то есть «оберегания» трудового права человека от нарушений. Защита же как деятельность проявляется в случае непосредственного нарушения трудовых прав работника в целях их восстановления [3].

Самозащита — активные самостоятельные действия работника по защите своих трудовых прав в случае их нарушения, указанного в том или ином нормативном правовом акте, раскрывающем нормы трудового права.

Осуществляя должным образом самозащиту, работник может отказаться от выполнения работы, нарушающей его трудовые права, угрожающей его жизни и здоровью (за исключением случаев, предусмотренных трудовым законодательством). В соответствии со ст. 379 ТК РФ, на время отказа от указанной работы за работником сохраняются все права, предусмотренные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что самозащита к превентивному способу отнесена быть не может и, соответственно, является в чистом виде «защитой трудового права».

Профессиональные союзы также призваны осуществлять защиту трудовых прав и законных интересов работников.

В соответствии со ст. 370 ТК РФ, за профессиональными союзами закреплено право на осуществление контроля за соблюдением работодателями и их представителями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, за выполнением ими условий коллективных договоров и соглашений [5].

Профессиональный союз вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав членов профсоюза по их просьбе в случае нарушения трудового законодательства.

Рис. 1. Структура способов защиты трудовых прав работников

Так как основной целью создания профсоюзов является осуществление взаимодействия с работодателем в интересах работников, данный способ защиты трудовых прав может быть отнесен к категории превентивных и реактивных — направленных на восстановление ранее нарушенных прав.

Следующий способ защиты трудовых прав — государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права. Эта функция возложена на инспекции труда.

В соответствии с ст. 356 ТК РФ, на федеральную инспекцию труда возложены следующие основные полномочия [6]:

- осуществлять федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права;
- анализировать обстоятельства и причины выявленных нарушений, принимать меры по их устранению и восстановлению нарушенных трудовых прав граждан;
- осуществлять в соответствии с законодательством Российской Федерации производство по делам об административных правонарушениях;
- направлять в установленном порядке соответствующую информацию в федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, правоохранительные органы и суды.

Если работник столкнулся с ситуацией нарушения своих трудовых прав, инспекция труда имеет полное право вмешаться и обязать работодателя устранить выявленные нарушения.

Следовательно, государственный контроль (надзор) как способ защиты трудовых прав может быть отнесен к категории и превентивных, и реактивных.

Универсальный способ защиты трудовых прав работников — судебный. В соответствии с действующим законодательством, в суд может быть передан любой трудовой спор. Работник вправе вести свои дела в судах общей юрисдикции лично или через представителей. При этом работник освобождается от оплаты пошлин и судебных расходов при обращении в суд с иском по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, в том числе по трудовым договорам, носящим гражданско-правовой характер.

Следовательно, можно сделать вывод: судебная защита относится к реактивному способу защиты и, соответственно, является в чистом виде «защитой трудового права».

В чистом виде «охраной трудовых прав» работников, а именно развитием трудового законодательства, занимается законодательная власть — высший представительный орган власти Российской Федерации и ее субъектов.

Каждая конкретная ситуация или совокупность обстоятельств требуют от работника принятия самостоятельного решения в отношении выбора способа защиты или охраны.

Так как на данном этапе развития трудового законодательства отсутствует четкое разграничение понятий «способы защиты трудовых прав» и «способы охраны трудовых прав», предмет посягательств, или, иными словами, область применения, ст. 352 ТК РФ требует существенной детализации и конкретизации.

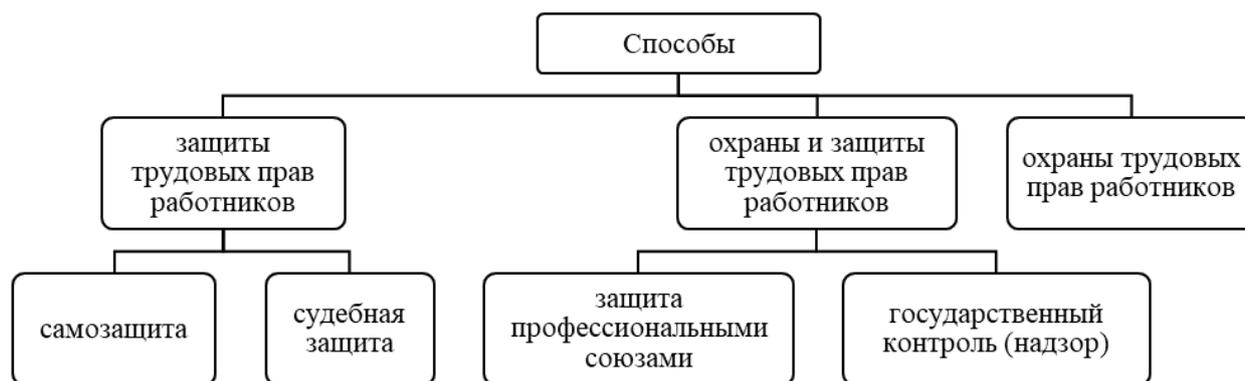

Рис. 2. Структура способов защиты и охраны трудовых прав работников

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1, ч. 1. — Ст. 352.
2. Волова, А. А. Соотношение понятий «правовая охрана» и «правовая защита» / А. А. Волова // Молодой ученый. — 2023. — № 43 (490). — С. 186–188. — URL: <https://moluch.ru/archive/490/107115/> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Шаронов, С. А. Функции договора охраны / С. А. Шаронов // Legal Concept. — 2015. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-dogovora-ohrany> (дата обращения: 15.05.2025).

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1, ч. 1. — Ст. 379.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1, ч. 1. — Ст. 370.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1, ч. 1. — Ст. 356.

Суд присяжных: проблемы поддержания государственного обвинения

Бекназарова Юлия Александровна, студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье анализируются проблемы реализации государственного обвинения в суде присяжных, а именно: недостаточная подготовка прокуроров, недобросовестное влияние на присяжных и пробелы в законодательстве. Предлагаются меры по улучшению эффективности данного института и обеспечению справедливости судебного разбирательства.

Ключевые слова: суд присяжных, государственный обвинитель, прокурор, правосудие, законодательство, доказательства, защита, справедливость.

Осуществление государственного обвинения в суде представляет собой одну из важнейших и наиболее ответственных функций прокурора, напрямую связанной с обеспечением законности и справедливости в уголовном судопроизводстве. Данная обязанность чётко зафиксирована в статье 35 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», что подчеркивает её правовую значимость и институциональную устойчивость.

Выступая в роли государственного обвинителя, прокурор не только представляет и обосновывает перед судом доказательства вины подсудимого, но и осуществляет надзор за соблюдением процессуальных норм всеми участниками уголовного процесса. Такая многоплановая деятельность требует от прокурора не только глубоких юридических знаний, но и высокой степени ответственности, ведь от качества выполнения им своих обязанностей зачастую зависит исход дела.

Однако, несмотря на значительный путь развития отечественной уголовно-процессуальной системы, в её современном виде сохраняются нерешённые проблемы, которые осложняют реализацию принципов справедливости и состязательности. Особенно актуально это проявляется в судопроизводстве с участием присяжных заседателей — уникального правового института, олицетворяющего идею народного участия в отправлении правосудия.

Присяжные заседатели, не обладая специальной юридической подготовкой, привносят в судебное разбирательство элемент жизненного опыта и обыденной морали, что способствует более объективному восприятию фактических обстоятельств дела. Коллегиальный характер их решений минимизирует риск предвзятости и усиливает доверие общества к судебной системе. При этом численность коллегии присяжных зависит от уровня суда:

в районных и гарнизонных военных судах она составляет шесть человек, а в судах субъектов Российской Федерации и Верховном суде республики — восемь.

При рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей функции прокурора остаются прежними — он продолжает выступать в роли представителя государственного обвинения, обосновывая вину подсудимого на основании собранных доказательств. Однако специфика такого судопроизводства требует от него иного подхода к взаимодействию с участниками процесса. Основное отличие заключается в необходимости адаптации речевых стратегий и методов представления доказательственного материала с учетом того, что присяжные, как правило, не обладают юридическим образованием и не владеют профессиональной терминологией [5, с. 82].

В этой связи прокурору следует использовать максимально доступный язык, избегать сложных формулировок и излагать информацию последовательно и ясно. Только при таких условиях присяжные смогут объективно оценить представленную им картину преступления и вынести обоснованное решение [10].

Особое значение приобретает деятельность прокурора на стадии предварительного слушания, особенно в условиях судопроизводства с участием присяжных. Эта стадия позволяет гособвинителю сформировать стратегию ведения дела, определить ключевые доказательства, выработать тактику реагирования на доводы стороны защиты и спрогнозировать возможную реакцию коллегии присяжных заседателей. На данном этапе важно принять решения о вызове конкретных свидетелей, заявлении ходатайств, а также об исключении недопустимых доказательств, полученных с нарушениями закона.

Тем не менее именно на этом этапе возможны ошибки, особенно если прокурор недостаточно знаком с материалами дела. Такая ситуация не всегда свидетельствует о про-

фессиональной несостоятельности обвинителя. В условиях высокой нагрузки на сотрудников прокуратуры нередки случаи, когда в судебном процессе участвует прокурор, не осуществлявший надзор на стадии досудебного производства. Это может быть связано, например, с кадровыми перестановками, болезнью или увольнением изначального процессуального руководителя. В результате новый прокурор может не иметь полноценного представления о структуре и содержании доказательственной базы, что усложняет построение эффективной линии обвинения и создает риски для достижения целей правосудия.

В ситуациях, когда окончательное решение по делу принимает профессиональный судья, определённый дефицит осведомлённости со стороны государственного обвинителя может быть в известной степени компенсирован юридической подготовкой и опытом самого судьи. Однако в судопроизводстве с участием присяжных заседателей такая компенсация невозможна, что значительно повышает требования к качеству работы прокурора. Присяжные, будучи непрофессиональными участниками процесса, не обладают специальными знаниями, позволяющими самостоятельно восполнять пробелы в аргументации стороны обвинения. В результате недостаточно убедительные или слабо представленные доводы могут восприниматься ими с недоверием, в то время как позиция защиты может казаться более убедительной и стройной [8].

Актуальность данной проблемы подчёркивается и в научной среде. Так, Н. В. Маткова предлагает ряд тактических рекомендаций, направленных на повышение эффективности участия прокурора в процессе. К числу наиболее значимых предложений относятся:

- а) назначение государственного обвинителя ещё до завершения предварительного расследования;
- б) недопущение его замены без веских оснований;
- в) возложение функции поддержания обвинения, по возможности, на прокурора, осуществлявшего надзор за следствием по конкретному уголовному делу [7].

С указанными предложениями трудно не согласиться. Их реализация позволила бы обеспечить преемственность в работе прокурора и его глубокое понимание обстоятельств рассматриваемого дела, что, в свою очередь, значительно усилило бы позиции стороны обвинения в суде, особенно в условиях состязательного процесса с участием присяжных заседателей.

Недостаточная осведомлённость государственного обвинителя при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей — лишь одна из проблем, осложняющих реализацию принципов объективности и справедливости в российском уголовном процессе. Наряду с ней значительную угрозу для правомерного и беспристрастного разбирательства представляет возможность оказания незаконного влияния на присяжных заседателей, в частности со стороны защиты.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации категорически запрещает любое давление или воздействие на присяжных. В целях предотвращения

подобных рисков законом предусмотрен ряд процессуальных гарантий. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 года № 23 (в редакции от 15.05.2018) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» [3] чётко указано, какие действия могут быть расценены как недопустимое влияние на присяжных. К числу таких действий относятся, в частности, оглашение сведений о личности подсудимого или потерпевшего, наличие судимостей и иных негативных аспектов биографии, а также обсуждение в присутствии присяжных информации о якобы имевших место нарушениях закона в ходе предварительного следствия или допросов [4].

Сложность заключается в необходимости соблюдения баланса: с одной стороны, важно исключить любую попытку давления на присяжных; с другой — присяжные должны быть должным образом информированы об обстоятельствах дела. Именно поэтому часть 8 статьи 335 УПК РФ допускает исключения из общего запрета на разглашение личных сведений: если конкретная информация имеет принципиальное значение для установления обстоятельств преступления, она может быть доведена до сведения присяжных.

Однако на практике это исключение нередко используется в интересах одной из сторон — прежде всего защиты. Возникает дисбаланс в процессуальных возможностях: стороне защиты фактически предоставляется пространство для представления данных о личности потерпевшего, которые не всегда имеют прямое отношение к делу, но способны сформировать у присяжных определённое, нередко предвзятое мнение. Сюда могут входить сведения о судимостях, вредных привычках, зависимостях или личностных качествах, вызывающих у присяжных сочувствие к подсудимому или, напротив, антипатию к потерпевшему. При этом действующее законодательство не содержит прямого запрета на распространение подобного рода информации, если она формально не связана с обстоятельствами совершения преступления.

Отсутствие правового регулирования в данном аспекте представляет собой очевидный пробел в уголовно-процессуальном законодательстве, поскольку создает дисбаланс процессуальных возможностей сторон. Это предоставляет защите несправедливое преимущество в формировании эмоционального фона у присяжных и может повлиять на вынесение ими необъективного вердикта.

В этих условиях прокурор сталкивается с дополнительной задачей: не только убедительно доказать виновность подсудимого, но и нивелировать возможное влияние дискредитации потерпевшего на мнение присяжных. Такая ситуация искажает суть состязательности сторон и препятствует достижению целей правосудия [6].

Оптимальным решением указанной проблемы могло бы стать внесение в УПК РФ прямого запрета на разглашение информации, не имеющей непосредственного отношения к обстоятельствам дела и компрометирующей

участников процесса. Такое ограничение обеспечило бы равенство сторон и повысило бы объективность принимаемых присяжными решений.

Как уже отмечалось ранее, беспристрастность присяжных заседателей является одним из ключевых условий справедливого судебного разбирательства. Учитывая, что присяжные, как правило, не обладают специальными юридическими знаниями, они нередко выносят решения, исходя не из норм права, а из моральных представлений, сочувствия или личных убеждений. Подобная практика порой приводит к серьезному расхождению между правовой оценкой деяния и общественным восприятием ситуации.

Для наглядной иллюстрации данной проблемы представим гипотетический пример. Гражданин Б., ранее не судимый, обвиняется в совершении преступления, предусмотренного статьёй 317 УК РФ (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов). Его действия были мотивированы мстостью за смерть родного брата, который, находясь в следственном изоляторе, покончил с собой. Поводом для трагедии стали, по мнению Б., грубые нарушения закона и фальсификация доказательств со стороны следователя Т., в отношении брата. Стремясь отомстить, Б. поджег дом другого следователя, полагая, что именно тот причастен к трагедии. В результате пожара сотрудник погиб от отравления угарным газом. После совершения преступления Б. добровольно сдался правоохранительным органам и способствовал следствию [1].

В подобной ситуации восприятие поступка обвиняемого присяжными может быть искажено эмоциональной составляющей. В глазах обывателя Б. может предстать не как преступник, а как человек, движимый чувством справедливости и горя, отстаивающий честь своей семьи. Это может вызвать не только сочувствие, но и сочувственное оправдание его действий. При таком подходе велика вероятность того, что вердикт будет вынесен не на основе закона, а под влиянием моралистских или гуманитарных соображений.

На фоне этого возникает важнейший вопрос: насколько оправдано участие в уголовном судопроизводстве лиц, не обладающих профессиональной подготовкой, необходимой для оценки сложных юридических ситуаций? Согласно статье 3 Федерального закона от 20.08.2004

№ 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [2], отбор присяжных осуществляется без учета их профессии, уровня образования или других квалификационных критериев.

Безусловно, в демократическом обществе применение ограничений по профессии может быть расценено как дискриминационное. Однако необходимо признать, что участие присяжных в процессе вынесения судьбоносных решений по уголовным делам требует более взвешенного и ответственного подхода. Отсутствие минимальных требований к уровню правовой осведомленности или способности критически анализировать доказательства может привести к вынесению субъективных и несправедливых вердиктов.

Таким образом, в целях повышения эффективности института присяжных заседателей необходимо рассмотреть возможность внесения изменений в законодательство, предполагающих введение элементарных квалификационных требований или, как минимум, прохождение вводного инструктажа по основам уголовного судопроизводства. Это обеспечило бы более объективное рассмотрение дел и способствовало укреплению доверия к судебной системе в целом [9].

Продолжая развивать указанную идею, отметим, что ни в коем случае нельзя ограничивать от правосудия никого из граждан. Предлагаемая нами мера — обучение граждан, желающих иметь возможность выступать в качестве присяжных заседателей. Необходимо составить программы обучения, пусть даже сильно сокращённые, которые позволят присяжным в полной мере понимать юридическую терминологию, механизмы совершаемых преступлений и т. д. В таком случае, присяжные заседатели с большей вероятностью будут способны вынести справедливый приговор.

Учитывая вышеизложенное, можно сказать, что государственное обвинение в суде присяжных имеет ряд проблем, которые являются довольно укоренёнными, но вполне подлежат решению. Заблаговременное определение государственного обвинителя, запрет на приглашение неуместной компрометирующей личность информации, специальное обучение присяжных — это те рекомендации, с помощью которых возможно решить проблемы обвинения в суде присяжных.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018)// Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.
2. Федеральный Закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (с изм. от 22 декабря 2008 г.) // Российская газета. 2004.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (ред. от 28.06.2022)// Российская газета — Федеральный выпуск № 3941 от 02 декабря 2005 г.
4. Багаутдинов Ф. Н., Мингалимова М. Ф. Прокурор в суде с участием присяжных заседателей// Казанский юридический институт Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2022. — С. 114

5. Колесников С. М. Защита и обвинение в Российском суде присяжных. — 2023
6. Малахова И. В. Проблемы поддержания государственного обвинения с участием присяжных заседателей в суде // E-Scio. — 2021. — №. 11 (62). — С. 454–459
7. Маткова Н. В., Волчецкая Т. С. Тактические проблемы первоначального этапа поддержания государственного обвинения в суде присяжных // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2023. — №. 4. — С. 121–130
8. Молчанова, А. А. Сущность подготовки государственного обвинителя к судебному разбирательству с участием присяжных заседателей / А. А. Молчанова // Сборник трудов: Сборник статей. — Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2022. — С. 45–50
9. Степанов И. В. Проблемы отбора кандидатов в присяжные заседатели // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — №. 10–3 (85). — С. 189–191
10. Шунькова А. А. и др. Особенности речи прокурора в суде с участием присяжных заседателей // Российское право: трибуна молодого учёного. Сборник статей. Выпуск 20–2020. — С. 219–220.

Принцип неприкосновенности жилища в уголовном процессе

Бельгарт Алексей Николаевич, студент магистратуры

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)

В статье анализируется содержание принципа неприкосновенности жилища, выступающего одной из гарантий прав и свобод человека и гражданина на охрану и защиту жилища. Защита неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве направлена на обеспечение интересов участников уголовно-процессуальных отношений. Возможность применения при производстве по уголовному делу следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, служит интересам расследования, однако допускается только при наличии установленных законом оснований.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принцип, жилище, неприкосновенность, следственные действия, гарантии.

Права и свободы человека и гражданина охраняются государством. Конституция РФ в ст. 25 гарантирует каждому гражданину право на неприкосновенность его жилища, создавая тем самым условия для охраны частной жизни, личной и семейной тайны [1].

В уголовном судопроизводстве интересы граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения, нередко находятся под угрозой применения ограничений, затрагивающих их конституционные права, в том числе права на неприкосновенность жилища. Зачастую, в ходе предварительного расследования, возникают ситуации, когда местом преступления выступает жилое помещение и для установления всех обстоятельств произошедшего или для получения доказательств возникает необходимость производства следственных действий непосредственно в жилище граждан. В таком случае принцип неприкосновенности жилища находится в тесной взаимосвязи с принципом недопустимости создания угроз частной жизни граждан, личной и семейной тайны [7].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в ст. 12 закрепляет принцип неприкосновенности жилища, который представляет собой признанное и охраняемое законом фундаментальное право граждан не допускать без законных оснований посторонних лиц в свое жилище. Содержание обозначенного принципа закрепляет недо-

пустимость незаконного вторжения в личную свободу и безопасность граждан в их жилище со стороны в том числе государственных органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование. Иными словами, каждый человек на территории Российской Федерации имеет право на защиту от несанкционированного проникновения в его жилище, от вмешательства в его обычную деятельность и образ жизни.

Сущность принципа **неприкосновенности жилища в уголовном процессе** состоит в недопустимости производства следственных действий в жилом помещении без согласия граждан. Статус жилого помещения, в котором могут быть проведены следственные действия, определяется нормами жилищного законодательства. Согласно статье 15 Жилищного кодекса РФ, **жилище** – «это **жилое помещение**, в котором могут постоянно проживать граждане. Для признания помещения жилым оно должно отвечать следующим признакам:

- оно должно быть изолированным;
- в нем должны быть соблюдены технические параметры;
- жилое помещение должно отвечать техническим стандартам;
- жилое помещение должно быть оборудовано необходимыми техническими помещениями (санузлом, кухней, кладовыми)» [2].

Определение жилого помещения дано также и в уголовном законодательстве. Согласно нормам Уголовного кодекса РФ [3], а именно примечанию к ст. 139 «Нарушение неприкосновенности жилища» жилище представляет собой индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания.

В ст. 5 УПК РФ жилое помещение понимается как индивидуальный дом без учета права собственности предназначенное для постоянного или временного проживания. УПК РФ также отмечает возможность использования временного жилища как жилого помещения.

Отличие между обозначенными понятиями в анализируемых нормах заключается в одном слове: уголовно-процессуальный кодекс предусматривает под жилищем «используемое», а уголовный кодекс «пригодное» для постоянного или временного проживания. Исходя из требований УПК РФ, понятие жилище в таком случае можно трактовать достаточно широко, включая в него различные здания и строения, например, сараи, гаражи, подвалы и прочее.

Обобщив приведенные определения, можно выделить следующие признаки жилого помещения, актуальные для уголовно-процессуального законодательства:

- 1) пригодность и предназначенность для удовлетворения жилищных потребностей граждан;
- 2) жилые помещения должны быть технически обустроены и приспособлены для жизни;
- 3) жилое помещение должно соответствовать требованиям строительства [6].

Принцип неприкосновенности жилища устанавливает пределы допустимого вмешательства государственных органов в осуществление лицом права на неприкосновенность жилища при производстве по уголовному делу.

Для того, чтобы придать законность проводимым следственным действиям необходимо следовать ряду правил, составляющих содержание принципа неприкосновенности жилища:

- 1) осмотр жилого помещения проводится только с согласия граждан;
- 2) обыск и выемка могут быть проведены по решению суда;
- 3) иные следственные действия могут быть проведены только по согласию владельцев и по предъявлению разрешения судьи.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 1.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации: от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Российская газета. 2005. 20 января.

Среди гарантий законности проведения следственных действий в жилом помещении следует указать на следующие:

- 1) наличие судебного решения для производства следственных действий.

В исключительных случаях, не терпящих отлагательства, осмотр, обыск и выемка могут проводиться на основании постановления следователя или органа дознания без судебного решения. В таком случае следователь или орган дознания обязаны уведомить судью и прокурора в течение 3 суток с момента начала действия. Суд, в свою очередь, должен вынести решение о законности или незаконности проведенного действия в течение 24 часов с момента получения уведомления.

Требование о получении судебного решения не распространяется на процессуальные действия, проводимые в служебных и административных помещениях. Так, постановлением судьи было незаконно удовлетворено возбужденное следователем ходатайство и разрешено производство обыска в помещении офиса ООО «Т». В последующем постановление судьи отменено, а производство по ходатайству следователя о производстве обыска в помещении офиса ООО «Т» прекращено, поскольку обозначенное помещение не подпадает под указанное в законе определение жилища и для его обыска судебное решение не требуется [8].

- 2) ограничения неприкосновенности жилища устанавливаются исключительно в рамках действующего законодательства.

Основания, порядок, пределы и условия таких ограничений могут варьироваться в зависимости от конкретного следственного действия, проводимого в жилище. Например, осмотр жилища может быть осуществлен как с согласия проживающих в нем лиц, так и на основании судебного постановления, если согласие отсутствует (ч. 1 ст. 12 УПК РФ).

- 3) помимо общих требований, изложенных в ст. 12 УПК РФ, принцип неприкосновенности жилища детализируется в нормах, регулирующих порядок проведения отдельных следственных действий. Так, положения ч. 2 ст. 12 УПК РФ в отношении обыска в жилище конкретизируются в нормах ч. 2 ст. 29, ст. 165, ч. 1 и 3 ст. 182 УПК РФ.

Таким образом, право на неприкосновенность жилища – это существенная гарантия защиты прав граждан в уголовном процессе. Обеспечение реализации этого права напрямую связано с социальной и правовой защищенностью граждан. Установленные гарантии требуют от лиц, осуществляющих предварительное расследование, учитывать при производстве следственных действий пределы допустимости ограничения конституционного права граждан на неприкосновенность жилища.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921
5. Бердиева А. А. Проблема толкования понятия «жилище» при реализации принципа неприкосновенности жилища в уголовном процессе // Молодой ученый. 2018. № 21 (207). С. 331–333.
6. Одношенин И. А. Понятие «жилище» и его значение для уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы уголовного процесса. 2014. № 1. С. 23.
7. Тарасенко В. В. Проблемы применения норм о неприкосновенности жилища в уголовном процессе Российской Федерации // Аллея науки. 2017. Т. 5. № 16. С. 648–651.
8. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым № 22–1196/2019 от 25 апреля 2019 г. по делу № 22–1196/2019

Концепция гарантийного государства Н. Н. Алексеева (по труду «Русский народ и государство»)

Бицужева Милана Михайловна, студент;

Кочукова Елена Константиновна, студент

Научный руководитель: Чилькина Ксения Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу концепции гарантийного государства, разработанной Н. Н. Алексеевым в контексте его фундаментального труда «Русский народ и государство». Автор подвергает критике либеральные и авторитарные модели власти, предлагая альтернативу в виде государства, ориентированного на реализацию стабильной социально-политической программы, сочетающей принципы социальной справедливости, культурного развития и отказ от доктринального принуждения. Особое внимание уделяется юридическому оформлению концепции через конституционные гарантии обязанностей государства, что обеспечивает защиту прав граждан в условиях динамичного общества. Работа раскрывает новаторство идей Алексеева как ключевого представителя евразийства, а также их актуальность для современных дискуссий о балансе между государственным регулированием и личной свободой.

Ключевые слова: гарантийное государство, демотическая идеократия, релятивистское государство, доктринальность, социальная справедливость, евразийство, конституция, права человека, ведущий слой.

Николай Николаевич Алексеев (1879–1964) — выдающийся мыслитель, философ права и государствовед, чье творческое наследие занимает особое место в истории политических и правовых учений. Будучи одним из главных философов евразийской модели государства, основанного на началах, далеких как от социалистических, так и от либеральных и монархических идеалов [6], он предложил уникальную концепцию государства, основанную на глубоком исследовании культурно-исторической специфики русского народа. Алексеев Н. Н. формулировал свои идеи, исходя из принципа, который евразийцы считали ключевым: «познай себя и будь самим собой». Этот подход лег в основу его исследований, направленных на изучение русских народных представлений о справедливом государстве — «Государстве Правды». Особую ценность представляют его труды, посвященные анализу мировоззрения маргинальных групп, таких как заволжские старцы, старообрядцы, сектанты и казаки.

Сборник «Русский народ и государство» 1998 года представляет собой совокупность трудов государствен-

ного деятеля Н. Н. Алексеева. В книге представлены работы, посвященные осмыслению духовных основ «Государства Российского», а также его фундаментальный, программный для евразийства в целом, труд «Теория Государства» [1]. В своих работах философ уделяет особое внимание христианскому осмыслению природы государства и права. Среди его ключевых произведений можно выделить такие труды, как «Идея земного града в Христианском вероучении», «Христианство и идея Монархии», «Русское западничество», «Духовные предпосылки Евразийской культуры», «Обязанность и право», «Евразийцы и государство», «Собственность и социализм», «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)» и «О гарантийном государстве».

В своих исследованиях Алексеев подвергает критике монархию как языческую концепцию власти и аргументированно защищает идею православного государства, основанного на духовных и нравственных принципах. Он углубленно анализирует политические воззрения преподобного Нила Сорского и его последователей, исследует

мировоззренческие основы русского народа, а также формулирует оригинальную концепцию «гарантийного государства». Эта концепция становится одной из центральных в его творчестве, предлагая новый подход к пониманию роли государства в обществе, основанного на обеспечении стабильности, справедливости и общего блага.

Концепция гарантийного государства, разработанная русским философом и правоведом Н. Н. Алексеевым, занимает особое место в современной историко-правовой мысли. Ключевые идеи изложены в главе «О гарантийном государстве» фундаментального труда «Русский народ и государство». Данная статья представляет собой попытку проанализировать основные положения концепции Н. Н. Алексеева с точки зрения истории политических и правовых учений, выявить её новаторские элементы и значение для понимания роли государства в обществе.

Концепция гарантийного государства Н. Н. Алексеева остаётся актуальной в условиях современных дискуссий о роли государства в обеспечении социальной справедливости, защиты прав человека и преодолении противоречий между личной свободой и коллективной ответственностью. Его идеи о юридических гарантиях, стабильности и адаптивности государственной политики становятся особенно значимыми в контексте кризиса либеральных моделей, роста социальной поляризации и поисков баланса между государственным регулированием и гражданским самоуправлением. Актуальность усиливается необходимостью рефлексии над историей политических учений, чтобы найти альтернативы авторитаризму и анархии в условиях глобальных вызовов.

Алексеев Н. Н. создавал свою теорию в период глубоких социальных потрясений XX века, когда идеи уничтожения или отмирания государства активно обсуждались как в марксистской, так и в анархистской литературе. Тем не менее автор акцентирует внимание на том, что государство не только сохраняет свою актуальность, но и претерпеваает изменения, обретая новые черты и формы. Так, русский философ отмечает, что на самом деле государство не отмирает даже в стране советов. Государство здесь укрепляется и стабилизируется, но не в старых, а в новых формах [1]. В этом контексте он формулирует идею гарантийного государства как нового типа политической организации, призванной обеспечивать реализацию определённых социальных принципов и целей.

Историко-правовой анализ концепции Алексеева Н. Н. позволяет увидеть её диалектический характер: она одновременно критикует либеральные, доктринальные и авторитарные модели государства и предлагает альтернативную модель, основанную на балансе статичности и динамики, права и обязанностей, идеи и народа. В своем произведении автор отмечает, что гарантийное государство не разделяет предрассудков либерализма, считающего, что свобода в государстве возможна без организации экономической и социальной; оно противопоставляет себя всем чисто авторитарным политическим

режимам, которые на население смотрят только как на объект государственного властвования [1].

Алексеев Н. Н. утверждал, что «общая государственная наука должна выделить основные элементы государства с тем, чтобы в результате такого выделения достигнуть того идейного ядра, которое, образно выражаясь, составляет душу государства — жизненное начало его материального бытия» [2]. Основываясь на данной методологии, русский ученый стремился определить сущность государства, соответствующего историческим условиям и характеру евразийского культурного мира [3].

Анализируя концепцию Н. Н. Алексеева, следует отметить его резкое противопоставление гарантийного государства релятивистскому — модели, лишенной фундаментальных целей и принципов. В релятивистском государстве, как отмечает автор, отсутствует четкая миссия, что делает его управление непоследовательным и реактивным. Примером такого подхода является либеральное государство, которое, ограничиваясь ролью «ночного сторожа», игнорирует социальную активность в пользу формального соблюдения прав. Формальная демократия, в свою очередь, становится жертвой политического релятивизма, где решения определяются случайными партийными большинствами, подверженными манипуляциям и эмоциональным всплескам.

Гарантийное государство, напротив, предлагает альтернативу: оно служит идеалу справедливого общества, реализуя стабильную социально-политическую программу, включающую следующие ключевые элементы:

- социальную справедливость — обеспечение минимального уровня благосостояния для всех граждан, ликвидацию нищеты и создание материально-технической базы для удовлетворения основных потребностей;
- культурное развитие — подчинение экономики культурным целям через организацию прибавочного труда и направление доходов на образование, науку и духовные ценности;
- положительную свободу — создание условий, при которых индивидуальная свобода не используется в ущерб общественному благу, но поддерживается государством путем обеспечения доступа к культурным и социальным благам;
- многонациональную интеграцию — объединение народов на основе уважения национальных особенностей и общих культурных ценностей;
- демотизм — вовлечение широких слоев населения в экономическое, социальное и культурное строительство.

Эта программа, по Алексееву, должна быть универсальной, способной объединить людей с разными мировоззрениями, но при этом гибкой для адаптации к конкретным условиям эпохи. Гарантийное государство выступает как инструмент стабилизации, сочетающий постоянные принципы (например, социальную справедливость) с динамичным учетом изменений в обществе. Такой подход позволяет избежать крайностей: с одной стороны, государство не навязывает единую идеологию

принуждением (как в авторитарных системах), с другой — не допускает анархии, сохраняя структуру, основанную на «внешней правде» — юридических гарантиях и социальных обязательствах.

Ключевой инновацией гарантийного государства, по Алексееву, является отказ от доктринальности — насильственного навязывания единой системы ценностей. Автор подчеркивает, что принуждение к исповеданию определенных идей приводит к массовому лицемерию и подпольной психологии, как это имело место в советской системе идеологического контроля. Вместо этого государство должно формировать «общественное мнение» эпохи, которое базируется на менее глубоких, чем личные убеждения, общих культурных и нравственных ориентирах. Такой подход позволяет избежать конфликтов между индивидуальной свободой и общественным порядком.

Отказ от доктринальности делает концепцию Алексеева особенно актуальной в условиях современного общества, где многообразие мировоззрений (от либерализма до национализма, экологических и религиозных движений) требует уважения к разнообразию, но не ущемляет единство. Гарантийное государство, по сути, становится органическим пространством, где личность свободна в своих убеждениях, но связана с обществом через общие культурные и этические рамки. Это противостоит как тоталитарной унификации, так и анархии, где каждый сам по себе.

Юридическая суть гарантийного государства заключается в основном законе или конституции, базирующемся на Декларации обязанностей государства. В отличие от буржуазных деклараций прав, которые фиксируют права граждан, но не определяют механизмы их реализации, гарантийная декларация включает обязанности государства по обеспечению этих прав. Идею «гарантийного» государства Алексеев Н. Н. предлагал закрепить в будущей российской конституции, в качестве основы которой он видел «Декларацию обязанностей государства». По его мнению, принятие декларации не означает отрицания или принижения роли прав человека, напротив, является конституционной гарантией их осуществления [4].

Концепция гарантийного государства Алексеева Н. Н., представленная в его трудах, обретает особую значимость в контексте современных дискуссий о правах человека, где формальное признание свобод часто оказывается абстракцией, лишенной материального воплощения. Алексеев Н. Н. идет дальше, предлагая интеграцию социальных целей в правовую систему. Государство не только защищает права, но и создает условия для их реализации: например, через регулирование экономики, поддержку культуры и образование. Право на образование или здравоохранение требует не только юридического закрепления, но и системного финансирования, регулирования и контроля со стороны власти. Современные примеры, такие как недостаточное финансирование социальной инфраструктуры в некоторых демократиях или формальное признание прав в авторитарных режимах, подтверждают

актуальность критики Алексеева Н. Н. Предложенная им концепция делает правовую систему динамичной и адаптивной, способной противостоять кризисам, тогда как формальные системы часто остаются пассивными наблюдателями социальных потрясений.

Анализ характеристик гарантийного государства показывает, что концепция Алексеева представляет собой не просто теоретический эксперимент, а попытку переосмыслить роль государства в условиях глобальных вызовов. Отказ от релятивизма и доктринальности, сочетание стабильности и адаптивности, юридическая фиксация обязанностей государства — всё это делает его модель уникальным синтезом идеализма и прагматизма. Как отмечают современные исследователи, идеи Алексеева продолжают вдохновлять поиски баланса между личной свободой и коллективной ответственностью, что особенно актуально в эпоху, когда классические политические системы оказываются всё менее эффективными. Гарантийное государство, таким образом, выступает не как утопия, а как реалистичная стратегия для построения общества, где права и обязанности становятся основой общего блага. Однако при этом учёные отмечают, что данный государственный проект подвергается критике за определённую близость к советскому тоталитаризму (ведущий слой — партийный актив, идея-правительница — тоталитарная идеология, связь ведущего слоя и государственного аппарата, система советов, отсутствие принципа разделения властей) [5].

Таким образом, концепция гарантийного государства Алексеева Н. Н. глубоко укоренена в культурно-исторической специфике русского народа, отражая его традиционное представление о справедливости как основе «Государства Правды». Алексеев, исследуя взгляды маргинальных групп — казаков, старообрядцев и «заволжских старцев», — показывает, что русское понимание власти коренится в коллективном интересе, а не в индивидуализме, что лежит в основе его идеи «демотизма» — вовлечения народа в строительство общества. Отказ от доктринального принуждения и акцент на «внешней правде» как социальном консенсусе отражают русскую традицию поиска общей морали через диалог между народом и властью, а не через идеологическое давление. Гарантийное государство, по Алексееву, становится инструментом стабилизации, сочетающим социальную справедливость и культурное развитие, что делает его альтернативой как либерализму, игнорирующему социальные цели, так и авторитаризму, подавляющему свободу. Баланс между постоянными принципами (православие, культурная идентичность) и адаптацией к новым условиям — суть «евразийского проекта», где государство выступает носителем души народа, объединяя его историческое наследие с современными вызовами. Такая модель сохраняет актуальность, предлагая баланс между универсальными ценностями и уникальностью русской государственности, что делает её важным вкладом в дискуссии о роли государства в контексте культурной идентичности.

Литература:

1. Алексеев Н. Н. О гарантийном государстве // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 372.
2. Алексеев Н.Н. Общая теория государства. Вып. 1–2. Прага, 1925. С. 22.
3. Томсинов В. А. Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции: «Евразийская» теория государства и права Н. Н. Алексеева // Законодательство. 2002. № 3. С. 84–88. № 4. С. 86–90.
4. Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах Н. Н. Алексеева // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2021. № 3. С. 5–14.
5. Крымов А. В. Государство правды и гарантийное государство // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-pravdy-i-garantiynoe-gosudarstvo> (дата обращения: 30.04.2025).
6. Котельвин М. О., Кожевникова О. Н. «Евразийство» Алексеева Н. Н. в русско-философской мысли // E-Scio. 2018. № 10 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-alekseeva-n-n-v-russko-filosofskoy-mysli> (дата обращения: 05.05.2025).

К вопросу об использовании адвокатом технических средств при оказании юридической помощи по уголовному делу

Боброва Валерия Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ткаченко Екатерина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу правовых оснований и практических проблем использования адвокатами технических средств (аудио-, видеозапись, фотографирование, электронные устройства) в рамках уголовного судопроизводства в России. Автор акцентирует внимание на коллизии между нормами Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (п. 6 ч. 3 ст. 6) и Уголовно-процессуального кодекса (УПК РФ), которые, несмотря на отсутствие прямых запретов, зачастую интерпретируются правоохранительными органами и судами ограничительно.

Ключевые слова: адвокат, доказательства, технологии, цифровизация, достоверность

В соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (далее — Закон об адвокатуре), защитник имеет право записывать данные из материалов дела, в рамках которого предоставляет правовую поддержку, используя при этом технические средства, при условии сохранения конфиденциальности сведений, защищенных государством и другой тайной, установленной законом.

Хотя Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее- УПК РФ) не содержит явных указаний на право защитника использовать технические устройства в процессе выполнения профессиональных обязанностей, включая участие в следственных мероприятиях, в соответствии с положениями абз.1 ч.11 ст. 53 УПК РФ, адвокату предоставляется возможность применять любые инструменты и методы защиты, которые не находятся в списке запрещенных законодательством.

В ч. 2 ст. 166 УПК РФ указывается на то, что при производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. При этом в положениях данной нормы не указывается, что применять их вправе только следователь и не вправе применять адвокат- защитник.

В соответствии с п.6 ч.3 ст. 6 Закона об адвокатуре, а также ст. 241 УПК РФ, адвокат-защитник обладает правом на использование технического оборудования во время судебных слушаний уголовных дел или при разбирательствах вопросов на этапе предварительного следствия. Помимо этого, п. 5 ст. 241 УПК РФ устанавливает, что участники открытого судебного заседания имеют возможность с разрешения суда осуществлять аудио и письменную фиксацию процесса.

Таким образом, адвокат может использовать технологии не только в рамках процессуальных мероприятий, но и за их пределами, например, для электронной корреспонденции и обмена документами.

В последнее время суды все чаще поддерживают позицию следственных органов, запрещающих использование технических средств, либо уклоняются от разрешения споров, возникающих в связи с применением таких средств в ходе уголовного расследования, что вызывает серьезную обеспокоенность и находится в явном диссонансе с гарантиями, предоставленными п. п. 6,7 ч.3 ст. 6 Закона об адвокатуре, которые подразумевают право адвоката на выполнение любых действий, не нарушающих законодательство РФ.

Так, к адвокату Д. были предъявлен иск от регионального управления ФСИН за использование диктофона в разговоре с сотрудниками ФСИН на территории возле учреждения системы ФСИН, а адвокат Ж. был на основании протокола, составленного сотрудниками УФССП, привлечен по решению суда к административной ответственности по ст. 17.3 КоАП («Неисполнение распоряжения судьи или судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов») и оштрафован на 500 рублей за то, что он осуществил фотографирование в помещении суда.

В отдельных случаях силовые структуры применяют административные меры в качестве ограничений для адвокатов в использовании электронных устройств. Примером таких ограничений является случай в ГУ МВД России по Саратовской области, где в служебной инструкции был введен неофициальный запрет на внос мобильных телефонов адвокатами в помещения полиции. Это привело к тому, что юристы, ранее активно использующие смартфоны как средства фиксации и коммуникации в ходе следственных мероприятий, лишились возможности пользоваться ими в рамках работы в полицейских участках. Адвокат К. обратился в Саратовский областной суд с административным иском и просил признать данные пункты Инструкции недействующими. Суд в этом вопросе поддержал адвокатское сообщество.

В решении суд указал, что адвокату в целях оказания им квалифицированной юридической помощи разрешено использование технических средств фиксации (в рассматриваемом случае мобильный телефон являлся для истца техническим средством фиксации), каких-либо ограничений в их использовании законом не предусмотрено, а оспариваемые положения Инструкции не учитывают требования процессуального законодательства, регулирующего полномочия защитника, представителя, который вправе снимать за свой счет копии с материалов, в том числе с помощью технических средств, осуществлять свидания с лицом, которому требуется оказание квалифицированной защиты.

Суд установил, что, являясь ведомственным нормативным актом, Инструкция, по существу, допускает регулирование конституционного права на помощь адвоката (защитника), и при таких обстоятельствах суд заключил, что административное исковое заявление К. подлежит удовлетворению.

На основании изложенного, с целью обеспечения гарантий на использование технических инструментов адвокатом-защитником на любом этапе уголовного судопроизводства, считаем необходимым конкретизировать положения УПК РФ и Закона об адвокатуре, ясно указав на право адвоката использовать технические средства при осуществлении профессиональной деятельности.

Литература:

1. Адвокат оштрафован за фотосъемку нарушений охраны суда // Адвокатская улица. URL: <https://advstreet.ru/news/advokat-oshtrafovan-za-fotosyemkunarusheniy-okhrany-suda/> (дата обращения: 15.03.2025)
2. Адвоката обвинили в использовании диктофона возле больницы ФСИН // Адвокатская улица. URL: <https://advstreet.ru/news/advokata-obvinili-v-ispolzovanii-diktoфона-vozle-bolnitsy-fsin/> (дата обращения: 15.03.2025).
3. О свободном доступе адвоката в следственные органы с техническими средствами // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/o-svobodnom-dostupeadvokata-v-sledstvennye-organy-s-tekhnicheskimisredstvami/> (дата обращения: 09.10.2024)
4. Ситдикова Г. З. Стратегия адаптивной цифровизации уголовного судопроизводства. // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4–2 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-adaptivnoy-tsifrovizatsii-ugolovnogogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 05.10.2024).
5. Нечаев, В. Д. Проблемы использования электронных доказательств в уголовном процессе / В. Д. Нечаев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 18 (360). — С. 449–450. — URL: <https://moluch.ru/archive/360/80640/> (дата обращения: 05.10.2024).
6. Рагулин А. В. Право адвоката-защитника на использование технических средств: проблемные вопросы реализации и пути их решения // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 2 (25). С. 8–12.

Особенности предпринимательской деятельности несовершеннолетних

Брух Роберт Александрович, студент

Научный руководитель: Бирюков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Нет сомнений, что на сегодняшний день основой рыночной экономики выступает свободная предпринимательская деятельность, поэтому ее правовое ре-

гулирование является актуальным направлением для устойчивого экономического роста Российской Федерации. Кроме того, государство, путем проведения

различных программ поддержки, мотивирует совершеннолетних, дееспособных граждан осуществлять деятельность, направленную на систематическое получение прибыли. Но современные реалии таковы, что улучшением материального благосостояния интересуются и несовершеннолетние граждане нашей страны.

Исходя из положений ст. 34 Конституции РФ [1] и ст. 18 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [2], право на ведение предпринимательской деятельности является одним из важнейших конституционных прав человека. Статья 55 Основного закона нашей страны позволяет ограничивать и накладывать запрет на реализацию отдельных прав, вместе с тем, российское законодательство не запрещает ведение исследуемой деятельности несовершеннолетними.

Полагаем, что нет необходимости в пересказывании законодательного определения предпринимательской деятельности, содержащегося в п. 1 ст. 2 ГК РФ. Укажем лишь, что в силу общих положений гражданского законодательства, индивид может осуществлять предпринимательскую деятельность только с момента проведения необходимых регистрационных мероприятий в соответствии со специализированным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее — Закон № 129-ФЗ). [3] По отношению к регистрации несовершеннолетних в Законе № 129-ФЗ указано на необходимость предоставления дополнительных документов — согласие родителя, заверенное нотариусом, или копия иных документов, в том числе свидетельства о заключении брака или решения суда.

Как ни удивительно, в научной литературе до сих пор сохраняются дискуссии относительно минимального возраста несовершеннолетнего для ведения предпринимательства. Полагаем, что полемика продолжается ввиду отсутствия прямого законодательного предписания на возрастные границы.

Так, в соответствии с первой концепцией, гражданин, обладая частичной дееспособностью в 14 лет, уже вправе осуществлять деятельность, направленную на получение прибыли.

Указанная точка разделяется множеством исследователей, в том числе С. В. Игнатевой, которая полагает, что основу данной точки зрения составляют положения ГК РФ, а также, что указанный возраст вполне приемлемый ввиду того, что несовершеннолетний обладает деликтоспособностью. [4]

Представители второй точки зрения полагают, что в связи с тем, что процедура эмансипация несовершеннолетнего ребенка доступна по достижении 16 лет, соответственно не целесообразно приобретать статус предпринимателя раньше этого возраста.

Так, по мнению В. Ф. Попондопуло, имеет смысл рассуждать о предпринимательской деятельности несовершеннолетних только по достижению ими дееспособности, в том числе, если они вступили в брак или были эмансипированы. [5]

Сторонники третьей точки зрения предлагают зафиксировать в законе конкретное нормативное предписание о минимальном возрасте предпринимателя, с учетом его психоэмоционального состояния и осознания ответственности.

Отметим, что семейное законодательство не содержит положений, связанных с предпринимательской деятельностью несовершеннолетних.

Положения гражданского законодательства прямо не регулируют конкретные возрастные рамки для осуществления предпринимательской деятельности несовершеннолетними, но регламентируют специфику наступления частичной и полной дееспособности, которые интересуют нас в большей мере, чем правоспособность, так как последняя присуща каждому индивиду с рождения.

В соответствии со ст. 26 ГК РФ граждане от 14 до 18 лет вправе совершать сделки с согласия родителя, оформленного в письменной форме, за исключением отдельных случаев, например, разрешение судьбы своего заработка, заключение мелких сделок, распоряжение авторскими права, открытие вкладов в банках. Тем самым речь идет о частичной дееспособности. Отдельно законодателем оговорено право на вступление в кооператив, которым несовершеннолетний может воспользоваться с 16 лет.

Здесь следует сказать об открытом вопросе, ответ на который не получил по какой-то причине единой точки зрения, в частности, после приобретения несовершеннолетним предпринимательского статуса должны ли родители согласовывать каждую его сделку или достаточно выразить согласие в отношении всех сделок. Полагаем, что положения ст. 26 ГК РФ дают однозначно понять, что согласие необходимо выразить в отношении каждой сделки. Однако, А. В. Ильяхин считает, что согласие необходимо относительно условий сделок, которые могут повлечь имущественные потери, а не приобретения. [6]

В контексте предпринимательства несовершеннолетних представляет интерес ст. 27 ГК РФ, положения которой регулируют механизм эмансипации. Так, подросток может быть признан полностью дееспособным, если его возраст 16 лет, и он уже занимается предпринимательской деятельностью или работает по трудовому договору.

Также к вопросу о дееспособности следует обратиться, если подросток вступил в зарегистрированный брак. Причем общий брачный возраст в России составляет 18 лет, при наличии исключительных обстоятельств он может быть снижен до 16 лет, но в отдельных субъектах нашей страны возраст вступления в брак составляет 14 лет. И если подросток, будучи предпринимателем, вступает в брак в 14 лет, то он приобретает полную дееспособность, при этом, если брак будет в дальнейшем расторгнут, то дееспособность сохраняется.

С учетом положений ст. 28 ГК РФ, регулирующей дееспособность лиц, не достигших 14 лет, можно установить, что несовершеннолетний гражданин в возрасте от 14 до 18 лет может получить правовой статус предпринимателя, однако, проведение регистрации не делает несовершеннолетнего полностью дееспособным, поэтому дополни-

тельно необходимо пройти процедуру эмансипации. Отдельно обозначим, что действующее законодательство не разрешает заниматься предпринимательской деятельностью, лицам, не достигшим 14 лет.

В противном случае, перед заключением каждой сделки необходимо получить согласие родителя или законного представителя. Тем самым, согласие преследует цель восполнения дееспособности подростка. Отсутствие такого рода согласия на конкретную сделку повлечет ее недействительность, установленную в судебном порядке.

Как отмечает К. Д. Валов, необходимость получения согласия родителя или законного представителя на совершение любой сделки, неважно на что она направлена — на приобретение или отчуждение имущества, подчеркивает фундаментальное противоречие между сущностью предпринимательской деятельности и статусом несовершеннолетнего. [7]

Важно, что несовершеннолетние от 14 до 18 лет несут имущественную ответственность самостоятельно, родители к субсидиарной ответственности не привлекаются.

Складывается такая ситуация, что в настоящее время существует две категории предпринимателей в возрасте от 14 до 18 лет. Первая категория не является полностью дееспособной и осуществляет сделки с согласия родителей, и вторая категория, где несовершеннолетние приобрели полную дееспособность посредством эмансипации или вступив в брак.

Н. Е. Сердцева обращает внимание на возможность ведения предпринимательства с 14 лет, вместе с тем, привлечь несовершеннолетнего предпринимателя к ответственности за налоговые правонарушения можно только с 16 лет. [8]

Также следует учесть, что для осуществления отдельных видов деятельности, например, если речь идет о частной детективной деятельности, необходимо достижение особого возраста — 21 год.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что современное гражданское и семейное законодательство не достаточным образом регулирует участие несовершеннолетних граждан в предпринимательских отношениях и тем самым не обеспечивает защиту имущественных и неимущественных прав ребенка на должном уровне. Полагаем необходимым прямо урегулировать в положениях гражданского закона четырнадцатилетний возраст для несовершеннолетних, намеревающихся приобрести статус предпринимателя. Кроме того, требуется внести соответствующие изменения в положения Налогового кодекса РФ, предусмотрев наступление ответственности с 14 лет исходя из принципа самостоятельной ответственности подростков-предпринимателей. В перспективе следует рассмотреть вопрос о создании отдельного правового регулирования предпринимательской деятельности несовершеннолетних с учетом разной степени дееспособности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>. — (Дата обращения: 23.04.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>. — (Дата обращения: 23.04.2025).
3. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>. — (Дата обращения: 23.04.2025).
4. Игнатьева, С. В. Особенности правового регулирования предпринимательской деятельности с участием несовершеннолетних // Развитие отечественного права: преемственность и новизна. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — 2024. — С. 50.
5. Попондопуло В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право. — М., 2016. — С. 123.
6. Илюхин, А. В. Условия и порядок объявления несовершеннолетних полностью дееспособными (эмансипации) // Журнал российского права. — 2013. — № 7. — С. 85.
7. Валов, К. Д. Правовое регулирование предпринимательской деятельности несовершеннолетних // Закон. Право. Государство. — 2024. — № 1 (41). — С. 94.
8. Сердцева, Н. Е. Некоторые аспекты ведения предпринимательской деятельности несовершеннолетними // Хозяйство и право. 2022. № 12. Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>. — (Дата обращения: 23.04.2025).

Инновационные технологии в системе Федеральной налоговой службы

Бузмакова Кристина Викторовна, студент магистратуры
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

В работе проведен анализ достижений ФНС за последние годы, будущие тенденции и перспективы цифровизации ФНС, что позволит оценить, какие шаги необходимо предпринять для дальнейшего улучшения налогового администрирования.

Ключевые слова: цифровизация, администрирование, искусственный интеллект, документооборот, финансовая система.

В последние десятилетия мир стал свидетелем стремительного развития информационных технологий, которые охватывают все сферы человеческой деятельности. Одной из ключевых областей, где инновационные технологии играют важную роль, является налоговая система. В частности, Федеральная налоговая служба России (ФНС) активно внедряет современные цифровые решения, что позволяет значительно улучшить качество обслуживания граждан и бизнеса, а также повысить эффективность налогового администрирования. В условиях глобализации и цифровизации экономики, актуальность данной темы становится особенно очевидной, так как успешное функционирование налоговой системы напрямую влияет на финансовую стабильность государства и уровень доверия граждан к органам власти.

Цифровизация Федеральной налоговой службы России (ФНС) началась в 2010 году, что стало поворотным моментом для отечественной налоговой системы, находившейся в основном в аналоговом формате более двух десятилетий. Ключевой задачей на тот момент стала модернизация налогового администрирования, внедрение электронных сервисов и упрощение взаимодействия с налогоплательщиками [1]. Важный этап, связанный с упрощением процедур налогообложения, пришёлся на 2016 год, когда был запущен налоговый мониторинг. Этот проект позволил компаниям открывать свои информационные системы для проверок налоговыми органами, что значительно повысило уровень прозрачности в налоговой сфере, а также укрепило доверие между налогоплательщиками и ФНС [1].

В 2019 году был введен налог на профессиональный доход (НПД), который быстро нашёл свою нишу в системе налогообложения, особенно среди микробизнеса. НПД стал успешным экспериментом, прошедшим в нескольких регионах перед тем, как был распространён на всю страну. Его низкие ставки и простота расчётов привлекли внимание граждан и бизнеса, способствуя увеличению гражданской активности и улучшению налоговых поступлений [2]. Эта новая форма налога также стала одним из важнейших достижений в процессе цифровизации, поскольку предоставила гражданам уникальные возможности для собственного ведения бизнеса с минимальными финансовыми рисками и административными барьерами.

Под руководством Михаила Мишустина, который возглавил ФНС в 2010 году, цифровизация получила

мощный импульс. Мишустин первоочередно сосредоточился на создании крупнейшей в мире базы данных налоговой службы, где объём информации превышает 705 терабайт [3]. Это позволило значительно улучшить качество и скорость обработки данных о налогоплательщиках, а также повысить эффективность налогового контроля. Система налогового мониторинга, внедрённая в 2016 году, стала неотъемлемой частью этого подхода, позволяя налоговым органам осуществлять дистанционный налоговый контроль и получать доступ к необходимой информации в режиме реального времени [5].

Цифровизация не ограничивается только внедрением новых технологий; она также предполагает изменение самой культуры взаимодействия с налогоплательщиками. ФНС адаптировалась к новым условиям, что выразилось в создании разнообразных электронных сервисов, направленных на упрощение подачи налоговых деклараций и онлайн-взаимодействия между гражданами и налоговыми органами. Например, можно отметить внедрение системы электронного документооборота и различные онлайн-услуги, доступные для налогоплательщиков, что позволило значительно сократить время на взаимодействие с налоговыми органами [2].

Цифровизация процессов взаимодействия с гражданами в Федеральной налоговой службе (ФНС) России кардинально изменила подход к налоговому администрированию, повысив эффективность и доступность услуг. Одним из основных направлений этой цифровизации является внедрение электронных сервисов, что позволяет создать более удобные условия для общения граждан и налоговых органов.

С 2018 года ФНС активно развивает различные электронные сервисы. Например, на портале ФНС реализованы возможности для формирования налоговых деклараций и получения справок. Эти инструменты предназначены для упрощения взаимодействия и минимизации бумажной волокиты, что особенно актуально в условиях пандемии [6]. Каждый гражданин может воспользоваться системой из любого места с доступом в интернет, что позволяет экономить время и ресурсы.

Одним из примеров успешного внедрения электронных сервисов является система «Личный кабинет налогоплательщика», которая предоставляет пользователям доступ к своим налоговым данным в режиме онлайн. Граждане могут контролировать свои обязательства, пода-

вать декларации и получать консультации. Эта инициатива значительно повысила уровень удовлетворенности граждан и уменьшила нагрузку на налоговые органы [9].

Переход к цифровизации не лишен вызовов. Необходимость повышения уровня цифровой грамотности среди населения остается одной из ключевых задач. Также важным является обеспечение безопасности и защиты личных данных граждан. Поэтому ФНС активно работает над созданием надежных механизмов защиты информации, что является залогом успешного выполнения поставленных задач.

В дальнейшем развитие цифровизации будет направлено не только на улучшение текущих сервисов, но и на внедрение новых технологий, таких как искусственный интеллект и машинное обучение, которые могут помочь в автоматизации процессов анализа данных и повышения прозрачности налогового администрирования. Это позволит сделать взаимодействие между гражданами и налоговыми органами ещё более эффективным и прозрачным.

Облачные технологии становятся важным инструментом в области налогового администрирования, способствуя повышению эффективности работы Федеральной налоговой службы (ФНС) России. Это связано с внедрением новых систем и решений, которые упрощают взаимодействие налогоплательщиков с государственными органами. С начала внедрения облачных технологий, ФНС проверяет возможности и преимущества, которые они могут предложить в рамках своей деятельности. Например, с 25 декабря 2024 года в стране начался эксперимент, связанный с облачной электронной подписью (ОЭП). Облачная электронная подпись (ОЭП) — это электронная подпись, при которой секретный ключ подписи хранится не на компьютере пользователя, а на защищённом сервере. Пользователь получает доступ к ключу через интернет-браузер или мобильное приложение.

Этот шаг направлен на изучение потенциала облачных технологий для юридически значимых онлайн-сервисов, что может существенно снизить бюрократические барьеры и ускорить процесс документооборота [10].

Использование облачных решений позволяет налоговым инспекторам получать доступ ко всем необходимым данным в режиме реального времени. Система налогового мониторинга, построенная на облачных технологиях, предоставляет возможность инспекторам вести контроль за финансовыми операциями компаний, а также проверять их налоговые отчеты с минимальными затратами времени и ресурсов. Благодаря этому внедряются более точные методы анализа и выявления нарушений, что существенно улучшает работу налоговых органов.

Такое внимание к облачным системам и их активное использование также связано с необходимостью соблюдения налогового законодательства и минимизации рисков при обеспечении безопасности данных. Переход на электронное взаимодействие и облачные сервисы позволяет избежать множества проблем, связанных с тра-

диционными методами ведения документооборота. Снижение необходимости физического присутствия налогоплательщиков в налоговых органах открывает новые возможности как для граждан, так и для бизнеса.

Подобные инновации не только упрощают налоговые процессы, но и способствуют прозрачности налоговой системы. ФНС активно применяет облачные технологии для анализа большого объема данных, что позволяет повышать уровень контроля за уплатой налогов и быстрее выявлять возможные нарушения. Современные технологии делают возможным анализировать платежи в реальном времени, выявлять уклонение от уплаты налогов и фиксировать подозрительные транзакции, что повышает надежность финансовой системы страны [6].

Стоит отметить, что облачные услуги не только упрощают процессы, но и экономят ресурсы. Снижение затрат на инфраструктуру и поддержание ИТ-парка позволяют ФНС направлять средства на более важные задачи, а также фокусироваться на развитии новых решений в области налогообложения. Таким образом, облачные технологии становятся неотъемлемой частью цифровой трансформации налоговых органов, способствуя созданию более гибкой и эффективной системы [7].

Применение облачных технологий в ФНС — это не просто модное новшество. Это необходимость, продиктованная вызовами времени и требованиями современного общества к качеству государственных услуг. Переходящие на облачные сервисы процессы представляют собой важный шаг к созданию потенциальных возможностей для бизнеса и граждан. С каждым годом эффективность и качество предоставления налоговых услуг будет только увеличиваться, что позволит повысить уровень доверия к налоговым органам и улучшить финансовое положение налогоплательщиков.

Федеральная налоговая служба (ФНС) России демонстрирует значительный успех в области цифровизации, стремясь создать современные и высокоэффективные модели налогового администрирования. В ближайшие годы планируется полностью перейти на автоматизированный расчет налогов и управление всеми аспектами декларирования, что принципиально изменит подход к взаимодействию с налогоплательщиками. С 2025 года все налоговые декларации планируют заменить цифровыми формами, что позволит значительно повысить скорость и точность обработки данных [7].

Современные технологии уже внедрены в систему расчета транспортного и земельного налогов, которые функционируют на основе информации из различных официальных источников. Упрощение процессов и создание одной общей цифровой платформы открывают новые горизонты для налогового администрирования, включая автоматический расчет НДС и упрощенной системы налогообложения (УСН) [2]. Также важным элементом является обязательный электронный документооборот (ЭДО), который обеспечит большую прозрачность и уменьшит количество бумажной документации [9].

Эффективное внедрение цифровых технологий позволяет ФНС не только улучшать свои внутренние процессы, но и настроить стратегическое взаимодействие с бизнесом и гражданами. Важной частью цифровизации является создание интерактивной среды, где налогоплательщики смогут обращаться за услугами, получать консультации и взаимодействовать с фискальными органами в удобном формате. Это также способствует повышению уровня доверия к налоговой системе.

Инновационные технологии открывают возможности для большей автоматизации учета налогов, что, в свою очередь, позволит снизить нагрузку на работников налоговых органов. В планах ФНС минимизация стрессовых ситуаций для налогоплательщиков путем упрощения процесса декларирования и налогообложения. Переход на полную автоматизацию также даст возможность лучше контролировать налоговые потоки и минимизировать недоимки, тем самым увеличивая поступления в бюджет.

На международной арене ФНС является примером успешного внедрения цифровых технологий. Поддержка и признание на уровнях международных коллег является важным фактором, способствующим дальнейшему внедрению новшеств и повышению уровня квалификации работников налоговой службы. Таким образом, ФНС не только решает внутренние задачи, но и вносит активный вклад в формирование новых стандартов налогового администрирования на международной арене.

К концу 2025 года ожидается значительное расширение функционала, связанного с автоматизацией и использованием больших данных для более точного прогнозирования бюджета на основе имеющейся информации о налогоплательщиках и их обязательствах. Такой подход не только решает оперативные проблемы, но и позволяет формировать долгосрочные стратегии по управлению налоговыми поступлениями, адаптируясь к изменяющейся экономической среде и требованиям времени [2].

Внедрение таких систем, как аналитика больших данных и искусственный интеллект, даст возможность глубже анализировать рыночные тенденции и налоговые поступления, что в конечном итоге приведет к более эффективному распределению ресурсов и повышению финансовой стабильности страны [8]. Таким образом, подходы ФНС к цифровизации можно считать не просто техническими новшествами, а основополагающими изменениями в налоговом администрировании, которые будут определять будущее взаимодействия государства и налогоплательщиков в России.

Цифровизация Федеральной налоговой службы (ФНС) России непрерывно развивается, одновременно сталкиваясь с возрастающими вызовами и проблемами. Начатая в 2010 году эта программа оказалась подвержена множеству факторов, которые существенно влияют на её эффективность. В первую очередь следует отметить, что существующие налогообложения и механизмы контроля необходимо адаптировать к новым условиям. Ограничение использования налоговых льгот является одной из

проблем, препятствующих действительной интеграции цифровых технологий в налоговую систему, что в свою очередь затрудняет жизнь бизнесу и снижает его становление в условиях цифровой экономики [3].

В процессе внедрения электронных сервисов происходят оптимизация и автоматизация процессов, что должно снизить нагрузку на налогоплательщиков. Тем не менее, эта оптимизация сопровождается выявлением системных ошибок и сбоев, которые оказывают негативное влияние на пользователей. Например, часто информирование плательщиков о некорректных данных приводит к их недовольству и потенциальным конфликтам с налоговыми органами [3].

Технологии больших данных и активное развитие электронного документооборота имеют ключевое значение для цифровизации налогового контроля. Однако применение таких технологий также несет риски. Ошибки в данных, обработанных с помощью аналитических инструментов, могут приводить к нежелательным последствиям, включая необоснованные начисления налогов и задержки в обработке заявлений. Это, прежде всего, вызывает недовольство со стороны налогоплательщиков и снижает доверие к системе.

Одной из актуальных задач ФНС является создание эффективных механизмов для минимизации этих рисков. Применение методов машинного обучения и искусственного интеллекта, а также интеграция новых алгоритмов анализа данных, может значительно повысить качество налогового администрирования. Однако реализация таких методов требует не только технических решений, но и пересмотра существующего законодательства, чтобы создать правовую основу для их применения и защиты прав граждан.

Чтобы обеспечить информированность налогоплательщиков о новых правилах и изменениях в законодательстве, необходимо активное развитие образовательных программ и кампаний по повышению финансовой грамотности. Это позволит уменьшить количество ошибок со стороны граждан и снизить нагрузку на налоговые органы. Важно, чтобы ФНС активно взаимодействовала с бизнесом и представляла собой доступный ресурс для разъяснения новых правил [4].

Полная цифровизация налоговой системы требует от ФНС гибкости и способности к быстрой адаптации к изменяющимся условиям. Бюрократические барьеры и недостаточно оперативное реагирование на отзывы со стороны налогоплательщиков могут существенно замедлить процесс цифровизации и привести к возврату в менее эффективные методы работы. Вместо этого необходимо внедрять подходы, при которых отзывы пользователей будут учитываться в процессе развития сервисов и технологий.

В итоге, цифровизация ФНС предоставляет многообещающие возможности для улучшения налогового администрирования и снижения административной нагрузки на бизнес и граждан. Однако успешная реализация этих возможностей возможна только при условии активного

устранения выявленных недостатков и постоянного совершенствования как технологий, так и законодательства, регулирующего налоговую деятельность.

В заключение данной работы можно подвести итоги о значительном прогрессе, достигнутом Федеральной налоговой службой России в области внедрения инновационных технологий и цифровизации процессов. С момента начала этой трансформации в 2010 году, ФНС активно работает над улучшением взаимодействия с гражданами и бизнесом, что, безусловно, является важным шагом к созданию более прозрачной и эффективной налоговой системы.

Исторический контекст цифровизации ФНС показывает, что переход к новым технологиям был не просто необходимостью, а стратегическим выбором, направленным на оптимизацию работы налоговых органов и улучшение качества обслуживания. Внедрение электронных сервисов, таких как личные кабинеты для налогоплательщиков, позволило значительно упростить процесс подачи налоговых деклараций и получения информации о налоговых обязательствах. Это, в свою очередь, способствовало повышению уровня налоговой грамотности среди граждан и бизнеса, что является важным аспектом формирования налоговой культуры в стране.

Анализ достижений ФНС за последние годы показывает, что внедрение инновационных технологий уже принесло свои плоды. Например, с 2016 года было представлено более 5,5 миллиона электронных выписок, что свидетельствует о растущем доверии граждан и бизнеса к электронным сервисам. Это также подтверждает, что цифровизация действительно способствует улучшению

качества обслуживания и повышению эффективности работы налоговых органов.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, перед ФНС стоят определенные проблемы, и вызовы, связанные с цифровизацией. Необходимость обеспечения кибербезопасности, защита персональных данных и преодоление цифрового неравенства среди граждан и бизнеса остаются актуальными задачами. Важно, чтобы ФНС продолжала работать над устранением этих проблем, внедряя новые технологии и подходы, которые помогут обеспечить безопасность и доступность налоговых услуг для всех категорий граждан.

Будущие тенденции и перспективы цифровизации ФНС также вызывают интерес. Ожидается, что в ближайшие годы будут внедрены новые технологии, такие как искусственный интеллект и машинное обучение, которые могут значительно улучшить процессы анализа данных и прогнозирования налоговых поступлений. Это позволит ФНС более эффективно реагировать на изменения в экономической ситуации и адаптировать свои стратегии в соответствии с новыми вызовами.

Таким образом, можно сделать вывод, что Федеральная налоговая служба России находится на правильном пути к созданию современного, эффективного и прозрачного налогового администрирования. Инновационные технологии, внедряемые в систему ФНС, не только упрощают взаимодействие с гражданами и бизнесом, но и способствуют формированию новой налоговой культуры в стране. Важно продолжать развивать эти направления, чтобы обеспечить дальнейший рост и развитие налоговой системы России в условиях быстро меняющегося мира.

Литература:

1. Бойков И. А., Панченко А. В. Международный опыт цифровизации налогового мониторинга: уроки для России // *Налоги и налоговое администрирование*. — 2021. — № 3. — С. 5–17.
2. Васильева Н. А., Константинова Е. С. Динамика показателей цифровой эффективности налоговых органов России в условиях перехода к новому технологическому укладу // *Финансы и управление*. — 2023. — Т. 8, № 1. — С. 42–50.
3. Глазьев С. Ю. Цифровая экономика: тенденции, риски и перспективы. — М.: Экономика, 2019. — 304 с.
4. Дроздов М. Е., Сидорова А. П. Искусственный интеллект в налоговом администрировании: возможности и перспективы // *Право и экономика*. — 2022. — № 2. — С. 98–105.
5. Иванов П. П., Сергеев К. И. Электронные сервисы ФНС России: реализация и перспективы развития // *Современные технологии государственного управления*. — 2020. — № 4. — С. 54–61.
6. Ковалев А. И., Григорьев П. Н. Сравнительный анализ платформ налогового администрирования: взгляд на инновации в России и за рубежом // *Вопросы экономики и управления*. — 2022. — № 5. — С. 21–29.
7. Макаров В. Л. Цифровизация государственного управления: принципы и практика применения современных технологий // *Государственное управление и цифровая экономика*. — 2021. — Т. 6, № 2. — С. 12–23.
8. Новиков С. И., Борисова Т. К. Перспективы применения технологий машинного обучения в налоговом администрировании // *Экономика и цифровые технологии*. — 2022. — Т. 6, № 2. — С. 83–91.
9. Приказ Федеральной налоговой службы от 15.06.2022 № ЕД-7-26/544@ «Об утверждении особенностей проведения налогового мониторинга в цифровой среде» // *Официальный интернет-портал правовой информации*: <http://www.pravo.gov.ru>. — Доступ: 20.07.2023.
10. Сухов В. А. Цифровая трансформация налоговых органов: российский и зарубежный опыт // *Бухгалтерский учет и налоги*. — 2021. — Т. 47, № 8. — С. 27–35.
11. Тарануха Ю. Н., Кузнецова Е. В. Использование технологий больших данных в налоговом администрировании // *Финансы и управление*. — 2020. — № 3. — С. 45–52.

12. Указ Президента Российской Федерации от 10.03.2021 № 127 «О государственной политике в области развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 11. — Ст. 1590.
13. Федеральная налоговая служба Российской Федерации. Официальные отчеты и аналитические материалы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).
14. Федеральная налоговая служба. Официальный сайт: <http://www.nalog.ru>. Раздел «Цифровизация». Доступ: октябрь 2023.
15. Федеральный закон от 05.08.2000 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 01.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 32. — Ст. 3348.

Проблемы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за террористические акты

Ващенко Вероника Олеговна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Данная статья посвящена анализу проблем, связанных с уголовным законодательством об ответственности за террористические акты. В условиях возрастающей угрозы терроризма необходимо пересмотреть существующие нормы и подходы к правоприменению. Основные проблемы включают неопределенность терминологии, недостаточную дифференциацию преступлений, сложности с доказательственной базой и неэффективность превентивных мер. Статья предлагает пути совершенствования законодательства, такие как унификация терминологии, создание более гибкой системы ответственности, улучшение методов сбора доказательств и разработка превентивных программ. Целью работы является выработка рекомендаций для создания эффективной правовой системы, способной эффективно реагировать на вызовы современного терроризма и защищать права граждан.

Терроризм представляет собой одну из самых серьезных угроз безопасности современного общества. В условиях глобализации и быстрого развития технологий террористические акты становятся всё более сложными и многообразными. В связи с этим возникает необходимость в постоянном совершенствовании уголовного законодательства, регулирующего ответственность за террористические действия. Данная статья рассматривает основные проблемы, связанные с эффективным регулированием ответственности за террористические акты, а также предлагает возможные пути их решения.

Ключевые слова: терроризм, угроза, уголовное право, ответственности, совершенствование законодательства.

Проблемы уголовного законодательства

1. Неопределенность терминологии. Одной из ключевых проблем является отсутствие четкой и единой терминологии в уголовном законодательстве. Разные страны могут по-разному определять понятие «терроризм», что затрудняет международное сотрудничество в борьбе с этой угрозой. Неопределенность в терминах может приводить к правовым пробелам и затруднениям в правоприменении.

К сожалению, практика показывает, что законодатель нередко отступает от требований законодательной техники, что выражается в недостаточном учете степени общественной опасности деяний при формулировании норм. Это может привести к неполноте правового регулирования и трудностям в применении законов. В частности, статья 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), регулирующая ответственность за террористический акт, подвергалась многократным изменениям. Эти поправки, а также соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ вызвали зна-

чительные научные споры и породили сложности в правоприменительной практике.

2. Недостаточная дифференциация преступлений. Современное уголовное законодательство часто не учитывает различия между различными формами терроризма (например, международный, внутренний, экологический и др.). Это приводит к тому, что одни и те же меры ответственности могут применяться к преступлениям, существенно различающимся по своей природе и последствиям. Существующая классификация террористических актов часто оказывается недостаточно гибкой для учета новых форм терроризма, таких как кибертерроризм или биотерроризм. Это создает пробелы в уголовной ответственности.

3. Проблемы с доказательственной базой. Террористические акты часто совершаются с использованием сложных технологий и методов, что затрудняет сбор доказательств. В некоторых случаях доказательства могут быть получены только с нарушением прав человека, что вызывает дополнительные этические и правовые вопросы.

4. Неэффективность превентивных мер Уголовное законодательство должно не только наказывать за совершенные преступления, но и предотвращать их. Однако действующие меры часто оказываются недостаточно эффективными. Это связано с тем, что законодательство не всегда учитывает социальные, экономические и психологические факторы, способствующие радикализации.

5. Недостаточная ответственность за подготовку и финансирование терроризма.

Уголовное законодательство не всегда охватывает все аспекты подготовки и финансирования террористической деятельности, что позволяет некоторым участникам оставаться безнаказанными.

Пути совершенствования законодательства

1. Унификация терминологии Необходимо разработать единые определения термина «терроризм» и связанных с ним понятий на международном уровне. Это позволит улучшить координацию между странами и упростит правоприменение.

2. Дифференциация ответственности Следует создать более гибкую систему уголовных норм, учитывающую различные формы терроризма. Это позволит более точно

определять уровень ответственности и соответствующие меры наказания.

3. Улучшение механизмов сбора доказательств Важно разработать новые методы и технологии для сбора доказательств, которые будут соответствовать правам человека. Это может включать использование современных технологий, таких как анализ больших данных и искусственный интеллект.

4. Разработка превентивных программ Необходимо сосредоточиться на разработке программ, направленных на предотвращение терроризма. Это может включать образовательные инициативы, программы по интеграции и реабилитации, а также сотрудничество с местными сообществами.

Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за террористические акты является важной задачей для обеспечения безопасности и защиты прав граждан. Решение существующих проблем требует комплексного подхода, включающего как правовые, так и социальные аспекты. Только так можно создать эффективную и справедливую систему, способную противостоять вызовам современного терроризма.

Литература:

1. Раджабов Ш. Р., Гаджиев М. Г. Проблемы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за террористические акты // Право и управление. 2024. № 10.
2. Серебренникова А. В., Лебедев М. В. Уголовно-правовая характеристика террористического акта // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2
3. Шаталова М. А. О некоторых вопросах совершенствования законодательства российской Федерации об уголовной ответственности за террористический акт // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3.

Актуальные проблемы профессионального представительства и адвокатской монополии в гражданском процессе в Российской Федерации

Вельмейкина Татьяна Сергеевна, студент

Научный руководитель: Попович Марина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье автор исследует проблемные вопросы гражданского процесса в вопросе судебного представительства, рассматривая реформы законодательства РФ в данном институте.

Ключевые слова: адвокатская монополия, профессиональное представительство, гражданский процесс, судебное представительство

Причины обращения лиц к услугам судебных представителей могут быть самыми разнообразными, однако возможно выделить два основных фактора, обуславливающих это: юридический и фактический. Юридический фактор связан с объективной невозможностью самостоятельного участия стороны в судебном разбирательстве в силу неполной дееспособности, законодательных запретов или ограничений на личное участие в гражданском процессе. Фактические же обстоятельства обращения к су-

дебному представительству прежде всего связаны с отсутствием у лица необходимых познаний, навыков и умений для самостоятельного участия в судебном разбирательстве, вплоть до элементарного страха и боязни выступления в суде. Именно с подобными фактическими причинами наиболее всего связано введение института профессионального представительства в гражданском процессе. Необходимо отметить, что смысл деятельности профессионального представителя заключается в обеспечении правильного

и своевременного рассмотрения дела путем использования знаний материального и процессуального права, навыков сбора и представления доказательств, качественной подготовки процессуальных документов и т.п. [5].

Реформа гражданского процессуального законодательства [1] в части профессионализации судебного представительства (то есть введение образовательного ценза для лиц, желающих быть представителями), проведенная в 2019 году, вызвала различные реакции среди исследователей и практиков. Так, встречается мнение о том, что введение профессионального представительства является попыткой ограничения конституционного права на судебную защиту, а также бездумным «копированием» европейских стандартов, в частности перениманием опыта Франции и Великобритании, без учета российских реалий правосудия [8]. В тоже время все же преобладает положительная точка зрения на данную реформу, где исследователи отмечают, что благодаря закреплению необходимой профессиональной подготовки представителя возможно снижение нагрузки на судей, улучшение качества правосудия, а также это способствует эффективной реализации принципа состязательности сторон в гражданском процессе и реальной защиты прав и интересов лиц, участвующих в деле [4].

После вступления в законную силу изменений на практике появилась проблема определения документов, подтверждающих соответствие представителя требованиям гражданского процессуального законодательства, и порядок их представления суду. В тоже время пункт 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) дал достаточно подробные разъяснения о том, какие документы могут подтвердить наличие высшего юридического образования и в какой форме их необходимо представлять суду. Высшая инстанция указала, что соблюдение требований ч. 2 ст. 49 ГПК РФ наличие высшего юридического образования у лиц, выступающих представителями в суде, может подтверждаться дипломом бакалавра, дипломом специалиста, дипломом магистра, дипломом об окончании аспирантуры (адъюнктуры) по юридической специальности, дипломом кандидата наук или дипломом доктора наук. В данном случае можно сделать вывод о том, что перечень документов о юридическом образовании представителя все равно носит открытый и неконкретный характер, что в свою очередь может создать для суда проблемы при их оценке для допуска представителя до процесса.

В науке гражданского процессуального права выделяют такую проблему, связанную с профессиональным представительством, как отсутствие в процессуальном законодательстве правовых последствий допуска до участия в судебном деле лиц, не отвечающих требованиям профессионального представительства. Как указывает Зайков Д. Е., отсутствие в процессуальном законодательстве правовых последствий допуска к участию в деле ненадлежащих представителей негативно отражается на ответственности суда в указанном вопросе [6]. Действи-

тельно, в ГПК РФ никак не регламентированы процессуальные последствия нарушения допуска представителя к процессу; при этом подобные случаи становятся основаниями для апелляционного и последующего обжалования судебного решения в вышестоящие инстанции. Однако, согласно гражданскому процессуальному законодательству, это не может быть основанием для отмены или изменения решения суда. В связи с этим видится необходимость внесения изменений в ГПК РФ в части определения данного нарушения в качестве основания, влекущего пересмотр принятого судебного решения по делу, поскольку это позволило бы обеспечить право лиц на судебную защиту, а также дисциплинировать лиц, участвующих в деле.

Необходимо отметить, что реформа судебного представительства, начатая в 2019 году, должна была постепенно прийти в конечном счете к установлению адвокатской монополии, что означало бы представление интересов лиц в судах только адвокатов. В тоже время данный процесс на определенное время был остановлен, однако в конце 2024 года Министерство Юстиции РФ совместно с Федеральной палатой адвокатов выступили с заявлением о подготовке законопроекта, касающегося профессионализации судебного представительства именно на базе адвокатуры, то есть о введении так называемой «адвокатской монополии» на судебное представительство [7].

В тоже время как такого проекта изменений в гражданское процессуальное законодательство так до сих пор и не опубликовано: при этом на Федеральном портале нормативных правовых актов подготовлен Проект изменений в Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция». На странице 8 данных Изменений отмечено, что «одним из основных гарантов реализации конституционных прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи и на судебную защиту является институт адвокатуры, который обеспечивает доступ граждан и юридических лиц к правосудию и непосредственно связан с публично-правовыми функциями, прежде всего через судебное представительство» [2]. В связи с этим предлагается консолидировать юридическую профессию и еще больше профессионализировать судебное представительство, по сути, унифицировав его до адвокатского. Стоит сказать, что указанный Проект Постановления не содержит в себе каких-то конкретных предложений по порядку изменения статуса судебных представителей на адвокатов.

Таким образом, институты профессионального судебного представительства и адвокатуры далеки от совершенства. Существуют следующие актуальные проблемы процессуального представительства: 1) проблема определения документов, подтверждающих соответствие представителя требованиям гражданского процессуального законодательства, и порядок их представления суду; 2) проблема отсутствия в процессуальном законодательстве правовых последствий допуска до участия в судебном деле лиц, не отвечающих требованиям профессионального представительства. Помимо этого, в целом весьма

дискуссионным и проблемным вопросом является окончательное введение адвокатской монополии в гражданском судопроизводстве.

Обычное юридическое сообщество, не включая адвокатов, скорее негативно относится к данной монополии, полагая, что это ограничение конституционного права на судебную защиту, в том числе на выбор представителя по

делу, а также наделение привилегированным положением адвокатов. Так, исследователи отмечают, что «адвокатура как институт демократического общества перестает быть носителем правовой культуры и превращается в источник формирования искаженного правосознания у граждан, неоправданно затрудняя им доступ к правосудию и квалифицированной юридической помощи» [3].

Литература:

1. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.03.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
2. Проект О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Юстиция» // URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=151380> (дата обращения: 13.03.2025) — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
3. Бабин А. И., Якушева А. Р. Перспективы внедрения адвокатской монополии в Российской Федерации // URL: <https://femida-science.ru/component/k2/item/374-perspektivy-vnedreniya-advokatskoj-monopolii-v-rossijskoj-federatsii>
4. Глухова О. Ю., Назаров В. В. Перспективы развития профессионального представительства в арбитражном процессе России // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3. № 11. С. 387.
5. Гук В. А. Представительство в гражданском процессе: правозащитная функция и актуальные вопросы совершенствования законодательства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 25.
6. Зайков Д. Е. Профессиональное судебное представительство: проблемы практики применения // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 5. С. 8
7. Мамров Ф. Адвокатская монополия как способ борьбы с правовым нигилизмом // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/advokatskaya-monopoliya-kak-sposob-borby-s-pravovym-nigilizmom/>
8. Чернова С. И. Профессиональное представительство как институт гражданского общества // Вестник экспертного совета. 2019. № 4. С. 93–95.

Презумпция морального вреда как инструмент эффективной защиты личных прав автора

Володин Матвей Юрьевич, студент

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматривается вопрос о целесообразности введения специальной презумпции морального вреда при нарушении личных неимущественных прав автора. Обосновывается, что такая презумпция способна существенно упростить процесс доказывания в условиях цифровизации, а также повысить эффективность защиты достоинства и личности автора. Проведено сравнение с уже действующими презумпциями в российском праве, в частности, с презумпцией авторства. Проанализированы подходы к компенсации морального вреда в странах континентальной правовой семьи (Франция, Испания, Германия, Италия), что позволило сделать вывод о допустимости и полезности такой презумпции в российской правоприменительной практике.

Ключевые слова: авторское право, моральный вред, право интеллектуальной собственности, доказывание.

The presumption of moral damage as a tool for the effective protection of the author's personal rights

Volodin Matvei Yuryevich, student

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

The article explores the feasibility of introducing a special presumption of moral damage in cases of violation of an author's personal non-property rights. It argues that such a presumption could significantly simplify the evidentiary burden in the digital age and enhance the protection of the author's dignity and personality. The study draws a parallel with the existing legal presumption

of authorship in Russian law and analyzes foreign legal practices in continental legal systems (France, Spain, Germany, Italy). The findings support the potential appropriateness and usefulness of introducing a similar presumption in Russian judicial practice.

Keywords: *copyright, moral damage, intellectual property law, burden of proof.*

В современной правоприменительной практике защита личных неимущественных прав авторов произведений сталкивается с рядом трудностей, среди которых не последнее место занимает необходимость доказывания факта причинения морального вреда. Несмотря на очевидность связи между посягательством на личные неимущественные права и переживаниями автора, действующее законодательство не содержит специальной презумпции, которая бы облегчила бремя доказывания автором таких последствий нарушения.

В условиях цифровизации, когда нарушения происходят мгновенно, а информация распространяется массово, эффективность защиты личных неимущественных прав автора требует не просто оперативности, но и процессуальной разумности. Действующий порядок доказывания причинения морального вреда носит отягощающий характер и возлагает на авторов чрезмерное бремя доказывания этого факта [1, с. 280].

Пункт 1 статьи 1251 Гражданского кодекса РФ устанавливает правовые механизмы защиты личных неимущественных прав автора, включая компенсацию морального вреда. Судебная практика подтверждает готовность российских судов защитить личные неимущественные права авторов путем взыскания компенсации морального вреда. Согласно пункту 54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» защита путем взыскания компенсации морального вреда на принадлежащее гражданину исключительное право не предусмотрена, так как оно является имущественным правом согласно статье 1226 ГК РФ. При этом судом может быть взыскана компенсация морального вреда при посягательстве на право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование, право на отзыв, право на неприкосновенность исполнения, но они возникают и подлежат защите только в случаях специального поименования в законе и их охрана предусмотрена частью четвертой ГК РФ о каком-либо конкретном виде результатов интеллектуальной деятельности. Важно, что при определении размера компенсации, судам следует учитывать общественную оценку ущемленного законного интереса и нарушенного права, личность и ее известность автора, содержание и популярность объекта авторских прав, степень вины причинителя вреда и тяжесть наступивших последствий для автора. Однако автору в любом случае требуется доказать наличие такого вреда в общем порядке.

В настоящее время суды не исходят из того, что нарушение личных неимущественных прав автора причиняет моральный вред само по себе, так как посягает на творческое самовыражение, которое непременно затрагивает саму личность [2, с. 108–110]. Главной особенно-

стью личных неимущественных прав в целом является неразрывная связь с личностью обладателя, потому они неотчуждаемы и непередаваемы. Так не предполагает ли нарушение личных неимущественных прав автора автоматическое причинение ему морального вреда?

К примеру, презумпция морального вреда де-факто действует в потребительских спорах. Пунктом 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» определено, что для судов достаточным для удовлетворения требования о компенсации морального вреда является установленный факт нарушения прав потребителя. Это фактическая презумпция морального вреда, так как с потребителя снято бремя доказывания факта самого причинения морального вреда и судами презюмируется, что нарушение права потребителя посягает на его личность.

Предполагается, что такая аналогия может быть проведена и с личными неимущественными правами автора. Само по себе посягательство на права автора означает и посягательство на его личность [3, с. 195–198].

Подобная практика применяется в Испании. Испанские суды при рассмотрении требования о компенсации морального вреда широко применяют доктрину «*in re ipsa*», то есть моральный вред «вытекает сам собой» из факта нарушения и не нуждается в отдельном доказывании [4, с. 2–3]. Подобным образом действуют суды Франции, отмечая, что незаконное посягательство на личное право автора само по себе влечет нематериальный ущерб, подлежащий возмещению [5, с. 3].

В противовес этой точке зрения действуют суды Германии, которые крайне осторожно относятся к компенсации моральному вреду. В этом случае действует повышенный стандарт доказывания и компенсация присуждается в случаях значительности нарушения и причиненных страданий авторам [6, с. 4]. Аналогично осуществляется оценка доказательств и в Италии, в которой суды исходят из того, что ущемление личных прав автора может повлечь моральный вред, но необязательно и для оценки требуется установить степень тяжести наступивших последствий [7, с. 3–5].

В российском праве уже применяется специальная презумпция, прямо направленная на упрощение доказывания в спорах о нарушении авторских прав — это презумпция авторства, установленная пунктом 1 статьи 1257 ГК РФ. Гражданин, который указан в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, признается его автором, пока не доказано иное. Это означает, что автор не обязан доказывать свое авторство и бремя опровержения этого факта возлагается на ответчика [8, с. 24–26]. Суд же исходит из доверия к статусу автора, а закон охраняет его права до доказательства обратного. Норма служит примером как специальная правовая презумпция может эффективно снизить доказа-

тельственную нагрузку на автора как субъекта процессуального права и обеспечить приоритет охраны его неимущественного права. В этом случае можно провести аналогию, по которой презумпция морального вреда презюмирует факт нравственных страданий автора и достаточность доказанности нарушения права, обеспечивает компенсацию без процедуры доказывания страданий и снимает ряд препятствий к защите права путем компенсации [9, с. 35].

Анализ российской практики и зарубежного опыта показывает, что презумпция морального вреда при на-

рушении личных неимущественных прав автора может стать действенным инструментом усиления охраны прав личности в авторском праве. А факт того, что презумпция авторства уже закреплена, создает логическую и системную основу для расширения круга такого презюмирования. Предполагается, что презумпция морального вреда может рассматриваться как естественное и разумное развитие механизма защиты личных неимущественных прав, тем более что она не угрожает состоятельности процесса, а только лишь перераспределяет бремя доказывания.

Литература:

1. Абрамов С. Б. Теоретико-методологические подходы к определению понятия морального вреда и понятия морального вреда как последствия нарушения интеллектуальных прав // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4(232). С. 279–282.
2. Абрамов С. Б. Презумпция наличия страданий при взыскании компенсации морального вреда, причиненного нарушением интеллектуальных прав // Евразийская адвокатура. 2024. № 6(71). М. 108–112.
3. Антонова Л. И. О доказательствах в делах о защите авторских прав / Л. И. Антонова // Право и управление. — 2023. — № 5. — С. 195–198.
4. Tribunal Supremo (Испания). Решение № 91/2017 от 14 февраля 2017 г. по делу режиссёра Лифферса // Официальный сайт Poder Judicial. URL: <https://www.poderjudicial.es/> (дата обращения: 21.05.2025).
5. Conseil d’État (Франция). Решение от 27 апреля 2011 г. по делу Fedida против Ville de Nantes // Официальный сайт Conseil d’État. URL: <https://www.conseil-etat.fr/> (дата обращения: 21.05.2025).
6. Bundesgerichtshof (ФРГ). Urteil vom 05.06.2001 — I ZR 115/99 // Официальный сайт BGH. URL: <https://www.bundesgerichtshof.de/> (дата обращения: 21.05.2025).
7. Corte di Cassazione (Италия). Постановление № 13664 от 22 июля 2004 г. // Официальный сайт Corte Suprema di Cassazione. URL: <https://www.cortedicassazione.it/> (дата обращения: 21.05.2025).
8. Соломеина Е. Распределение бремени доказывания по делам о компенсации морального вреда // Арбитражный и гражданский процесс. — 2008. — № 8. — С. 24–26.
9. Моргунова Е. А. Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: монография / под ред. Е. А. Моргуновой. — М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2014. 176 с.

Уголовно-правовая характеристика преступности мигрантов

Гадирова Басира Ильгаровна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассмотрены уголовно-правовые аспекты преступности мигрантов. Выделены ключевые группы преступлений, совершаемых мигрантами. Определены проблемы преступности мигрантов и предложены способы по их решению.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционные преступления, нелегальная миграция, преступление, преступность мигрантов, регистрация мигрантов.

Criminal and legal characteristics of migrant crime

The article examines the criminal law aspects of migrant crime. The key groups of crimes committed by migrants are highlighted. The problems of migrant crime are identified and ways to solve them are proposed.

Keywords: migration policy, migration crimes, illegal migration, crime, criminality of migrants, registration of migrants.

Неконтролируемый приток мигрантов в Россию способствует росту преступности среди нелегальных мигрантов. Ситуация осложняется еще и тем, что очень сложно отследить пути незаконного пересечения иностранными гражданами государственной границы.

МВД России опубликовало ежегодную миграционную статистику за январь-декабрь 2024 года. В 2024 году разрешение на временное проживание оформили 44,5 тыс. человек (-50,4 % по сравнению с 2023 годом), а вид на жительство — 214,9 тыс. (- 21,3 %) [4]. На состояние ми-

грации в 2025 году может оказать влияние ужесточение требований законодательства о правилах пребывания иностранных граждан в России. С 2025 года в России введен реестр контролируемых лиц. Права и свободы иностранных граждан ограничиваются с тем, чтобы они выехали из РФ или приобрели законные основания для пребывания (проживания) в РФ. К примеру, банковские счета попавших в реестр иностранных граждан блокируются, им запрещается управлять транспортным средством, приобретать недвижимость, вступать в брак, а для изменения места пребывания требуется разрешение МВД России.

Рассматривая преступность с участием мигрантов с позиции уголовного права, нужно учитывать следующие обстоятельства:

1) мигрантами совершается достаточно большой спектр преступлений, однако они чаще всего оказываются причастными к совершению преступлений против собственности (кражи, грабежи, мошенничества), преступления против личности (причинение тяжкого вреда здоровью, побои), преступления против общественного порядка (хулиганство, незаконный оборот оружия), против общественной нравственности (незаконный оборот наркотиков);

2) мигранты чаще всего не являются специальным субъектом преступлений, если преступление совершено на территории России, однако по ряду составов преступлений (например, по ст. 276 УК РФ [1] — шпионаж) мигрант, будучи иностранным гражданином, выступает в качестве специального субъекта преступления;

3) мигранты совершают ряд преступлений, которые связаны с незаконной миграцией. С позиции норм Особенной части УК РФ преступления в сфере миграционного законодательства располагаются в гл. 32 «Преступления против порядка управления». Как отмечает, А. М. Зарина, «между деяниями, предусмотренными ст. 322.1–322.3 УК РФ, имеется больше общих черт, формирующих механизм преступления (как криминалистическую категорию, лежащую в основе криминалистической классификации), по сравнению с деянием, предусмотренным ст. 322 УК РФ, несмотря на общность родового объекта преступного посягательства» [2, с. 115]. Родовой объект преступлений в сфере миграционного законодательства выступают правовые отношения, «обеспечивающие нормальное функционирование государственной власти и органов местного самоуправления» [5, с. 151].

Анализируя процесс организации незаконной миграции, необходимо иметь в виду, что организатор ее непосредственно не осуществляет. Мигрируют незаконно или законно иностранцы: въезд, перемещение, пребывание или транзит и выезд — все эти действия (деяния) совершают они. Организация состоит в создании условий, обеспечении незаконной миграции, в руководстве указанными действиями. Поэтому объектом преступления, в данном случае, являются общественные отношения, складывающиеся, прежде всего, в процессе обеспечения

незаконной миграции, руководства составными элементами миграционного процесса и самими действиями по реализации незаконной миграции.

Итак, можно выделить две группы преступлений, которые совершаются мигрантами:

1) общие преступления, которые совершаются как гражданами РФ, так и мигрантами,

2) преступления, в которых мигрант является специальным субъектом (например, незаконное пересечение государственной границы — ст. 322 УК РФ, шпионаж — ст. 276 УК РФ).

Можно выделить следующие проблемы уголовного законодательства в сфере привлечения мигрантов к уголовной ответственности.

Во-первых, отмечается высокий уровень преступности среди трудовых мигрантов. В РФ отмечается рост числа совершенных трудовыми мигрантами преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких. По итогам 2024 года увеличилось число преступлений с участием иностранных граждан. По данным Следственного комитета России», за 2024 год число «преступных посягательств» со стороны трудовых мигрантов возросло с 5 868 до 9 708, а преступлений приезжих, получивших гражданство менее десяти лет назад, — с 7 до 11 тыс». [3].

На уровень и состояние преступлений, совершенных мигрантами, оказывают влияние концептуальные недостатки миграционной политики. Эти недостатки заключаются в том, что рассматриваемая политика направлена на ограничения и преимущественное использование административных методов. Для приема мигрантов требуется соответствующим образом подготовленная материальная и социально-экономическая инфраструктура, построено новое жилье, созданы новые рабочие места. К сожалению, данная работа осуществляется недостаточными темпами. Это провоцирует рост незаконной миграции, а также приводит к увеличению миграционной преступности в регионе.

С целью совершенствования уголовной ответственности мигрантов требуется кардинально изменить концептуальный подход к решению миграционных проблем, используя более широкий арсенал методов регулирования миграционной политики. Требуется привлечение экспертного научного сообщества для выработки научно обоснованных и отвечающих интересам социально-экономического развития России подходов в исправлении в целом неудовлетворительной миграционной ситуации.

Решение проблем с миграционными преступлениями требует более современных подходов, в том числе, использование передовых цифровых технологий, проведение социологических опросов населения для получения реакции общества к проблемам незаконной миграции. Миграционные процессы должны стать фактором, способствующим развитию региона, исходя из потребностей региональной экономики, региональной национальной безопасности, охраны общественного порядка и здоровья населения. В этих условиях следует на всех уровнях госу-

дарственного управления осуществлять постоянный мониторинг миграционной ситуации в регионе, отслеживать факты организации незаконной миграции, в том числе, принимать меры по расселению квартир, в котором зарегистрировано значительное число незаконных мигрантов. Данные меры будут способствовать снижению количества незаконной миграции и улучшению миграционной ситуации в России.

С целью снижения количества преступлений, совершенных мигрантами, представляется целесообразным создание федерального автоматизированного банка данных дактилоскопической регистрации мигрантов, подозреваемых в совершении уголовных преступлений, а также совершивших административные правонарушения.

Решение этих задач в комплексе с переходом на уведомительный характер процедуры регистрации мигрантов,

жесткой политикой по отношению к работодателям, в том числе с целью взимания налогов, созданием механизмов обеспечения жильем помещениями для временного проживания иностранных работников сведет к минимуму нелегальное использование иностранной рабочей силы, а значит, сократит объемы нелегальной миграции. Исключительно депортации и штрафы не дадут позитивного эффекта для сокращения нелегальной иммиграции.

Тем самым, подытоживая вышесказанное, можно выделить следующие основные направления совершенствования миграционной политики: совершенствование концептуальных основ миграционной политики, расширение количества методов регулирования миграционных процессов в регионе, совершенствование законодательного регулирования процессов миграции как на уровне федерального, так и регионального законодательного процесса.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст.2954.
2. Зарина А. М. К вопросу об объекте преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. — 2023. — № 1. — С. 114–119.
3. Официальный сайт Следственного комитета России. — URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1918181> (дата обращения: 05.05.2025).
4. Паспортная аномалия. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7605606> (дата обращения: 05.05.2025).
5. Царев Е. В. К вопросу об определении объекта преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления // Вестник Нижегородской Академии МВД России. — 2014. — № 2 (26) — С.150–156.

Некоторые проблемы правового регулирования социальных отношений в сфере образования

Галеева Дина Рамилевна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье анализируются проблемы правового регулирования социальных отношений в сфере образования, отмечается недостаток практикоориентированности высшего образования, избыточная централизация управления образованием и декларативность правового статуса педагогов. Рассмотрены зарубежные модели управления образованием и признание преподавателей госслужащими. Отмечена необходимость модернизации правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: правовое регулирование, социальные отношения, высшее образование, административное управление, централизация, педагог, государственная служба.

Отношения в сфере образования, кроме образовательных, включают в себя административные, финансово-экономические, трудовые и иные общественные отношения в сфере образования, которые носят обеспечительный (вспомогательный) характер. Ввиду этого они регулируются большим количеством нормативно-правовых актов, не лишенных недостатков.

Применительно, к правовому регулированию образовательных отношений высшего образования следует отметить слабую направленность высшего образования на

формирование практических навыков у студентов [2, с. 38]. Образовательный процесс в вузах по-прежнему сосредоточен на развитии сугубо теоретического мышления, в результате чего обучающийся все чаще приобретает качества исследователя, а не специалиста, готового к реальной трудовой деятельности. Перекос в пользу получения абстрактных знаний заметно снижает прикладную ценность высшего образования. Содержание образовательных программ высшего образования не пронизано практикоориентированной составляющей, в результате

чего теория отрывается от реальности, а стандарты, закреплённые в нормативных актах, вступают в противоречие с актуальными запросами рынка труда.

Сложившаяся ситуация требует не просто адаптации отдельных элементов образовательного процесса, а глубокой структурной модернизации всей системы высшего образования. Только встраивание в учебный процесс практических занятий, таких, как семинары, кейс-занятия, профессиональные пробы, способно дать возможность студенту войти в роль будущего специалиста. Современные социально-экономические условия диктуют свои ориентиры: от выпускника ожидается не только владение базовыми понятиями, но и способность мыслить гибко, принимать нестандартные решения, адаптироваться к быстро меняющимся обстоятельствам. Образовательная модель должна быть ориентирована на формирование таких личностных и профессиональных качеств, которые позволяют действовать эффективно даже в условиях неопределённости. Только при наличии таких навыков возможно полноценное вхождение в профессию и уверенное поведение в сложной, нестабильной деловой среде.

Что касается административных (управленческих) отношений в сфере образования, они характеризуются строгой подчинённостью одних субъектов другим. Кроме того, государство тщательно регулирует и контролирует административные отношения в сфере образования, в результате чего они теряют гибкость.

В США управление в сфере высшего образования построено по децентрализованному принципу, ввиду чего полномочия в сфере образования сконцентрированы преимущественно на уровне штатов. Университеты и иные образовательные учреждения, как правило, находятся в ведении штатов, что кардинально отличает указанную модель от российской. В отличие от централизованной модели, установленной в отечественной практике, государство в США не осуществляет прямое административное вмешательство в образовательные процессы, ограничиваясь опосредованным участием. Направления подготовки и содержания программ выстраиваются в зависимости от запросов рынка труда, именно он диктует приоритеты и влияет на образовательную политику [3, с. 298]. Такой подход обеспечивает связь образования с экономикой и способствует актуализации образовательных программ в соответствии с реальными условиями профессиональной среды.

Применительно к отечественной системе управления высшим образованием оправданным видится отход от избыточного нормативного давления в пользу стратегического сопровождения и координации. Такое перераспределение акцентов позволит образовательной системе оперативно реагировать на внешние вызовы, проявлять гибкость и учитывать специфику конкретного региона. Правовое обеспечение данной трансформации возможно путем внесения изменений в законодательство.

Предоставление вузам более широких полномочий в части бюджетной автономии, формирования струк-

туры образовательных программ и привлечения внебюджетных ресурсов представляет собой механизм повышения их конкурентоспособности и обеспечения стабильности деятельности. Усиление финансовой и организационной самостоятельности вузов способствует также формированию конкурентной среды в академическом пространстве.

Правовое положение педагогов в российской и зарубежных правовых системах имеет много точек соприкосновения. Однако нельзя не отметить различия, отражающие специфику национального и зарубежных подходов. Хотя в обеих системах закреплены инструменты оценки профессиональной деятельности, включая аттестацию и иные формы квалификационного контроля, кроме того, гарантированы ежегодные отпуска и предусмотрены механизмы повышения квалификации, статус педагога в России и ряде европейских стран трактуется по-разному. В отличие от государств Европы, в которых преподавание рассматривается как разновидность государственной службы, российская правовая система лишает педагогов данного признания, несмотря на наличие в национальном законодательстве нормы об их «особом статусе» (ч. 2 ст. 47 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [1]).

Формальное провозглашение особого положения педагогов, зафиксированное в Законе об образовании, к сожалению, остается в значительной степени не реализованным. В действительности, обозначенное положение имеет декларативный характер, не обеспеченный действенным механизмом реализации.

Важнейшей задачей модернизации законодательства в образовательной сфере следует признать уточнение и конкретизацию правового статуса лиц, осуществляющих педагогическую деятельность. Задача состоит не только в усилении формальных гарантий, но и в нормативном отражении реальной значимости их труда. Повышение эффективности функционирования системы образования неразрывно связано с необходимостью повышения законодательной защиты прав педагогов и регламентации их значимой общественной (государственной) миссии.

Признание преподавательской деятельности государственной службой является юридически обоснованным шагом, который позволит институционализировать статус педагогов, обеспечить устойчивые гарантии и приблизить отечественную модель к правовым системам европейских государств, в которых труд учителя обладает высоким общественным признанием.

Таким образом, анализ правового регулирования социальных отношений в сфере образования показал разнонаправленность действующей нормативной базы в данной сфере и потребностей системы образования, общества. Высшее образование по-прежнему ориентировано преимущественно на теоретическую подготовку студентов, игнорирует необходимость формирования прикладных навыков. Административная модель управ-

ления системой образования в России страдает от излишней централизации и жесткого нормативного давления и контроля. Требуется пересмотра и правовой статус педагогов: их провозглашенный «особый статус» остается декларативным и не имеет действенных механизмов реализации. Признание преподавательской деятельности

видом государственной службы представляется обоснованным решением, способным повысить престиж данной профессии, усилить ее правовую защищенность и приблизить отечественную систему к европейским моделям, которыми труд педагога получил должное правовое и общественное признание.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
2. Князев Е. А. Основные проблемы государственной политики в сфере образования РФ и пути решения // Педагогика и современное образование: традиции и инновации: Сборник статей VI Международной методико-практической конференции, Петрозаводск, 06 апреля 2023 года. — Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2023. — С. 37–41.
3. Самохвалова П. В. Зарубежный опыт повышения эффективности деятельности органов управления образованием как одно из направлений совершенствования их взаимодействия // Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 297–298.

К вопросу об определении социальных отношений в сфере образования

Галеева Дина Рамилевна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассматриваются подходы к определению круга общественных отношений в сфере образования. Обосновывается соотношение понятий «социальные отношения в сфере образования» и «образовательные отношения» как общего и частного. Делается вывод о преобладании расширительного подхода к определению изучаемого понятия в правовой доктрине и российском законодательстве.

Ключевые слова: образовательное право, образовательные отношения, правовое регулирование образования, структура.

Проблематика определения социальных отношений в сфере образования заключается в отсутствии единого подхода к данному вопросу. С одной стороны, при определении круга общественных отношений, регулируемых образовательным правом, можно ограничиться отношениями, возникающими между обучающимися и обучающими организациями. С другой стороны, можно расширить круг соответствующих общественных отношений, включив в него и иные социальные отношения, опосредующие образовательные отношения.

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1] в ст. 2 определяет следующее: отношения в сфере образования — совокупность общественных отношений по реализации права граждан на образование, целью которых является освоение обучающимися содержания образовательных программ (образовательные отношения), и общественных отношений, которые связаны с образовательными отношениями и целью которых является создание условий для реализации прав граждан на образование. Следовательно, отношения в сфере образования и образовательные отношения соотносятся как общее и частное. Круг участников

последних уже, чем круг субъектов, вовлеченных в сферу образования.

Понятие «образовательные отношения» до сих пор остается предметом острых дискуссий. Так, В. И. Шкатулла предлагает приравнивать образовательные отношения к педагогическим, другими словами, рассматривает их как идентичные категории. Он конструирует, что выделяется пятнадцать автономных компонентов образовательных отношений, каждый из которых, по его мнению, формирует структуру данных отношений. Компоненты охватывают как начальные стадии взаимодействия, так и последующие этапы, включая заключение договора, организацию обучения, проверку усвоенных знаний, нормативную и процедурную регламентацию образовательного процесса [5, с. 76–77]. Однако при внимательном рассмотрении данного подхода становится очевидно, что структура образовательных отношений, предлагаемых автором, включает не только отношения, непосредственно связанные с реализацией права на образование, но и отношения, имеющие иное назначение.

Трудно согласиться с тем, что предоставление педагогам отпусков (явление из сферы трудового права) может

являться составной частью образовательных правоотношений. Следовательно, в предложенной конструкции не прослеживается четкое разграничение между основными правоотношениями, выражающими суть образовательной деятельности, и теми, что лишь опосредованно влияют на ее осуществление.

Кроме того, вызывает вопросы и последовательность включенных в перечень компонентов. Несмотря на то, что заключение образовательного договора действительно может стать правовым основанием для возникновения отношений, его наличие не всегда является обязательным. Существуют случаи, когда образовательные услуги предоставляются не на договорной основе. В то же время, выдача документа об образовании не во всех ситуациях становится логическим завершением образовательных отношений. Вопреки логике построения перечня, именно государственные стандарты, будучи нормативной базой всего процесса, пронизывают его на всех этапах, начиная от планирования содержания и заканчивая оценкой результатов.

Противоположный подход предлагает В. М. Сырых, который рассматривает образовательные правоотношения как динамическую и целостную правовую связь, охватывающую весь период от момента поступления в образовательную организацию до завершения обучения. Данный подход позволяет воспринимать указанные отношения не как сумму изолированных блоков, а как единое правовое явление, в котором обязанности и права сторон постоянно трансформируются по мере продвижения обучающегося в рамках образовательного пути.

В. М. Сырых формулирует следующее определение: «образовательное отношение — это публично правовое отношение между обучающимся (его законным представителем), образовательным учреждением и педагогическими работниками в связи с получением обучающимся общего или профессионального образования, подтверждаемого документом государственного образца об уровне образования и (или) квалификации» [4, с. 78]. Хотя данная формулировка восходит к терминологии уже недействующего Закона РФ «Об образовании», в контексте регулирования базового и профессионального образования она сохраняет свою теоретическую точность и концептуальную емкость.

Тем не менее, остается открытым вопрос универсальности данного определения. Современная система образования включает в себя и дополнительное образование, в том числе его разновидности, такие, как обучение детей и взрослых. Для данных форм характерно отсутствие обязательной выдачи документа о квалификации, что делает включение указанного элемента в определение ограничивающим. Таким образом, выдача соответствующего документа не может считаться универсальным и безусловным критерием, по которому возможно с полной уверенностью квалифицировать отношения как образовательные.

Дополнительно стоит отметить наличие в научном поле противоположных точек зрения, отрицающих суще-

ствование образовательных правоотношений как особой правовой категории. Так, например, В. В. Кванина рассматривает их в плоскости гражданского права, аргументирует это наличием юридического равенства сторон, их имущественной обособленности и волевой самостоятельности при заключении договоров [2, с. 25].

В то же время Е. А. Суханов придерживается подхода, согласно которому эти отношения имеют публичный характер и строятся на началах подчинения воле образовательной организации и государственным предписаниям [3, с. 52]. Данная точка зрения позволяет подчеркнуть институциональную природу образовательных правоотношений и их включенность в систему публично-правовых отношений.

Итак, нельзя не согласиться с тем, что образовательные отношения возникают между субъектами, которые непосредственно вовлечены в процесс обучения (обучающийся, педагогический работник, образовательная организация). Между тем, процесс получения образования невозможно представить без иных, опосредствующих получение образования отношений.

Одним из таких видов взаимодействия выступают управленческие, или, другими словами, административные отношения, формирующиеся в процессе построения вертикали управления образованием. В рамках данных отношений происходит организационное выстраивание структуры, осуществляется разграничение сфер компетенции между различными уровнями государственной власти, которое, безусловно, лежит в основе функционирования правового механизма регулирования образовательной деятельности, что делает административные отношения в сфере образования стержнем институционального обеспечения всей системы образования.

Наряду с ними важную роль играют связи, выстраиваемые в рамках финансово-экономических отношений, обеспечивающих материальные основания для функционирования системы образования. Через данные отношения реализуется механизм финансирования образования.

В круг отношений в сфере образования необходимо включать и трудовые отношения, возникающие в связи с заключением трудовых соглашений с педагогическим составом. Указанные отношения формируют основу для правомерной организации образовательного процесса, обеспечивают его, эффективность стабильность и непрерывность.

Таким образом, как преобладающим в юридической доктрине, так и выбранным российским законодателем подходом является подход, рассматривающий образовательные отношения и социальные отношения в сфере образования как часть и целое. Последние, кроме образовательных, включают в себя административные, финансово-экономические, трудовые и иные общественные отношения в сфере образования, которые носят обеспечительный (вспомогательный) характер.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
2. Кванина В. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере высшего профессионального образования: монография / В. В. Кванина. М.: Готика, 2005. 367 с.
3. Макарова И. А. Правовая природа образовательных правоотношений // Среднее образование: управление, методика, инновации. — 2013. — № 1. — С. 49–60.
4. Сырых В. М. Образовательные услуги и образовательные правоотношения: дискуссионные взгляды и действительное содержание // Журнал российского права. 2010. № 4 (160). С. 69–79.
5. Шкатулла В. И. Образовательное право России: учебник для вузов / В. И. Шкатулла. М.: Юстицинформ, 2016. 774 с.

Модельное законодательство Межпарламентской Ассамблеи СНГ как инструмент правовой гармонизации в социальной сфере

Герасимчук Анастасия, студент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

В статье исследуется модельное законодательство Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств (МПА СНГ) в качестве ключевого инструмента гармонизации правовых систем стран Содружества в социальной сфере. Особое внимание уделяется анализу правовой природы модельных актов, их роли в формировании единых стандартов регулирования социальных отношений.

На основе изучения практики применения модельных актов в различных странах СНГ выявляются факторы, способствующие успешной адаптации этих документов, и барьеры, препятствующие их полномасштабному внедрению. Особый акцент делается на значении модельного нормотворчества для сближения правовых систем, минимизации коллизий в регулировании социальной сферы и выработки согласованных подходов к решению актуальных социальных вопросов.

Статья представляет интерес для исследователей интеграционных процессов, специалистов в области сравнительного права.

Ключевые слова: типовое законодательство, гармонизация, интеграционные процессы, социальная защита, правотворчество.

В условиях развития региональной интеграции особую значимость приобретает вопрос согласования национальных правовых систем. В постсоветском пространстве такую роль выполняет Содружество Независимых Государств (СНГ), где одним из ключевых инструментов сближения законодательства выступают модельные законы, принимаемые Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ (МПА СНГ). Эти акты представляют собой рекомендательные документы, ориентированные на гармонизацию национального законодательства [1].

Модельное законодательство МПА СНГ призвано не только координировать правотворчество стран-участниц, но и способствовать формированию общего подхода к регулированию наиболее чувствительных и социально значимых сфер. Одной из таких является социальная политика, охватывающая вопросы здравоохранения, социальной защиты, трудовых отношений и страхования [6]. Как отмечает А. И. Сергеев, МПА СНГ выполняет функцию координационного органа, обеспечивая разработку и продвижение правовых моделей, адаптируемых с учётом национальной специфики [4].

Отличительной особенностью модели, применяемой в СНГ, является добровольность применения актов, что позволяет учитывать национальную специфику и правовую традицию каждого государства. Модельные законы в социальной сфере отличаются высокой степенью адаптируемости и прикладной направленностью. Так, например, модельный закон «О государственном социальном страховании» предлагает комплексный подход к формированию системы защиты работающего населения от рисков, связанных с утратой трудоспособности, старостью или безработицей. Аналогично, модельный закон «О донорстве органов» направлен на обеспечение этичности и безопасности медицинских процедур, одновременно формируя единые подходы к организации донорства и трансплантации в странах СНГ.

Содержательный анализ модельных законов позволяет выделить несколько характерных черт. Во-первых, они обладают ярко выраженным понятийным аппаратом, гармонизация которого позволяет устранить расхождения в интерпретации базовых социальных терминов. Во-вторых, эти акты предусматривают возможность адаптации норм

под конкретные национальные условия, предлагая несколько вариантов правового регулирования. В-третьих, они часто сопровождаются рекомендациями по механизму реализации, что делает их удобными для практического применения в различных правовых системах.

Однако в реализации модельных норм существует ряд объективных и субъективных барьеров. К числу первых относится различие в уровне развития правовых систем, степени цифровизации, объеме бюджетного финансирования социальной сферы. К числу вторых — слабая институциональная координация. Недостаточная правовая культура и отсутствие механизмов обязательного учета модельных законов при разработке национальных актов существенно снижают их практическую ценность.

Таким образом, модельные акты МПА СНГ, обладая высоким содержательным и структурным потенциалом, играют значимую роль в гармонизации и обновлении национального законодательства в социальной сфере. Их использование требует не только политической воли, но и методического сопровождения, а также межгосударственной координации. Перспективным направлением является создание модельного закона «Об общих подходах к социальному обеспечению». Такой документ позволит государствам-участникам:

– Выстраивать социальную политику с учетом национальных экономических факторов;

– Постепенно сближать стандарты социальной защиты.

Особенность предлагаемого подхода — в его адаптивности. Закон предложит вариативные механизмы реализации гарантий, что особенно важно для стран с разным уровнем экономического развития. При этом сохранится общая основа — приоритет защиты социальных прав граждан.

Несмотря на рекомендательный характер, модельное законодательство позволяет вырабатывать единые подходы в таких сложных и чувствительных отраслях, как социальное страхование, охрана здоровья, защита детства. В этом отношении показательны модельные законы «Об основных гарантиях прав ребёнка в государстве», модельный закон «О государственном социальном страховании», модельный закон «О донорстве органов», модельный закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании».

Таким образом, модельные законодательные акты МПА СНГ выступают эффективным инструментом правовой гармонизации, способствуют формированию общего понятийного пространства и служат фундаментом для построения согласованной правовой политики в социальной сфере стран СНГ. Их дальнейшее развитие требует научного сопровождения, анализа практики имплементации и совершенствования процедур подготовки.

Литература:

1. Безбородов, Ю. С. Международно-правовые модельные нормы и модельные акты: соотношение категорий / Ю. С. Безбородов. — Текст: непосредственный // Правоведение. — 2004. — № 3. — С. 134.
2. Юртаева, Е. А. Модельные законы в государствах СНГ / Е. А. Юртаева. — Текст: непосредственный // Российский юридический журнал. — 2019. — № 3. — С. 134.
3. Пантыкина, М. И. Модельное право: проблемы теории и практики применения / М. И. Пантыкина. — Текст: непосредственный // Концепт. — 2014. — № 8. — С. 56–60.
4. Сергеев, А. И. Межпарламентская Ассамблея СНГ как фактор укрепления интеграционного взаимодействия / А. И. Сергеев. — Текст: непосредственный // Международный аналитический журнал Диалог: политика, право, экономика. — 2017. — № № 1 (4). — С. 12–25.
5. Ибраева, Э. А. Международный опыт деятельности Межпарламентской Ассамблеи СНГ в 90-е годы XX века: специальность 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ибраева Э. А. — Москва, 2005. — 142 с. — Текст: непосредственный.
6. Жумабаева, М. Е. Модельные законодательные акты как инструмент сближения национального законодательства государств-членов интеграционных объединений / М. Е. Жумабаева. — Текст: непосредственный // Трибуна молодого ученого. — 2014. — № № 1(33). — С. 169–170.
7. Подкорытова, О. В. Феномен модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств в постановлениях судов Российской Федерации / О. В. Подкорытова. — Текст: непосредственный // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2024. — № 3. — С. 91–102.
8. Явкина, С. Д. Влияние модельных законов на национальное законодательство / С. Д. Явкина. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения. — 2021. — № 5. — С. 38–41.
9. Официальный сайт МПА: Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ / Текст: электронный // URL: <https://iacis.ru> (дата обращения: 20.05.2025).

Проблемные аспекты обеспечения доказательств в арбитражном процессе

Голубева София Валентиновна, студент

Научный руководитель: Власова Ульяна Александровна, ассистент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена проблемам обеспечения доказательств в арбитражном процессе. Автор анализирует правовую природу обеспечения доказательств, выявляет его отличия от иных обеспечительных мер и сложности в их практическом применении. Особое внимание уделено недостаткам действующего регулирования и судебной практике. Делается вывод о необходимости обособленного нормативного регулирования данного института.

Ключевые слова: доказательства, обеспечение, арбитраж, процесс, суд, нотариус.

В контексте российского арбитражного разбирательства механизм обеспечения доказательств представляет собой процессуально-правовую конструкцию, призванную создать необходимые рамки, позволяющие суду защищать и облегчать процессуальные права участвующих сторон, в частности, путем документирования доказательственных материалов для их последующего изучения и судебной оценки.

Процессуальный инструмент обеспечения доказывания ни в коем случае не является новшеством, введенным исключительно Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (АПК РФ). Исторический анализ показывает, что аналогичные механизмы были прочно встроены не только в советские и дореволюционные процессуальные доктрины России, но и в юридическую архитектуру значительно более ранних правовых традиций. Тем не менее, современная кодификация арбитражных процессуальных норм существенно изменила и усовершенствовала регулирование этого процессуального института, введя новые рамки и более строгие стандарты его применения.

В соответствии с толкованием статьи 72 АПК РФ представление доказательств должно пониматься как совокупность упреждающих судебных мер, направленных на сохранение и защиту доказательственных элементов в ситуациях, когда существует обоснованное опасение, что получение таких доказательств на более позднем этапе может оказаться либо неосуществимым, либо чрезмерно обременительным для представления в арбитражном суде.

Законодательные положения диктуют, что эти действия должны осуществляться в соответствии с процедурной схемой, изложенной в главе 8 АПК РФ, которая регулирует обеспечительные меры в рамках арбитражного процесса. Такая процессуальная близость подчеркивает системную логику: как обеспечение иска, так и обеспечение доказательств в своей основе основаны на необходимости поддержания равновесия процессуальных прав и законных интересов до окончательного разрешения спора.

Дальнейший сравнительный анализ выявляет дополнительные структурные соответствия между этими процессуальными механизмами. В обоих случаях простого субъективного беспокойства по поводу потенциальной потери или недоступности доказательств или возможности приведения в исполнение судебного решения недостаточно для того,

чтобы инициировать судебное вмешательство. Скорее, заявитель несет бремя обоснования объективной достоверности таких рисков, а арбитражный суд осуществляет исключительные дискреционные полномочия по оценке и определению адекватности заявленных опасений [4].

Учитывая эти наблюдения, возникает логичный вопрос: следует ли относить предоставление доказательств к более широкой категории временных процессуальных мер, характеризующихся такими признаками, как настоятельная необходимость немедленного принятия мер, временный характер мер, необходимость активного выражения намерения заинтересованной стороной и исключительная юрисдикция арбитражного суда для рассмотрения этого дела?

Это концептуальное соответствие, хотя и является убедительным, требует тщательного анализа как теоретических, так и функциональных аспектов, чтобы точно определить положение предоставления доказательств в рамках типологии временных процессуальных средств защиты.

Представляется, что ответ на поставленный вопрос должен быть отрицательным. Прежде всего, арбитражный суд не обладает исключительной компетенцией санкционировать предварительное сохранение доказательств. Что еще более важно, определяющая черта временных мер защиты, присущая временным защитным мерам, неприменима к процедурам, направленным на обеспечение сохранности доказательств. Доказательственная надежность свидетельских показаний, полученных с помощью таких механизмов, остается неизменной, независимо от того, прошел ли длительный или неопределенный временной интервал. Следовательно, по крайней мере два из четырех основных атрибутов, характеризующих обеспечительные меры, а именно срочность и риск причинения непоправимого ущерба, не могут быть перенесены на меры, связанные с доказательствами.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации 1995 года, а также действующий в настоящее время Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — ГПК РФ) при регулировании процессуальных основ сохранения доказательств не ссылаются на положения, регулирующие защиту по иску. Вместо этого они очерчивают четкий процессуальный путь, предписывая обеспечивать сохранность доказательств в соот-

ветствии со стандартами, установленными их соответствующими кодексами.

В ходе разработки действующего Арбитражного процессуального Кодекса законодатель предпринял попытку ввести более сложные процессуальные требования, связанные с другими формами защитных мер, в рамки, регулирующие предоставление доказательств. Однако механическое внедрение этих нормативных стандартов в сферу сохранения доказательств не позволило устранить многие системные несоответствия, присущие механизму доказывания. В дополнение к ранее выявленным расхождениям, необходимы дополнительные наблюдения.

Во-первых, разумно заключить, что каждая сторона судебного разбирательства, без исключения, наделена правом ходатайствовать об обеспечении доказательств. Этот вывод вытекает из части 1 статьи 41 ГПК РФ, которая предоставляет всем участникам процессуальное право представлять доказательства, обосновывающие их требования или возражения по иску. Во-вторых, можно с полным основанием утверждать, что механизм сохранения доказательств должен быть универсально применим ко всем категориям арбитражного разбирательства. Эта необходимость вытекает из основополагающего принципа, согласно которому решения, выносимые третейскими судами, независимо от предмета спора, должны неизменно основываться на представленных и надлежащим образом изученных доказательствах.

Более сложный и юридически значимый вопрос касается допустимости подачи и рассмотрения заявления об обеспечении доказательств на всех без исключения процессуальных стадиях арбитражного разбирательства. В соответствии с частью 2 статьи 268 Арбитражного процессуального Кодекса (АПК РФ) суды апелляционной инстанции могут принять дополнительные доказательства только в том случае, если сторона обосновывает невозможность представления таких доказательств в суде первой инстанции по независящим от нее причинам, и только в том случае, если суд сочтет эти причины уважительными. Соответственно, ходатайство об обеспечении доказательств, направляемое в апелляционный суд, обязательно должно содержать подробное обоснование со стороны заявителя, демонстрирующее обстоятельства, которые изначально препятствовали представлению соответствующих доказательств.

В отличие от этого, суды кассационной и надзорной инстанций, действующие в соответствии с принципом пересмотра, ограниченного протоколом судебного разбирательства, не обладают процессуальной компетенцией для рассмотрения ходатайств об обеспечении доказательств. Их рассмотрение ограничивается исключительно материалами, уже приобщенными к материалам дела.

Дополнительные сложности возникают при практическом применении мер по обеспечению доказательств. Статья 72 АПК РФ предусматривает, что порядок предоставления доказательств должен соответствовать положениям, изложенным в главе 8 того же Кодекса, которая

регулирует обеспечение требований. Однако принудительные действия в соответствии с главой 8 регулируются механизмами и протоколами исполнительного производства — отдельной процедурной фазы со своей собственной нормативной базой. В доктринальной литературе отмечались юридические несоответствия, присущие этой законодательной конструкции, сразу после вступления в силу АПК РФ в 2002 году [2].

Важно подчеркнуть, что обеспечение иска и обеспечение доказательств являются двумя различными процессуальными конструкциями. Первое по своей сути связано с сохранением предмета иска, в то время как второе относится исключительно к сохранению и гарантированию средств доказывания. Их смешение в законодательных ссылках приводит к оперативной путанице и процессуальной неэффективности.

Для практического разъяснения профессор И. В. Решетникова приводит показательный пример. Предположим, что судья получает ходатайство об обеспечении доказательств путем допроса свидетеля. Согласно действующим процессуальным нормам АПК РФ, судья процессуально отстранен от непосредственного проведения допроса. Вместо этого в соответствии с главой 8 судья обязан издать официальный приказ об обеспечении сохранности доказательств, впоследствии выдать исполнительный лист и передать его в службу судебных приставов для исполнения. Таким образом, то, что должно представлять собой немедленное действие по предоставлению доказательств, процедурно откладывается и зависит от системы обеспечения соблюдения, что приводит к задержкам и потенциальным рискам для целостности и доступности доказательств.

В соответствии с действующей правовой базой, регулирующей статус судебных исполнителей и исполнение судебных актов, судебные исполнители не уполномочены осуществлять процессуальные действия, традиционно возлагаемые на судебные органы. В частности, они не обладают компетенцией допрашивать свидетелей, что включает в себя важнейшее требование информировать физических лиц об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний. Кроме того, судебные приставы не уполномочены изучать вещественные или документальные доказательства или назначать экспертизу. Федеральный закон № 122-ФЗ «О судебных приставах-исполнителях». 229-ФЗ от 2 октября 2007 года «Об исполнительном производстве» не предписывает и не разрешает составление процессуальных протоколов для таких действий. Следовательно, когда судебные приставы выполняют эти функции, они действуют вне нормативных рамок своих полномочий [3].

В этом контексте уместно согласиться с позицией М. З. Шварца, которая утверждает, что «сбор и сохранение доказательств должны происходить исключительно в границах, определенных процессуальным законодательством, поскольку не существует отдельных нормативных актов, которые в противном случае разре-

шали бы действия, связанные с доказательствами, в сфере исполнительного производства» [4]. Наблюдение Шварца подчеркивает критическую методологическую ошибку, когда правоохранительные органы пытаются взять на себя функции, для выполнения которых в их нормативных актах не предусмотрен правовой механизм.

Тем не менее, передача функций по сохранению доказательств от судебных органов вспомогательным учреждениям осуществима и на практике имеет давние прецеденты. Одним из ярких примеров является институт досудебного нотариального заверения доказательств. Этот механизм, действующий уже несколько десятилетий, используется, в частности, для защиты доказательств, которые впоследствии могут быть использованы в арбитражных спорах.

Согласно статье 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [1], нотариусы прямо наделены полномочиями допрашивать свидетелей, исследовать как вещественные, так и письменные доказательства, а также назначать экспертизу. При сопоставлении этого процесса с предварительным сбором доказательств, предусмотренным частью 4 статьи 72 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, возникает важное процессуальное различие.

Так, обеспечение доказательств существенно отличается от иных обеспечительных мер и требует специального правового регулирования. Существующая законодательная база порождает практические трудности, что снижает эффективность правоприменения. Необходима реформа правового института обеспечения доказательств.

Литература:

1. Валетенков, А. В. К вопросу об обязанности раскрытия доказательств лицами, участвующими в деле, в арбитражном процессе / А. В. Валетенков // Традиции и новации в системе современного российского права: Материалы Международного конгресса молодых ученых. В 3-х томах, Москва, 05–06 апреля 2024 года. — Москва: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. — С. 69–71.
2. Лапшина, И. В. О некоторых вопросах раскрытия доказательств в арбитражном суде первой инстанции / И. В. Лапшина // Судья. — 2022. — № 11(143). — С. 49–53.
3. Орешникова, Е. А. Проблемы фальсификации доказательств в арбитражном процессе / Е. А. Орешникова // Право и правосудие в современном мире: Сборник научных статей молодых исследователей XI Всероссийской студенческой научно-практической конференции студентов, магистрантов и соискателей (к 25-летию Российского государственного университета правосудия и 20-летию Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия), Санкт-Петербург, 24–25 марта 2023 года. — Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. — С. 543–546.
4. Русаков, А. Н. Стандарты доказывания в арбитражном процессе / А. Н. Русаков // Правовое образование. Гражданское общество. Справедливое государство: материалы конференции, Кемерово, 23 апреля 2022 года / Кемеровский государственный университет. — Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. — С. 199–203.
5. Шатов, Р. А. Проблемы раскрытия доказательств в арбитражном процессе / Р. А. Шатов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 7–3(94). — С. 156–159.

Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ в правоприменительной практике и пути их решения

Гонцов Евгений Олегович, студент магистратуры

Научный руководитель: Воронкова Марина Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Статья посвящена анализу актуальных проблем исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации в правоприменительной практике. Особое внимание уделяется необходимости законодательных изменений, направленных на усиление эффективности конституционного правосудия, а также предложениям по упрощению формулировок судебных актов и установлению ответственности за их игнорирование.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, правоприменительная практика, исполнение судебных решений, юридический механизм, законодательные пробелы, ответственность за неисполнение, мониторинг правоприменения, судебная власть, правовой скептицизм, конституционное правосудие.

Конституционный Суд Российской Федерации выполняет особую роль в правовом государстве, обеспечивая

защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина. Решения Конституционного Суда РФ направлены на

совершенствование деятельности органов власти, в соответствии с нормами Конституции РФ. Но как показывает практика, вынесение Конституционным Судом РФ решения о защите права является недостаточным, поскольку возникают трудности с его реализацией на практике.

Проблема неисполнения решений Конституционного Суда РФ, как считают ученые, на первоначальном этапе своей деятельности была связана с относительной новизной этого института в системе государственного аппарата. Однако со временем, хотя и в меньшей степени, чем в начале функционирования данного органа, эта проблема продолжала существовать.

Специфика конституционных решений обуславливает их значительное воздействие на всю правовую систему. «Именно поэтому своевременное исполнение судебных решений обеспечивает верховенство закона и его единообразное применение во всей Российской Федерации» [5]. Следует согласиться с Н. В. Кабловым, который рассматривает верховенство закона как основополагающий юридический признак правового государства, а также конституционный принцип, основанный на демократии.

Необходимо подчеркнуть, что неисполнение решений Конституционного Суда РФ подрывает авторитет всей судебной ветви власти.

В ученом сообществе довольно часто обсуждаются проблемы возникновения причин неполноценной применимости конституционных решений. В этом контексте авторы выделяют несколько факторов: правовой скептицизм, сложность в понимании правовых позиций, а также несовершенство самого механизма исполнения судебных решений.

Как отметил председатель Конституционного суда В. Д. Зорькин: «В Российской Федерации не может быть неисполнимых решений РФ, в том числе Конституционного Суда. Они могут быть неисполнимыми только тогда, когда чиновник не хочет их исполнять» [4]. Это тоже одна из причин неисполнения решений.

Очевидно, сама формулировка судебных актов, их усложненный стиль, играют немаловажную роль в данном вопросе, часто приводя к недопониманию их исполнителями.

Кроме того, следует учесть, что несовершенство формулировок в судебных актах, особенно их излишняя сложность, оказывает значительное воздействие на их понимание и исполнение со стороны учреждений. Этот факт указывает на систематический пробел в некоторых положениях Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), где важные формулировки могут быть сформулированы неясно, а также существуют отсылочные нормы, которые не предоставляют достаточной информации для правильной интерпретации и применения соответствующих юридических механизмов. Эта проблема становится особенно актуальной при обсуждении вопросов ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение решений Конституционного Суда.

Исходя из вышесказанного, мы соглашаемся с позицией К. А. Сасова в том, что роль Конституционного Суда РФ уже не ограничивается простым контролем за правовой сферой государства и отменой неправомерных документов. «Отсутствие четко установленной ответственности за игнорирование решений конституционных судов имеет важное значение и оказывает влияние на систему правосудия» [6]. Взгляд А. Д. Бойкова на сомнения в обязательности конституционных решений, основанных исключительно на «принудительном исполнении», не должны являться нормой, поскольку обязательность судебных актов подразумевает наличие соответствующего механизма их исполнения [8]. Следует признать, что нормы об ответственности за неисполнение конституционных решений, предусмотренные действующим законодательством, требуют дополнительной разработки, и в настоящее время они не обеспечивают необходимой эффективности.

В то время, как механизм исполнения решений постепенно улучшается и количество невыполненных решений уменьшается, до сих пор отсутствует системный подход к данной проблеме. По этой причине представляется, что законодателю стоит разработать специальные нормативные акты, направленные на создание системы конституционного правосудия, а также упрощение процедуры исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации.

В соответствии с Указом от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет мониторинг соблюдения законов в сотрудничестве с Конституционным Судом, Аппаратом Правительства, палатами Федерального Собрания и федеральными органами исполнительной власти. Мониторинг направлен на проверку выполнения решений, вынесенных Конституционным Судом, с целью обеспечения их эффективного исполнения.

Согласно статистическим данным доклада за период с 1992 по 2020 год, Конституционный Суд Российской Федерации вынес 276 решений, из которых 240 успешно исполнены. На момент начала 2020 года оставалось 34 постановления, ожидающих выполнения. Из этого числа Правительство представило 5 в Государственную Думу с запросом о исполнении 18 решений. На данный момент по 16 из этих постановлений активно ведется соответствующая работа со стороны федеральных органов исполнительной власти.

Заключение некоторых экспертов, утверждающих отсутствие необходимости в создании отдельного законодательного акта, который бы утвердил четкий механизм для осуществления решений Конституционного Суда, вызывает несогласие. В настоящее время представляется крайне важным разработать специальный правовой документ, в первую очередь, направленный на установление ответственности за невыполнение решений Конституционного Суда, а также создание эффективного механизма их реализации.

Нарушение установленных сроков при исполнении решений Конституционного Суда РФ также является значительной проблемой, часто связанной с задержкой представления соответствующего законопроекта Правительством РФ. Несмотря на отсутствие четких ограничений в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» относительно максимальных сроков принятия и повторного представления законопроектов.

По всей видимости, многие из этих трудностей возникают из-за несогласованности интересов разных участников спорных правоотношений, независимо от наличия решения Конституционного Суда. Хотя детальная регламентация мер ответственности и дополнительные полномочия для Конституционного Суда РФ могли бы решить многие текущие проблемы в этой области, в современных условиях такой вариант практически нереализуем, поскольку высшие органы власти обладают абсолютным правом внесения изменений в нормативные акты [7]. В таких ситуациях возникают трудности с обеспечением своевременного привлечения к ответственности, так как необходимая база уже может отсутствовать к моменту принятия соответствующих решений.

Ситуация, связанная с невыполнением решений Конституционного Суда Российской Федерации, представляет собой проблему, требующую существенных корректировок. Несмотря на заметные достижения Конституционного Суда в создании и улучшении законодательной базы, имеющиеся меры по регулированию его функций кажутся недостаточными. Считаем, что неотложно требуются изменения в законодательной базе для более эффективного урегулирования положений, закрепленных в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде РФ». Такие изменения позволят более четко определить компетенцию и ответственность Конституционного Суда, что в свою очередь способствует укреплению верховенства права и обеспечению более эффективного функционирования юридической системы.

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать основные проблемы, связанные с исполнением решений Конституционного Суда РФ, и предложить потенциальные пути их решения:

Во-первых, сложность изложения судебных решений и нормативных актов, относящихся к решениям Конституционного Суда РФ, естественным образом приводит к недопониманию со стороны их исполнителей.

Во-вторых, в настоящее время существует значительная неопределенность относительно того, как следует понимать «исполнение решений Конституционного

Суда Российской Федерации». Эта неопределенность обусловлена сложностью толкования актов суда, которые, хотя и рекомендательного характера в отношении регулирования спорных правоотношений для нормотворцев, все же поддерживают разнообразные трактовки. Ввиду невозможности формальной классификации решений Конституционного Суда РФ как невыполненных, акцент смещается на принцип разделения властей, при этом судебные органы должны воздерживаться от прямого вмешательства в деятельность других ветвей власти. Однако, несмотря на это, остается неясность относительно методов и средств обеспечения реального исполнения указаний Конституционного Суда, что подчеркивает необходимость более четкого и прозрачного законодательного регулирования.

В-третьих, отсутствие должным образом разработанных и реально применимых мер ответственности за игнорирование решений конституционных органов правосудия приводит к нарушениям существующего регулирования участниками данных правовых отношений. В этом контексте необходимо признать, что законодательство в этой области не полностью отрегулировано.

В-четвертых, одной из основных проблем является недостаточное финансовое обеспечение многих государственных органов, что препятствует им в надлежащей реализации конституционных решений. Важно отметить, что многие из этих органов власти не имеют достаточной бюджетной поддержки. Также следует учитывать, что деятельность этих органов не приносит доход.

В-пятых, это касается соблюдения сроков реализации решений Конституционного Суда РФ, часто наблюдается задержка в представлении соответствующих законопроектов со стороны Правительства РФ. Кроме того, иногда Государственная Дума также откладывает процесс принятия законопроектов, несмотря на отсутствие установленных Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде РФ» конкретных сроков для принятия законопроектов и их повторного внесения.

Представляется, что корень многих трудностей заключается в недостаточной согласованности интересов участников спорных правовых отношений, даже в случае наличия решения Конституционного Суда. Эта несогласованность может быть вызвана различными факторами, такими как разнообразие юридических подходов, разногласиями в толковании правовых норм, а также в индивидуальных интересах и целях участников, что затрудняет успешное исполнение решений Конституционного Суда в реальной практике.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237; Российская газета. 4 июля 2020 г. № 144.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31 июля 2023 г. № 6-ФКЗ) //СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2023. № 32, Ч. I. Ст. 6118.

3. Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» (в ред. от 9 октября 2023 г. № 751) // СЗ РФ. 2011. № 2. Ст. 2930; 2023. № 42. Ст. 7476.
4. Зорькин не видит объективных причин для неисполнения решений Конституционного суда // URL: <https://tass.ru/spb-news/651257> (Дата доступа 10.11. 2023)
5. Каблов Н. В. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ // Вестник науки. 2022. № 3 С. 48
6. Сасов К. А. О причинах неисполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации // Налоговед. 2007. N 7. С. 5–12.
7. Егорова Ю. А. Некоторые проблемы исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации // Огарёв-Online. 2016. № 8 С. 73.
8. Бойков А. Д. Опасность негативного правотворчества // Библиотека криминалиста. 2012. N 2. С. 355–358.

Сравнительный анализ систем защиты детей, оставшихся без попечения родителей, в России и США

Григорян Милена Геннадьевна, студент;

Веригина Дарья Сергеевна, студент

Научный руководитель: Самсонов Владимир Владиславович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена актуальной проблеме сиротства и анализу систем социальной защиты детей-сирот в России и США на основе последних статистических данных чрезвычайного фонда ООН по защите детей. Согласно исследованию, в 2025 году число детей, оставшихся без попечения родителей, достигло 150–200 миллионов человек по всему миру, причем наиболее критическая ситуация наблюдается в странах Африки, Латинской Америки и Средней Азии. Исследование акцентирует внимание на том, что дети-сироты подвергаются повышенным рискам сексуального насилия, эксплуатации труда, торговли людьми и нелегальной трансплантации органов. Для России и США, имеющих развитую систему социальной защиты, статья предлагает сравнительный анализ подходов к решению этой проблемы.

Ключевые слова: дети, оставшиеся без попечения родителей, foster family, органы опеки, социальная система, опекуство, усыновление, защита детей-сирот.

Comparative analysis of protection systems for children left without parental care in Russia and USA

The article is devoted to the current problem of orphanhood and the analysis of social protection systems for orphaned children in Russia and the United States based on the latest statistics from the United Nations Emergency Fund for the Protection of Children. According to the study, in 2025, the number of children left without parental care reached 150–200 million people worldwide, with the most critical situation observed in Africa, Latin America and Central Asia. The study focuses on the fact that orphaned children are at increased risks of sexual violence, labor exploitation, human trafficking and illegal organ transplantation. For Russia and the USA, which have a well-developed social protection system, the article offers a comparative analysis of approaches to solving this problem.

Keywords: children left without parental care, foster family, guardianship authorities, social system, guardianship, adoption, protection of orphaned children.

Согласно статистическим данным, полученным в ходе исследования чрезвычайного фонда помощи детям при Организации Объединенных Наций, в 2025 году около 150–200 миллионов детей остались без попечения родителей. Проблема сиротства присуща всем странам [12]. Однако, наиболее остро она стоит в развивающихся государствах Африки, Латинской Америки и Средней Азии.

Дети-сироты в большей степени подвержены сексуальному насилию, трудовой эксплуатации. Данная категория лиц чаще становятся жертвами торговли

людьми и незаконной трансплантации органов. Государственная политика многих государств направлена на защиту детей оставшихся без попечения родителей. В данном исследовании видим актуальным провести сравнительный анализ социальной защиты детей-сирот в России и США.

Система социальной защиты детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации (далее РФ) начала формироваться в 90-е годы XX века [4]. Общественные отношения в данной области ре-

гулируются широким кругом нормативных правовых актов: Семейный кодекс Российской Федерации [7], Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» [11], Федеральный закон «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» [9] и другие.

Федеральный закон № 159-ФЗ проводит разграничение между категориями «дети-сироты» и «дети, оставшиеся без попечения родителей» в ст.1 [10]. Данная дифференциация обусловлена различием социальных гарантий, предоставляемые данным лицам. Основной целью государственной политики в сфере защиты детей в РФ является защита прав и свобод детей от различных посягательств, а также обеспечение восстановления нарушенных интересов. Государством разработаны различные профилактические мероприятия и меры материальной поддержки для семей с детьми, которые оказались в трудной жизненной ситуации или в социально опасном положении.

В Российской Федерации информировать о жестоком обращении или насилии над ребенком в семье могут соседи, родственники, работники образовательных, медицинских и социальных учреждений. На практике встречаются случаи, когда ребенок сам обращается за помощью в органы защиты. Значимым пробелом в российском законодательстве является отсутствие ответственности за преднамеренное несообщение о ребенке, который находится в опасном положении.

После поступления информации о неблагополучии ребенка органы опеки и попечительства обязаны проанализировать условия проживания и воспитания, в случае необходимости — изъять ребенка из семьи. Если подтверждаются факты физического или сексуального насилия над несовершеннолетним, то родителей могут лишиться родительских прав. Предупредительной мерой выступает ограничение в родительских правах сроком до 6 месяцев [5].

После отобрания ребенок помещается в организацию временного содержания (реабилитационный центр), в которых дети проходят подготовку к самостоятельной жизни, обучение. Воспитанникам в случае необходимости оказывается психологическая и медицинская помощь.

Несовершеннолетнее лицо может быть возвращено в семью, если родители были восстановлены в правах, или же передано под опеку или попечительство, а также усыновлено до наступления 18-летнего возраста [7]. В таком случае специалисты из органов опеки и попечительства в течение трех лет будут осуществлять наблюдение за условиями пребывания ребенка.

После совершеннолетия детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, на протяжении пяти лет оказывается государственная поддержка в виде дополнительных льгот при поступлении в образовательные учреждения, трудоустройстве и в области здравоохранения. В случае отсутствия собственного жилья, данная категория лиц претендует на его получение государства, в порядке очереди. Социальные преференции и льготы дифференцированы по регионам.

Система защиты социально незащищенных слоев населения в США прошла долгий период развития, начиная с конца XIX века. Особенностью становления законодательной базы в данной области является участие в нем представителей незащищенных групп [3]. Нормативная правовая база разрабатывается на уровне штатов, которые обладают большой самостоятельностью в определении политики по охране прав и свобод детей сирот. В Америке к детям, оставшимся без попечения родителей, относятся и дети-сироты, дети, чьи родители живы, при этом лишены родительских прав (ограничены в родительских правах) либо, дети, от которых родители отказались [8].

Цель государственной защиты детей в Соединенных Штатах Америки заключается в обеспечении защиты ребенка от различных видов негативного воздействия на его здоровье, психику и социальное развитие. В законодательстве большинства штатов установлена ответственность за игнорирование работниками социальных служб сигналов о жестоком обращении с детьми либо пренебрежением их интересов в семье. В случае подтверждения факта насилия над ребенком, по решению суда он изымается из семьи и помещается в fosterную семью. Fosterная система — форма временного размещения детей, которые оказались в сложных жизненных условиях. Представители fosterных семей должны иметь педагогическое или медицинское образование. Число детей, содержащихся одновременно в такой семье, может варьироваться от 1 до 12. Основным преимуществом размещения детей в fosterных семьях служит возможность ребенка получить положительный опыт социализации внутри семьи, наблюдение за здоровым психологическим климатом между супругами, родителями и детьми [1]. Цель заключается в улучшении положения ребенка в кровной семье, при невозможности возвращения к родным, ребенок передается на усыновление.

В США человек может быть усыновлен в любом возрасте. В случае усыновления несовершеннолетних, его права и свободы обеспечиваются судебным контролем на протяжении года после усыновления. Государственная поддержка детей, оставшихся без попечения родителей, в США заключается в предоставлении им субсидий на образовательные услуги, а также в предоставлении медицинской страховки. Данные меры действуют до наступления 26-летия. Лица рассматриваемой категории, в случае отсутствия собственного жилья, могут размещаться в специально отведенных для этих целей организациях до достижения 21 года [2].

Подводя итоги, можно сказать, что государственная политика России и США в области защиты детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, имеет схожие цели — охрана детства, обеспечение прав и свобод семьи и ребенка. Однако для достижения схожих целей, страны используют различные методы. Интеграция международных практик защиты детей, а также сотрудничество стран в области разработки новых мер поддержки семей

и детей, способствуют снижению числа детей-сирот, детей оставшихся без попечения родителей, тем самым, способствуя снижению риска роста бедности и преступности в мире.

Литература:

1. Бессчетнова О. В. Фостерная семья как способ устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в Соединенных штатах Америки // Вестник ТГПУ. 2009. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fosternaya-semya-kak-sposob-ustroystva-detey-ostavshih-sya-bez-popecheniya-roditeley-v-soedinennyh-shtatah-ameriki>.
2. Бессчетнова О. В. Усыновление детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в США // Вестник ТГПУ. 2009. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usynovlenie-detey-sirot-i-detey-ostavshih-sya-bez-popecheniya-roditeley-v-ssha>.
3. Бурцева Д. Д. Современное состояние системы социальной защиты в США // Скиф. 2019. № 11 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-sistemy-sotsialnoy-zaschity-v-ssha> (дата обращения: 16.05.2025).
4. Лутошкина С. Ю. Законодательное обеспечение деятельности по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-obespechenie-deyatelnosti-po-sotsialnoy-zaschite-detey-sirot-i-detey-ostavshih-sya-bez-popecheniya-roditeley> (дата обращения: 16.05.2025).
5. Постановление Правительства РФ от 18.05.2009 N 423 (ред. от 10.02.2020) «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» (вместе с «Правилами подбора, учета и подготовки граждан, выразивших желание... // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88016/37e0cc266dd94673d479cdb2e9652f7847dd4875/
6. Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
7. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/0a539786b6bd4e5790d483342fd92c86b18aded4/
8. Семья Г. В. Сравнительный анализ систем защиты детей, оставшихся без попечения родителей, в России и США // Петербургская социология сегодня. 2016. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-sistem-zaschity-detey-ostavshih-sya-bez-popecheniya-roditeley-v-rossii-i-ssha> (дата обращения: 16.05.2025).
9. Федеральный закон «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» от 16.04.2001 N 44-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31188/
10. Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) Статья 1. Понятия, применяемые в настоящем Федеральном законе // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/079e7b4a2591f06b6af03599d9aabef165d65ec6/
11. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. N 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (с изменениями и дополнениями) // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/
12. ЮНИСЕФ: 150 миллионов детей в возрасте до пяти лет не зарегистрированы при рождении // Организация объединенных наций URL: <https://www.ungeneva.org/ru/news-media/news/2024/12/101249/yunifef-150-millionov-detey-v-vozhraсте-do-pyati-let-ne>

Проблемы статуса нерожденного ребенка как субъекта наследственного права в Российской Федерации

Даурова София Борисовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена анализу правового статуса зачатого, но ещё не рожденного ребенка (nasciturus) в наследственном праве Российской Федерации. Рассматриваются теоретические и практические проблемы признания за таким ребенком права на наследство, включая коллизию между общими нормами о правоспособности и специальными положениями Гражданского кодекса РФ, а также исследуется историко-правовой контекст, в том числе влияние римского права, а также проводится сравнительно-правовой анализ зарубежных правовых систем.

Ключевые слова: *нерожденный ребенок, nasciturus, наследственное право, защита прав, правоспособность.*

Проблематика правового статуса нерожденного ребенка в наследственном праве Российской Федерации представляет собой сложное и недостаточно урегулированное направление правовой науки и практики. Вопрос о том, может ли nasciturus (от лат. — *nasciturus*), то есть зачатый, но ещё не рожденный ребенок, обладать определенными правами, в частности правом на наследство, давно обсуждается в юридической доктрине, как отечественной, так и зарубежной. Актуальность данной темы обусловлена не только теоретической неопределенностью правового положения зачатого ребенка, но и нарастающим числом споров в судебной практике, связанных с признанием прав *nasciturus* в качестве наследника. На данный момент наследственное право сталкивается с необходимостью сочетания биологических и юридических факторов при определении начала правоспособности, что подразумевает под собой анализ существующих норм, судебной практики и научных подходов к данной проблеме.

Традиционно в римском праве существовало положение, согласно которому нерожденный ребенок считался уже существующим, если это было в его интересах. Именно в этой формулировке заложен основной принцип, лежащий в основе допустимости признания определенных прав за зачатым ребенком: *nasciturus pro iam nato habetur, quotiens de commodis eius agitur* (зачатый считается рожденным, когда это в его интересах) [1]. Такой подход в последующем оказал влияние на формирование правовых систем, в том числе и дореволюционное российское законодательство, в котором также допускалось признание прав за nasciturusом в части наследования при условии, что ребенок родится живым.

Современное российское гражданское законодательство отражает данную концепцию в статье 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), согласно которой к числу наследников относятся граждане, находящиеся в живых на день открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми. Таким образом, закон допускает участие нерожденного ребенка в наследственных отношениях, но с важным условием — последующим рождением живым. Следовательно, зачатый ребенок при определенных условиях обладает отложенной правоспособностью, реализация которой зависит от наступления рождения живым [2].

Тем не менее, данное положение влечет за собой значительные практические и теоретические трудности. Во-первых, возникает вопрос, о том, может ли нерожденный ребенок быть признан субъектом права до своего рождения. Согласно статье 17 ГК РФ, правоспособность гражданина возникает в момент рождения и прекращается с его смертью, что исключает признание субъекта гражданского права до момента его появления на свет. В это же время в статье 1116 ГК РФ предусмотрена особая норма, создающая исключение из общего правила,

допускающая возможность признания за ним права на наследство при соблюдении определенного условия — рождения живым [3]. Таким образом, возникает очевидная коллизия между общей нормой о правоспособности и специальной нормой о праве наследования нерожденного ребенка.

Во-вторых, правоприменительная практика сталкивается с трудностями при установлении самого факта зачатия. На сегодняшний день в российском праве отсутствует четкий юридический механизм фиксации момента зачатия, в отличие от момента рождения, который удостоверяется актом гражданского состояния. Поскольку медицинские данные, используемые в целях подтверждения зачатия, являются приблизительными и, как правило, не обладают достаточной степенью юридической определенности. При возникновении споров о праве на наследство со стороны нерожденного ребенка суды, как правило, полагаются на экспертные заключения акушер-гинекологов о предполагаемой дате зачатия, что создаёт потенциальную угрозу юридической неопределенности и спорности подобных дел [4].

Судебная практика по данному вопросу остаётся неоднородной. В большинстве случаев суды признают право на наследство за зачатым, но еще не рожденным ребенком, при условии последующего рождения живым. Однако сложность представляют случаи, когда между моментом открытия наследства и рождением проходит значительное время, в течение которого имущество должно быть распределено или использовано. Возникает ситуация правовой неопределенности, поскольку существует наследник, права которого ещё не подтверждены фактом рождения, но уже заявлены. Такая неопределенность может препятствовать оформлению прав на имущество другими наследниками, а также создавать юридические коллизии при распределении наследственной массы [5].

В литературе указывается на необходимость развития доктрины условной правоспособности такого субъекта, которая позволила бы признать за зачатым ребенком определенный временный правовой статус, зависящий от наступления биологического рождения. Такой подход мог бы обеспечить баланс между интересами нерожденного ребенка и другими наследниками, одновременно устраняя правовую неопределенность. Например, Зейналов А. М. указывает на возможность введения в законодательство нормы о приостановлении распределения части наследственной массы до момента рождения ребенка и последующего установления его прав на долю в наследстве [6].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в ряде зарубежных юрисдикций правовой статус *nasciturus* закреплён более последовательно. В немецком гражданском праве (BGB) зачатый ребенок считается правоспособным в части наследования с момента зачатия, если он впоследствии родится живым. Такие же положения имеются во

французском праве, где признание прав *nasciturus* также поставлено в зависимость от рождения. В американском праве подходы различаются в зависимости от штата, но в целом действуют правила, согласно которым зачатый ребенок может наследовать при соблюдении определенных условий, как правило, также связанных с рождением живым [2].

Международно-правовые акты, такие как Конвенция о правах ребенка (1989 г.) [8], не дают однозначного ответа на вопрос о моменте возникновения правоспособности, оставляя его на усмотрение национальных законодательств. Европейский суд по правам человека в ряде решений, включая дело *Vo v. France*, указал на отсутствие единого подхода к определению начала жизни в правовом смысле, что также свидетельствует о высокой чувствительности и сложности данной проблемы [9].

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что наиболее подходящим способом совершенствования российского законодательства в направлении более четкой регламентации статуса зачатого ребенка. Одним из таких вариантов может быть возможность нормативного закрепления отложенного распределения наследственной массы до момента рождения ребенка, в целях исключения возможных конфликтов интересов между наследниками [4].

Отдельно стоит отметить, что вопросы статуса нерожденного ребенка имеют значение не только в наследственном праве, но и в иных отраслях, таких как страховое, семейное и медицинское право. Однако именно в наследственном праве эти вопросы приобретают наибольшую

актуальность в связи с имущественными последствиями. Поэтому необходим комплексный межотраслевой подход к данной проблеме, включая соответствующие изменения в Гражданском кодексе, разъяснения Верховного Суда РФ и активизацию правоприменительной практики.

Таким образом, правовой статус нерожденного ребенка (*nasciturus*) в наследственном праве Российской Федерации нуждается в дальнейшей теоретической разработке и законодательном уточнении. Несмотря на существование специальной нормы в статье 1116 ГК РФ, допускающей признание за зачатым ребенком права на наследство при условии рождения живым, сохраняется правовая неопределенность, обусловленная противоречием с положениями статьи 17 ГК РФ, а также отсутствием юридически значимого механизма установления момента зачатия.

Исходя из этого, одним из наиболее целесообразных направлений развития отечественного законодательства является внедрение института условной правоспособности зачатого ребенка, позволяющего установить временный правовой статус, зависящий от последующего рождения. Такое решение обеспечит баланс интересов между всеми наследниками, снизит уровень правовой неопределенности и повысит защиту прав нерожденного ребенка. Дополнительно необходимо усиление межотраслевого подхода к регулированию статуса зачатого ребенка, включающее изменения в Гражданский кодекс РФ, разъяснения Верховного Суда и унификацию судебной практики с учетом зарубежного опыта.

Литература:

1. Красавчиков О. А. Право собственности в социалистическом обществе. — М.: Юрид. лит., 1973. — 296 с.
2. Толстой Ю. К., Кабалкин А. Я. Наследственное право. Комментарий и анализ. — М.: Юрист, 2005. — 416 с.
3. Витрянский В. В. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). — М.: Статут, 2021. — 512 с.
4. Сергеева Л. А. Зачатый, но не рожденный ребенок в наследственном праве // Журнал российского права. — 2020. — № 7. — С. 120–126.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», п. 4 // Российская газета. — 2012. — № 127.
6. Зейналов А. М. Проблема правового статуса *nasciturus* в наследственном праве России // Правоведение. — 2021. — № 4. — С. 92–96.
7. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993. № 2. Ст. 159.
8. *Vo v. France*: решение Европейского суда по правам человека от 8 июля 2004 г. № 53924/00 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федер. закон от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49.
10. Федеральный Закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 24 декабря. 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

Особенности конституционно-правового статуса автономной области и автономных округов как субъектов Российской Федерации

Долматов Илья Алексеевич, студент;
Безлепкин Егор Анатольевич, студент;
Болышева Елена Константиновна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Автономная область и Автономные Округа являются национально-территориальными образованиями, которые можно охарактеризовать как форму обеспечения малочисленным народам Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока возможности их сохранения и развития в виде государственных образований. Автономные образования, хотя и равноправны в соответствии с Конституцией РФ с другими субъектами Федерации, имеют значительные отличия в конституционно-правовом статусе. Так, из четырёх автономных округов три (за исключением Чукотского) входят в состав другого субъекта. Это порождает особые отношения между этими «сложносоставными субъектами».

Конституционно-правовой статус автономных округов и областей в составе Российской Федерации определяется Конституцией России, уставами автономных областей и округов, федеральными конституционными законами и федеральными законами.

Автономные области, как субъект Российской Советской Социалистической Федеративной Республики, появились ещё в период гражданской войны, как национальные образования в составе Российской Республики. Многие автономные области были включены в состав краёв, некоторые со временем получали статус республик. На данный момент в составе Российской Федерации находится одна автономная область — Еврейская автономная область.

Автономные округа, первоначально носившие название «национальных округов», изначально не были субъектами РСФСР, входили в состав краёв, областей. Эта практика сохранилась и по сей день — три из четырёх автономных округов, находящихся в составе Российской Федерации, являясь субъектами РФ, входят в состав областей. Единственный полностью самостоятельный автономный округ — Чукотский; Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа входят в состав Архангельской и Тюменской областей соответственно.

Конституционно-правой статус автономной области и автономных округов носит следующие черты:

- Образование по национальному принципу;
- Собственный основной закон — устав;
- Имеет собственные органы государственной власти, которые имеют свои полномочия и предметы ведения, как исключительные, так и совместные с федеральными органами государственной власти;
- Обладает правом на использование собственного государственного языка (в немного меньшем объеме, чем в республиках);

– Вхождение в состав другого субъекта (области или края), при этом оставаясь полноправным субъектом РФ (за исключением Чукотского Автономного округа).

Чукотский автономный округ выглядит исключением из остального ряда автономных округов. Решение Чукотского АО, о выходе из состава Магаданской области и о непосредственном вхождении в состав России, как полностью самостоятельного субъекта РФ, было принято в 1992 году. Основанием для этого действия была статья 83 конституции РСФСР, которая после поправок 1990 года включала обязательное нахождение автономного округа в составе области или края.

Сохранение положения в Архангельской и Тюменской областях, включающих в свой состав автономные округа, обусловлено рядом причин. В этих регионах сильны экономические, культурные, и другие связи, объединяющие субъекты, оставляя необходимость скоординированного управления. Между государственными органами области и автономного округа заключаются специальные договора, создаются совместные комиссии.

Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 14 июля 1997 г. констатировал тот факт, что вхождение автономного округа в состав края, области означает, что, будучи равноправным субъектом РФ, он одновременно составляет часть другого ее субъекта. Такое конституционно-правовое состояние определяет особенности статуса как автономного округа, так и края, области, в состав которых он входит. Это означает, кроме того, наличие у края, области единых территории и населения, составными частями которых являются территория и население автономного округа, а также органов государственной власти, полномочия которых распространяются на территорию автономных округов [1].

В соответствии с Конституцией РФ, отношения автономного округа, входящего в состав края или области, могут регулироваться ФЗ и договором между органами государственной власти автономного округа и соответственно органами государственной власти края или области. По представлению законодательного и исполнительного органа автономного образования может быть принят федеральный закон о данной автономии.

Еврейская автономная область остается единственным в своем роде субъектом Российской Федерации, обладающей таким статусом. Она была образована в начале 1930-х годов, как первое национальное государственное образование евреев. С образованием Израиля большинство из них эмигрировали туда несколькими волнами. К началу 90-х годов все автономные области были преоб-

разованы в республики, Еврейская область — нет. Сложно понять, в чем конкретно заключается причина консервации статуса автономной области, но на данный момент все остается именно так.

Вместе с тем автономной области и автономным округам, также построенным по национально-этническому принципу, право установления своего национального языка в качестве государственного не предоставлено. Если для краев, областей, городов федерального значения, где преимущественно проживают русские, это понятно, так как государственный язык — это их родной язык, то не надо забывать, что в автономных единицах проживают компактные национальные группы населения. Но на этот счет Конституция РФ гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, а также права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Автономная область и автономные округа в равной мере со всеми субъектами Федерации представлены в Совете Федерации ФС РФ, а также избирают депутатов в Государственную Думу. Это обеспечивает им равное с другими субъектами РФ представительство в законодательном органе Федерации.

Отличия в статусе между автономной областью и автономным округом заключаются в возможности вхождения автономного округа в состав области или края, а также в особенностях образования.

Стоит упомянуть о том, что раньше «сложноструктурных» субъектов в РФ было больше, но после объединений в начале 2000-х годов их количество значительно сократилось. Так территории бывших субъектов РФ, утративших статус таковых при объединении с другим субъектом РФ, как правило, наделяются особым статусом федеральными конституционными законами, уставом и законами нового (объединённого) субъекта федерации. Такими территориями являются бывшие автономные округа, объединившиеся с краями и областями, в состав которых они ранее входили. Всего утратили статус субъектов РФ и вошли в качестве административно-территориальных единиц с единой территорией и особым статусом в состав пяти вновь образованных субъектов РФ

шесть автономных округов (Коми-Пермяцкий в Пермском крае, Усть-Ордынский Бурятский в Иркутской области, Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский в Красноярском крае, Агинский Бурятский в Забайкальском крае, Корякский в Камчатской области).

В уставах всех без исключения вновь созданных субъектов РФ есть положения об административно-территориальных единицах с особым статусом, однако, они некоторым образом отличаются. Одни уставы регулируют соответствующий статус довольно подробно, посвящая ему отдельную главу (Пермский, Забайкальский края, Иркутская область), другие — фрагментарно лишь отдельными нормами (Красноярский край) [2].

Все административно-территориальные единицы с особым правовым статусом представляют собой национально-территориальные образования, поэтому одной из важных задач, которые они должны решать, используя этот статус, является защита прав коренных малочисленных народов. В Федеральном конституционном законе «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» [3], в отличие от иных «объединительных» законов, более четко отражена эта задача в статье об административно-территориальных единицах с особым правовым статусом, содержащей положение об оказании помощи коренным малочисленным народам в сохранении национальной самобытности, развитии их национальных языков и национальных культур.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что автономные образования РФ являются наследством «советского федерализма». Только в СССР они не являлись самостоятельными субъектами, а подчинялись той единице, в состав которой входили. Это уже закономерный результат общего повышения статуса субъектов в условиях распада советской государственности. Появлениями таких образований было обусловлено разными причинами, как то: экономические, социальные, культурные и политические. В период их создания советская власть была нацелена на строительство национальных автономных государственных образований, равенству народов, что лежало в основе коммунистической идеологии в том числе.

Литература:

1. Лебедев Валериан Алексеевич Конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации // Вестник ЧелГУ. 2012. № 1 (255). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoy-status-subektov-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 18.05.2025).
2. Нарутто С. В. «Особые территориальные единицы субъектов РФ», С. 74 // Вопросы федерализма: сборник научных работ. Т. 4 / [сост., отв. ред. Нарутто С. В.; вступ. ст.: В. В. Комарова]; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮЛ), Школа рос. конституционализма. — Науч. изд.. — Москва: Проспект, 2018. — 382, [1] с.
3. Федеральный конституционный закон от 14.10.2005 № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. — М., 2025. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56027/ (дата обращения: 15.05.2025)

Некоторые социальные проблемы, связанные с предпринимательской деятельностью физических лиц, и пути их решения

Егоров Никита Сергеевич, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассмотрены некоторые социальные проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели — физические лица. В статье проводится анализ правовых основ социального обеспечения предпринимателей-физических лиц, определяются недостатки правового регулирования в данной сфере и предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, самозанятый, НПД, государственная поддержка, социальное обеспечение, гарантии.

Развитие малого предпринимательства невозможно без продуманной и последовательной государственной поддержки предпринимателей-физических лиц. Лица, выбравшие самостоятельную экономическую деятельность, особенно в статусе индивидуальных предпринимателей (далее — ИП) и самозанятых, нуждаются в устойчивой социальной опоре. Именно в обеспечении социальных условий осуществления предпринимательской деятельности проявляется не просто забота государства, а стратегия на укрепление экономической самостоятельности предпринимателей-физических лиц.

Без прямого участия публичной власти создать устойчивую среду для развития частной предпринимательской инициативы затруднительно. Государство не ограничивается точечными мерами, напротив, на законодательном уровне сформирован целостный механизм поддержки, охватывающий различные направления (от налоговых льгот и доступа к госзаказам до имущественной и финансовой помощи). Данные меры не изолированы друг от друга, а, напротив, действуют во взаимосвязи, что усиливает общий эффект государственной поддержки. На законодательном уровне формируется не просто набор инструментов, а полноценная инфраструктура, ориентированная на стимулирование предпринимательской активности граждан.

Правовые основы государственной поддержки предпринимателей — физических лиц закреплены в ряде нормативных правовых актов [1, 5, 6], которые определяют рамки, цели и методы участия государства в развитии предпринимательства. Анализ их содержания позволяет сделать вывод, что государство уделяет внимание не только налоговым льготам, но и вопросам кредитования, подготовки кадров, устранения избыточных административных барьеров. Отдельного упоминания заслуживает стремление государства стимулировать размещение заказов среди субъектов малого и среднего бизнес, что является важным шагом к усилению их рыночных позиций.

Особое направление государственной политики в данной сфере — это развитие самозанятости. Появление специального налогового режима «налог на профессиональный доход» (далее — НПД) стало значимым шагом к формализации данной формы занятости. Примененные в условиях пандемии меры поддержки продемонстриро-

вали, что государство способно гибко реагировать на вызовы, создавать временные, но действенные схемы помощи для самозанятых.

Однако несмотря на многообразие форм поддержки, не все предприниматели чувствуют на себе эффективность данных механизмов. Остаются нерешенными вопросы адресности, доступности и действенности государственной помощи самозанятым. Поддержка часто не учитывает различия между регионами РФ, а также особенности ведения бизнеса в социально уязвимых условиях.

Ввиду этого необходима не просто модернизация существующих мер, но глубокий научный пересмотр всей системы поддержки самозанятых граждан. Только так можно создать действительно эффективный и гибкий механизм, способный сопровождать и укреплять инициативу человека, выбравшего путь самозанятости.

Социальные гарантии для лиц, применяющих НПД, сформированы специфично. Установлено, что на основании ч. 8 ст. 2 и ч. 2 ст. 15 Федерального закона о НПД [4] поступления, полученные в рамках данного правового режима, освобождаются от налогообложения НДФЛ, а самозанятые не подлежат обязательному страхованию. Данная модель налогового регулирования представляется гибкой и, несомненно, выгодной с точки зрения низкого налогового давления. Однако за этой гибкостью скрывается иное. Такие лица автоматически не включаются в систему социальной защиты, что влечет за собой определенные издержки.

Пенсионные правоотношения с участием самозанятых выстраиваются на добровольных началах, что прямо следует из ст. 29 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» [2]. Самозанятый вправе перечислять взносы лишь по собственной инициативе.

Что касается правового регулирования социальной поддержки в случае временной нетрудоспособности и материнства, то в данном аспекте правовые гарантии оказываются еще более ограниченными. Законодатель, закрепив в ст. 2 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [3] исключение самозанятых лиц из перечня субъектов, имеющих право на добровольное присоединение к данным правоотно-

шениям, фактически устранил их из соответствующей сферы социального обеспечения [7].

Невозможность участвовать в системе страхования от утраты трудоспособности и необязательность пенсионных взносов создают неблагоприятный фон для устойчивости и социальной защищенности самозанятых. При этом не следует забывать, что большинство таких лиц не располагает свободными средствами, которые могли бы быть направлены на добровольное страхование. Социальная нестабильность усиливается именно в результате экономической неготовности самозанятых к самостоятельной защите. В таких условиях добровольность становится скорее ограничением, чем возможностью.

Вышесказанное приводит к необходимости пересмотра подходов к распределению средств, поступающих в бюджетную систему от уплаты НПД. Структура распре-

деления таких средств может быть адаптирована таким образом, чтобы часть поступлений использовалась для обеспечения пенсионного и социального страхования самозанятых. Предложенный вариант перераспределения налоговых поступлений представляется действенным способом исправить положение и обеспечить данной группе предпринимателей-физических лиц минимальный уровень социальной защищенности.

Подытожив, отметим, правовые нормы о социальной поддержке предпринимателей-физических лиц остаются в значительной степени фрагментарными. Особенно данная фрагментарность заметна при анализе вопросов, связанных с социальным обеспечением самозанятых. Чтобы предпринимательская активность граждан могла эффективно реализовываться, ей необходима социальная поддержка.

Литература:

1. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 31 июля. № 164.
2. Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Российская газета. — 2001. — 20 декабря. — № 247.
3. Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // Российская газета. — 2006. — 31 декабря. — № 297.
4. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Российская газета. 2018. 30 ноября. № 270.
5. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» // Собрании законодательства РФ. 2014. № 18 (часть II). Ст. 2162.
6. Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 24. Ст. 3549.
7. Миронова С. М. Налог на профессиональный доход — пять лет эксперимента: промежуточные итоги // Финансовое право. 2023. № 12. С. 10–14.

Некоторые проблемы привлечения предпринимателей — физических лиц к юридической ответственности

Егоров Никита Сергеевич, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассмотрены вопросы, связанные с особенностями привлечения предпринимателей-физических лиц к различным видам юридической ответственности. В статье проводится анализ правовых основ привлечения к юридической ответственности, а также выявляются основные проблемы, связанные с привлечением предпринимателей-физических лиц к юридической ответственности.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, самозанятый гражданин, юридическая ответственность, санкции, государство.

Законодатель, устанавливая правовые основы предпринимательской деятельности физических лиц, очерчивает границы дозволенного для них. Однако, как известно,

этого недостаточно для обеспечения правопорядка, в том числе, в предпринимательских отношениях. Дополнительной мотивацией для правомерного поведения стано-

вится установленная законом юридическая ответственность в случае нарушения норм права. От того, насколько эффективны юридические санкции зависит уровень правопорядка. Ввиду этого актуальность приобретает исследование правовых норм о юридической ответственности предпринимателей-физических лиц на предмет их достаточности и эффективности.

ИП, обладая особым правовым статусом, сочетающим в себе черты как физического лица, так и субъекта предпринимательской деятельности, подлежит привлечению к юридической ответственности в различных правовых формах. Возможность применения к нему административных, уголовных, налоговых, гражданско-правовых и материальных санкций обусловлена комплексной природой его правосубъектности.

В рамках механизма административной ответственности к ИП могут быть применены административные санкции за: нарушение правил перевозки, положений законодательства о рекламе; самовольное занятие земельного участка, нарушение правил эксплуатации помещений, осуществление предпринимательской деятельности нелегально, т. е. без регистрации и за другие незаконные деяния. Законодательство об административных правонарушениях довольно детально, исчерпывающе и достаточно регулирует привлечение ИП к административной ответственности.

Уголовно-правовые санкции также представляются целесообразными и эффективными. Законодатель устанавливает возможность привлечения ИП к уголовной ответственности за мошенничество в предпринимательской сфере, незаконное получение кредита, уклонение от налогов и сборов, сокрытие имущества от взыскания, нарушения в области информационной безопасности и другие преступные деяния.

Налоговая ответственность для ИП наступает с шестнадцати лет, что подчеркивает важность соблюдения налоговой дисциплины в предпринимательской сфере. Наиболее частыми нарушениями на практике являются отсутствие регистрации, неподача отчетности, неуплата налогов и уклонение от передачи информации. Налоговым законодательством предусмотрены штрафы, однако часть положений налогового законодательства на ИП не распространяется из-за их особого статуса.

Гражданско-правовая ответственность ИП выражается в обязанности отвечать по обязательствам всем своим имуществом. В предпринимательской деятельности действует принцип ответственности без вины, если не имели место и были доказаны чрезвычайные обстоятельства. Для ИП возможны взыскания в виде неустоек, процентов, убытков и компенсации вреда деловой репутации.

Если ИП — работодатель, он обязан возмещать ущерб работнику за незаконное отстранение, порчу имущества, задержки выплат и причинение морального вреда. Примечательно, что объем такой ответственности не ограничен.

Итак, многообразие правовых обязанностей ИП и мер воздействия в случае совершения ИП правонарушений, служит эффективным инструментом государственного и общественного контроля, обеспечивающим соблюдение законности в сфере предпринимательской деятельности.

Не столь детально и комплексно урегулированы вопросы привлечения самозанятых к юридической ответственности. Механизм привлечения к юридической ответственности самозанятых пока остается фрагментарным и недостаточно выверенным. В то время как механизм применения налоговых санкций уже имеет нормативно-правовую основу, общий механизм привлечения к иным видам юридической ответственности лишь формируется. Ситуация осложняется тем, что правовой статус самозанятого как бы балансирует между двумя категориями — гражданином и предпринимателем, не вписывается полностью ни в одну из них. В литературе также нет однозначного подхода к данному вопросу.

В аспекте привлечения к налоговой ответственности следует отметить, что в данной сфере действуют конкретные последствия за несвоевременное или искаженное декларирование доходов. Закон предусматривает штрафы не только для самозанятых, но и для тех, кто обязан передавать налоговые данные от их имени. Повторные нарушения наказываются строже, что логично, ведь государство стремится закрепить принцип добросовестности как основу налоговых правоотношений.

Однако в аспекте привлечения к административной ответственности имеется пробел: самозанятые не всегда являются индивидуальными предпринимателями, но деятельность данных субъектов имеет сходную правовую природу. Представляется, что назрела необходимость в унификации подходов. Только приравнение самозанятых к ИП по аспекту привлечения к административной ответственности сможет обеспечить справедливость правового регулирования.

В гражданско-правовой сфере механизм привлечения к ответственности еще менее определен. С одной стороны, бытовые услуги, оказываемые самозанятыми, можно охарактеризовать как личный труд. Их оказание зависит от человеческого фактора, а не от предпринимательской стратегии [2, с. 56]. С другой стороны, когда оказание таких услуг приобретают массовый, системный характер и направлено на получение стабильного дохода, возникает вопрос: почему потребитель и иные субъекты гражданско-правовых отношений должны быть менее защищены, если исполнитель — не ИП, а самозанятый [4, с. 27]? Представляется, что закон должен исходить не столько из формы регистрации, сколько из сути, правовой природы деятельности.

Острая дискуссия ведется и в отношении уголовной ответственности самозанятых [1, с. 24]. Возникает, в частности, вопрос, является ли самозанятый субъектом преступления по статьям, касающимся незаконного предпринимательства. Ответ также зависит от трактовки

характера его деятельности. Если она носит устойчивый, систематический и направленный на прибыль характер, справедливо и закономерно возникновение оснований для уголовного преследования [3, с. 28]. Однако признание такого механизма привлечения самозанятых к уголовной ответственности требует осторожности: чрезмерная криминализация может нивелировать основную цель данного налогового режима, которой является упрощение ведения предпринимательской деятельности и снижение барьеров.

Действующая редакция уголовного закона ограничивает уголовную ответственность ответственностью за отсутствие регистрации в качестве ИП. Тем не менее, если в будущем характер деятельности самозанятых будет

определен как предпринимательский, картина может кардинально измениться.

Таким образом, правовое регулирование юридической ответственности самозанятых требует не просто технической доработки, а концептуальной переработки. Необходимо законодательно установленный критерий разграничения между бытовой (непредпринимательской) инициативой и профессиональной предпринимательской активностью самозанятых. Только при такой дифференциации возможно справедливое и корректное применение норм о юридической ответственности к самозанятым. Представляется, что в целом, правовые основы привлечения ИП и самозанятых предпринимателей к юридической ответственности должны быть едиными.

Литература:

1. Жилкин М. Г. Предпринимательская деятельность самозанятых граждан: вопросы ответственности // Имущественные отношения в РФ. — 2020. — № 11 (230). — С. 20–25.
2. Жукова Ю. Д., Подмаркова А. С. Самозанятые граждане: правовая квалификация деятельности и перспективы формирования специального режима // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 49–79.
3. Коренная А. А. Построение позиции защиты по уголовным делам о незаконной предпринимательской деятельности (ст. 171 УК РФ) на стадии предварительного расследования // Адвокатская практика. 2020. № 2. С. 27–32.
4. Савинов К. А., Лаврентьев А. Р. Налог на профессиональный доход: первые итоги двухлетнего эксперимента // Финансовое право. 2021. № 6. С. 26–30.

Проблема доказывания объективного банкротства в судебной практике и её влияние на реализацию прав предпринимателей-кредиторов

Емашов Денис Федорович, студент магистратуры

Научный руководитель: Хижняк Вероника Сергеевна, доктор юридических наук, профессор

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор освещает проблему отсутствия чётких критериев для установления момента объективного банкротства юридического лица. Отмечается правовая неопределённость, затрудняющая защиту интересов кредиторов и применение субсидиарной ответственности. Обосновывается необходимость легального определения этого понятия и разработки единых методических подходов. Предлагаемые меры направлены на повышение эффективности банкротных процедур и снижение правовых рисков.

Ключевые слова: объективное банкротство, субсидиарная ответственность, несостоятельность, кредиторы-предприниматели, финансовый кризис, правовая неопределённость, методика определения.

Экономическая модель современной России, основанная на принципах активной предпринимательской деятельности, требует наличия действенных правовых инструментов для защиты интересов кредиторов, особенно — представителей бизнеса, функционирующих в условиях нестабильности, санкций против Российской Федерации и повышенных коммерческих рисков. Одним из центральных механизмов, призванных обеспечивать такую правовую защиту, является институт несостоятельности (банкротства). Однако на практике реализация его положений сопровождается множеством сложностей,

среди которых особое место занимает проблема установления и доказывания состояния объективной несостоятельности должника.

Термин «объективное банкротство» получил широкое распространение в связи с развитием института субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника.

Впервые он был упомянут в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 июля 2017 г. № 309-ЭС17–1801 по делу № А50–5458/2015, где применительно к данному понятию был использован критерий бухгалтерской оценки активов [6]. Однако более

чёткое и содержательное раскрытие данного термина последовало в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53, которое посвящено вопросам привлечения контролирующих должника лиц к ответственности в рамках дела о несостоятельности [7].

Так, в пункте 4 упомянутого постановления под объективным банкротством предлагается понимать неспособность юридического лица полностью исполнить обязательства перед кредиторами, включая обязательные платежи, вследствие превышения совокупных обязательств над реальной стоимостью активов. Примечательно, что Пленум делает акцент именно на реальной, а не бухгалтерской стоимости активов, что представляется оправданным. Дело в том, что показатели бухгалтерского учёта часто не отражают действительного финансового положения компании — они могут как завышать, так и занижать ценность активов, и потому не всегда пригодны для правовой оценки экономической состоятельности субъекта.

Следует отметить, что в действующем правовом регулировании, равно как и в правоведаческой литературе, отсутствует устоявшийся алгоритм или методика определения даты наступления объективного банкротства. Подобный пробел, скорее всего, обусловлен как относительной новизной этого института, так и недостаточной определённости самого понятия. Такая неопределённость существенно затрудняет судебную практику, создавая почву для разночтений и спорных ситуаций между участниками арбитражных дел.

Отсутствие единых подходов к установлению момента наступления объективного банкротства порождает не только юридическую неопределённость, но и существенно снижает предсказуемость правоприменительной практики. В условиях, когда предприниматели-кредиторы сталкиваются с невозможностью своевременного получения исполнения по обязательствам, судебные споры зачастую сводятся к доказыванию факта объективной неплатёжеспособности, что требует глубокого анализа финансового состояния должника, в том числе с привлечением специализированной экспертизы.

Вместе с тем, правовая неопределённость в вопросах квалификации объективного банкротства создаёт дополнительные риски для кредиторов-предпринимателей. Проблема усугубляется тем, что судебные органы нередко предъявляют повышенные требования к доказыванию признаков объективной несостоятельности, не располагая при этом устоявшимися критериями её оценки. Это способствует формированию противоречивой практики, в которой схожие по фактическим обстоятельствам дела могут приводить к противоположным судебным выводам.

Установление момента наступления объективной несостоятельности юридического лица представляет собой сложную задачу, поскольку действующее законодательство не содержит чётко закреплённых правовых ориентиров или универсальных критериев для его идентификации. Дополнительные затруднения вызывает и тот факт,

что финансовый кризис в деятельности предприятия, как правило, не носит внезапного характера. Обычно ему предшествует продолжительный этап постепенного снижения экономической эффективности, который впоследствии перерастает в состояние устойчивой неплатёжеспособности, т. е. объективного банкротства [10].

В одном из своих определений Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что установление момента перехода должника в состояние объективной несостоятельности требует индивидуального подхода в каждом конкретном деле. Такой подход открывает широкие возможности для судебного усмотрения. При этом момент возникновения у руководителя организации обязанности по инициированию процедуры банкротства напрямую связывается с тем, когда он осознаёт критический характер финансового положения предприятия. Это состояние должно ясно указывать на невозможность дальнейшего ведения хозяйственной деятельности без существенных негативных последствий как для самой компании, так и для её кредиторов [8].

При подаче заявления о привлечении контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности кредитор обязан точно обозначить момент, когда у должника проявились признаки объективной несостоятельности. В противном случае суд вправе отказать в удовлетворении требований.

Так, в одном из дел арбитражные суды всех трёх инстанций отказали в удовлетворении требований конкурсного управляющего, указав на то, что тот не раскрыл, с какого именно момента и по какой причине у контролирующих лиц возникла обязанность инициировать процедуру банкротства [9].

В рамках складывающейся судебной практики пока не выработан унифицированный подход к определению экономических критериев, свидетельствующих о нахождении юридического лица в состоянии имущественного кризиса. Как отмечает М. С. Кудинова, при правовой квалификации признаков такого кризиса арбитражные суды учитывают ряд обстоятельств, опираясь, в частности, на наличие просроченного денежного обязательства, послужившего основанием для возбуждения дела о несостоятельности. Такой подход прослеживается, например, в постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 декабря 2020 года по делу № А53–41227/2018.

Кроме того, значимыми признаками считаются сведения, отражённые в бухгалтерской отчётности, включая отчет о финансовых результатах, из которых усматриваются убытки, понесённые до момента предоставления финансирования. Это подтверждается позицией Тринадцатого арбитражного апелляционного суда, изложенной в постановлении от 1 марта 2021 года по делу № А56–2909/2019.

Суды также принимают во внимание наличие положительного баланса активов и отсутствие признаков утраты платёжеспособности на дату предоставления займа. Такая позиция закреплена в постановлении Арбитражного

суда Московского округа от 10 декабря 2020 года по делу № А40–48600/2019.

Наконец, ещё одним критерием может выступать отсутствие иных кредиторов, чьи требования могли бы быть включены в реестр. Этот аспект также рассмотрен Арбитражным судом Московского округа в вышеуказанном постановлении от 10 декабря 2020 года по делу № А40–48600/2019 [3].

Ошибочная или запоздалая квалификация момента наступления объективного банкротства может иметь крайне неблагоприятные последствия как для кредиторов, так и для иных участников процедуры.

Для кредитора это выражается в утрате шансов на удовлетворение требований в разумные сроки, а также в усложнении процесса привлечения контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности. В ряде случаев это может привести к фактической невозможности взыскания, поскольку к моменту, когда несостоятельность становится очевидной, активы должника либо уже выведены, либо значительно обесценены.

Кроме того, установление позднего срока признания объективной несостоятельности затрудняет доказывание недобросовестности поведения руководства компании, в том числе умышленного затягивания подачи заявления о банкротстве. Всё это подрывает цели правового регулирования в сфере банкротства и снижает общий уровень доверия предпринимательского сообщества к судебной системе.

На фоне правовой неопределённости, связанной с отсутствием чётких признаков объективного банкротства (имущественного кризиса), особенно остро проявляется более широкая проблема — отсутствие законодательного регулирования механизмов диагностики финансового состояния юридических лиц с целью выявления признаков как предбанкротного, так и непосредственно банкротного состояния. Подобный пробел снижает эффективность процедур, направленных на оздоровление должника, в частности — стадии наблюдения и иных реабилитационных механизмов, предусмотренных Законом о несостоятельности (банкротстве).

Как справедливо подчёркивает М. Ю. Телюкина, поздняя фиксация момента наступления объективной несостоятельности нарушает баланс интересов между кредиторами и должником, так как существенно сужает возможности для восстановления платёжеспособности и возврата задолженности. На практике это выливается в ситуацию, когда к моменту подачи заявления активы уже выведены, а должник де-факто утратил возможность осуществлять расчёты с контрагентами, что нередко становится причиной перехода процедуры наблюдения в конкурсное производство без реализации попыток восстановления платёжеспособности [4].

Актуальность данной проблемы подтверждается и статистическими данными. Так, по состоянию на 30 июня 2022 года, начиная с 2015 года, доля реабилитационных процедур в рамках дел о банкротстве в Российской Феде-

рации не превышала 3,5 %, при этом доля завершённых дел, в которых кредиторы не получили ни одного рубля, колебалась от 67,1 % в 2016 году до 58,4 % в 2021 году. Указанные сведения содержатся в официальных аналитических материалах Единого федерального реестра сведений о банкротстве и подчеркивают системную проблему неэффективности механизмов выявления и предотвращения банкротства на ранней стадии [2].

Таким образом, актуальность проблемы объективного банкротства в судебной практике, связанная с неопределённостью признаков имущественного кризиса и отсутствием чётких критериев для его диагностики, требует особого внимания со стороны законодателей и правоприменителей. Неопределённость в вопросах установления момента наступления объективного банкротства создаёт правовую нестабильность, снижая предсказуемость судебной практики и увеличивая риски для кредиторов. Это также затрудняет восстановление платёжеспособности должников и препятствует эффективному использованию реабилитационных процедур, что в конечном итоге снижает доверие предпринимательского сообщества к институту банкротства.

С целью повышения эффективности правового регулирования в сфере несостоятельности представляется целесообразным, как указывает В. Б. Ермилов в своих исследованиях, внести изменения в Федеральный закон о банкротстве, дополнив его статью 2 легальным определением понятия «объективное банкротство». Под данным термином предлагается понимать такой момент времени, когда должник утрачивает способность в полном объёме исполнять свои обязательства перед кредиторами, включая обязательные платежи, по причине того, что совокупный объём его долговых обязательств превышает фактическую стоимость принадлежащих ему активов [1].

В дополнение к этому, в целях более точного установления момента наступления объективного банкротства юридического лица, представляется обоснованным использовать предложенные Д. М. Хлопцовым методологические принципы, позволяющие определить указанную дату с учетом экономических и финансовых факторов [5]. На их основе возможно формирование унифицированного методического подхода к квалификации объективного банкротства, который впоследствии должен получить законодательное закрепление в указанном нормативном акте.

Реализация этих инициатив, несомненно, будет способствовать улучшению правоприменительной практики, снижению временных затрат на восстановление платёжеспособности должников, а также минимизации убытков, понесённых кредиторами. Существенное значение в данном контексте приобретает дальнейшее развитие судебной практики, ориентированной на применение объективных и поддающихся проверке критериев неплатёжеспособности, а также принятие новых законодательных решений, направленных на совершенствование правового механизма регулирования банкротства.

Литература:

1. Ермилов В. Б. Объективное банкротство: теория и практика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 77–81.
2. Ефимов А. В. Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц // Проспект. 2024. 189 с.
3. Кудинова М. С. Судебная практика рассмотрения субординированных требований в процедурах банкротства // Арбитражные споры. 2021. № 3. С. 74–87.
4. Телюкина М. Системный анализ процедуры наблюдения и практические проблемы ее реализации // Хозяйство и право. 2018. № 5. С. 3–25.
5. Хлопцов Д. М. О методике определения даты объективного банкротства // Имущественные отношения РФ. 2022. № 244. С. 31–40.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 июля 2017 г. № 309-ЭС17–1801 по делу № А50–5458/2015
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
8. Определение Верховного Суда РФ от 29.03.2018 по делу № А12–18544/2015 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.01.2019 по делу № А40–24906/2017 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
10. Определение Верховного Суда РФ от 22.07.2019 по делу № А53–15496/2017 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних

Железнякова Марина Александровна, студент
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрены особенности применения уголовного наказания несовершеннолетним.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность несовершеннолетних, уголовная ответственность виды наказаний, назначение наказания.

Features of criminal responsibility of minors

The article examines the specifics of applying criminal penalties to minors.

Keywords: minors, juvenile delinquency, criminal liability, types of penalties, sentencing.

Современная преступность среди несовершеннолетних представляет собой сложное социально-правовое явление, обусловленное множеством взаимосвязанных факторов. К числу основных причин относятся негативные тенденции в обществе, системные недостатки правового и нравственного воспитания, неблагоприятная криминогенная обстановка, а также недостаточная эффективность существующей системы профилактики правонарушений среди молодежи. Особую тревогу у правоохранительных органов и общества в целом вызывает устойчивая тенденция к увеличению количества преступлений, совершаемых лицами, не достигшими 14-летнего возраста — установленного законом минимального порога уголовной ответственности.

Правовой статус несовершеннолетних в уголовном праве Российской Федерации имеет существенную специфику, закрепленную в статье 87 Уголовного кодекса РФ. Согласно действующему законодательству, несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. При этом важно отметить, что совершеннолетие в юридическом смысле наступает в 00 часов, следующих за днем рождения.

Возрастные границы уголовной ответственности установлены законодателем на основе научных исследований в области возрастной психологии и криминологии, учитывающих особенности эмоционального, интеллектуального и социального развития подростков. Российский за-

конодатель применяет дифференцированный подход к установлению возраста ответственности: за особо тяжкие преступления, перечисленные в части 2 статьи 20 УК РФ, ответственность наступает с 14 лет, тогда как за остальные составы преступлений — с 16 лет. Исключение составляют преступления, совершенные по неосторожности, не повлекшие смерти или тяжкого вреда здоровью (за исключением части 1 статьи 267 УК РФ, касающейся повреждения транспортных средств и путей сообщения, повлекшего по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия).

Принципы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности основаны на основных принципах гуманизма и справедливости, что находит свое отражение в особом подходе к назначению наказания. В соответствии со статьей 88 УК РФ, система наказаний для несовершеннолетних включает шесть основных видов:

- штраф;
- лишение права заниматься определенной деятельностью;
- обязательные работы;
- исправительные работы;
- ограничение свободы;
- лишение свободы на определенный срок.

Законодатель исключил применение к несовершеннолетним наиболее строгих мер уголовно-правового воздействия, таких как смертная казнь, пожизненное лишение свободы, а также наказания военного характера.

Особое место в системе мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних занимают принудительные меры воспитательного воздействия, предусмотренные статьей 90 УК РФ, которые могут применяться вместо наказания. Данный институт включает:

- предупреждение;
- передачу под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;
- возложение обязанности загладить причиненный вред;

Литература:

1. Быстров В. А. Уголовная ответственность несовершеннолетних в России и за рубежом // Молодой ученый. — 2016. — № 8.1. — С. 3–5.
2. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. — 10 декабря 1998 г. — № 325.
3. Ермаков В. Г. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник ВИ МВД России. — 2017. — № 2. — С. 23–27.
4. Иванов, О. В. Уголовные наказания, применяемые к несовершеннолетним, по уголовному законодательству России и стран ближнего зарубежья / О. В. Иванов // В сборнике: Государственное и муниципальное право: теория и практика Сборник статей Международной научно — практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. Уфа, 2015. — С. 43.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ.

— ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Эти меры применяются при совершении преступлений небольшой и средней тяжести. В случае систематического неисполнения назначенной меры воспитательного воздействия, она отменяется с последующим привлечением к уголовной ответственности. Для подростков, осужденных за совершение тяжких преступлений, законодатель предусмотрел альтернативную меру в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа до достижения совершеннолетия.

Процессуальные особенности производства по делам несовершеннолетних включают ряд существенных изъятий из общего порядка. В частности, для данной категории лиц установлены:

- сокращенные вдвое сроки давности привлечения к уголовной ответственности и исполнения обвинительного приговора (ст. 94 УК РФ);
- уменьшенные сроки погашения судимости (ст. 95 УК РФ);
- специальное правило о непризнании рецидива преступлений за деяния, совершенные до достижения восемнадцатилетнего возраста.

При назначении наказания суд обязан учитывать целый комплекс факторов, включая условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень его психического развития, особенности личности, а также влияние старших по возрасту лиц.

Таким образом, уголовная ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации представляет собой целостную систему специальных норм, основанных на принципах гуманизма, индивидуализации и дифференциации ответственности. Законодатель, учитывая возрастные особенности психофизического и социального развития подростков, создал комплексный механизм правового воздействия, сочетающий меры уголовного наказания и воспитательного характера, направленный на максимально эффективную коррекцию поведения и социальную реабилитацию несовершеннолетних правонарушителей.

Особенности тактики осмотра места происшествия и иных следственных действий при расследовании ятрогенных преступлений

Жигулёва Анастасия Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Эртель Людмила Александровна, доктор медицинских наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует проблематику расследования ятрогенных преступлений и особенности проведения осмотра места происшествия и иных следственных действий при расследовании ятрогенных преступлений.

Ключевые слова: ятрогенная, тактика осмотра места происшествия, преступление.

Под местом происшествия понимается место совершения преступления (достоверно известное или предполагаемое) либо иного интересующего следствие события (на пример, место сокрытия похищенного или место обнаружения трупа, если он доставлен туда уже после убийства). Осмотр места происшествия является очень пространственным и важным следственным действием. По многим категориям дел (убийства, дорожно-транспортные происшествия, пожары и др.) он проводится практически всегда. Обычно наиболее важные доказательства, следы преступления, дающие следователю первоначальные нити к установлению кар тины преступления, обнаруживаются именно при этом следственном действии [1].

По совокупности факторов осмотр места происшествия — следственное действие, которое представляет собой детальное изучение и обязательную фиксацию следователем обстановки места происшествия, наличие каких-либо следов, указывающих на совершение противоправных действий, предметов и документов, которые в дальнейшем послужат доказательственной базой при расследовании уголовного дела.

При осмотре места происшествия, следователь в обязательном порядке должен руководствоваться ст. 176, 177 УПК РФ, предусматривающих основания и порядок проведения непосредственно осмотра места происшествия.

Разбирая более детально особенности проведения осмотра места происшествия при расследовании ятрогенных преступлений необходимо выделить различные направления для проведения осмотра, а именно:

— рационально производить не только осмотр места, где предположительно могло быть совершено противоправное деяние, но а также соседние помещения (при условии совершения противоправных деяний в медицинских и иных смежных учреждениях, в которых имеются дополнительные комнаты, такие как осмотровая, лаборатория, архив и т. д.)

— при осмотре места происшествия, которым являются специализированные помещения, а именно — палата реанимации отделения анестезиологии и реанимации, помещения хирургического стационара и иные, целесообразно описывать и фиксировать наличие специального медицинского оборудования, его степень изношенности, визуальный анализ соблюдения санитарных норм и правил в вышеуказанных помещениях.

— при осмотре родильного блока, т. е. родильных залов, палат для новорожденных, палат реанимации и интенсивной терапии новорожденных, необходимо зафиксировать соответствие размеров и оснащения самих помещений предъявляемым нормам, а также срок пребывания новорожденных в палате, для рассмотрения возможной версии возникновения внутрибольничной инфекции — это любое клинически распознаваемое инфекционное заболевание, которое поражает больного в результате его поступления в больницу или обращения в неё за лечебной помощью, или сотрудников больницы вследствие их работы в данном лечебном учреждении вне зависимости от появления симптомов заболевания во время или после пребывания в больнице [2].

— в случае осуществления медицинской помощи выездной бригадой скорой медицинской помощи в общественном месте, за пределами медицинского учреждения, в машине скорой помощи необходимо проверить соответствие выехавшего транспортного средства с оснащением в соответствии с требованиями приказа Минздрава РФ от 26 марта 1999 г. № 100 «О совершенствовании организации скорой медицинской помощи населению Российской Федерации». При выявлении несоответствий служебного автомобиля вышеуказанным нормам, необходимо в первую очередь выяснить круг лиц, которые несут обязанности по обеспечению и своевременной проверке соответствия и поддержания специального оборудования служебного автомобиля в соответствии с требованиями стандартами.

Таким образом, своевременный и тщательный осмотр места происшествия, с применением фотофиксации и специальных технических средств, для визуального закрепления обстановки места происшествия, будет способствовать не только выявлению причин и условий, которые способствовали совершению противоправных деяний, но и принятию мер, направленных на предупреждение и недопущение совершения аналогичных преступлений в будущем.

Основная часть вещественных доказательств по ятрогенным преступлениям является медицинской документацией, хранящейся в медицинском учреждении. Выемку — т. е. регламентированное законодательством следственное действие, которое производится с целью

отыскания и изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение по уголовному делу, необходимо проводить строго в соответствии с нормами УПК, которые регламентируют порядок и производство самого следственного действия, для того, что бы полученные в ходе производства выемки вещественные доказательства в дальнейшем подлежали осмотру, признанию вещественными доказательствами и могли быть признаны в суде.

При производстве выемки медицинской документации в медицинском учреждении, необходимо зафиксировать место обнаружения например, медицинской карты пациента, полные характеристики предмета, т. е. внешний вид, количество томов, количество страниц, для тщательной проверки соответствия предоставляемых медицинских услуг указанным в самой медицинской карте пациента. При производстве выемки необходимо, что бы ответственное лицо, зачастую представители юридического отдела медицинской организации, добровольно выдали имеющуюся у них медицинскую документацию, о чем делается пометка в протоколе выемки. После чего, участвующее лицо знакомится с протоколом выемки путем личного прочтения или прочтения следователем в слух, о чем так же делается пометка в вышеуказанном протоколе. После завершения следственного действия, выемки медицинской документации, составления протокола выемки, копия протокола предоставляется участвующему лицу. Так же необходимо отметить, что выемка осуществляется только на основании вынесенного следователем постановления, где следователь обязан указать основания и причины производства выемки.

Производство выемки допускается как самим следователем, так и с участием специалиста, которого следователь на основании постановления должен привлечь в качестве специалиста, о том уведомить самого специалиста и разъяснить ему права, так же в постановлении о привлечении специалиста сам специалист должен сделать пометку о том, что ему разъяснены его права и подставить подпись.

Важным аспектом, при производстве выемки по ятрогенным преступлениям, необходимость получения гистологического материала, хранящегося в медицинском учреждении. Сам гистоматериал необходимо будет направить на экспертизу, а эксперту необходимо поставить вопросы следующего характера:

— Имеются ли дефекты оказания медицинской помощи А (указать этап оказания медицинской помощи или

период времени)? Требования каких нормативных документов нарушены на каждом из этапов?

— Причинен ли вред здоровью пациента А установленными дефектами оказания ему медицинской помощи? Почему? Какова степень тяжести вреда, причиненного здоровью А установленными дефектами? Каким именно из установленных дефектов причинен вред здоровью А (если дефектов несколько)? Почему?

— Имеется ли прямая причинно-следственная связь между допущенными дефектами оказания медицинской помощи А и наступлением его смерти (и наступившими последствиями в виде...)?

— Своевременно и правильно ли был установлен диагноз пациенту А на каждом этапе оказания медицинской помощи (бригадой скорой медицинской помощи, участковым врачом, врачом-консультантом, на амбулаторном этапе (в поликлинике), в приёмном покое больницы, в отделении стационара)? Если нет, каков был диагноз А при поступлении в медицинскую организацию (при переводе из больницы в больницу, при доставлении бригадой скорой медицинской помощи или самообращении в больницу, при выписке пациента)?

— Имелись ли основания для установления вышеуказанного диагноза пациенту А (на данном этапе)? Какие это основания (данные анамнеза, клинические проявления болезни, результаты параклинических методов диагностики (лабораторных, инструментальных))? Имелись ли возможности у врача (фельдшера) установить правильный диагноз пациенту А в условиях оказания ему медицинской помощи (на дому, на улице, в машине скорой помощи или ином санитарном транспорте, в данной медицинской организации)?

Подводя итог, можно озвучить следующие проблемы при производстве осмотра места происшествия при расследовании ятрогенных преступлений:

— нет единой классифицированной системы учета медицинских карт пациента, так как при производстве выемки может произойти ситуации с изъятием только одного тома медицинской карты, без приложений или иных результатов медицинского обследования.

— производство выемки медицинской документации без участия специалиста осложняется тем, что следователем может быть изъято недостаточное количество медицинской документации, или специалист уже при производстве выемки мог бы обратить внимание следователя на неточности или грубые ошибки в заполнении медицинской документации.

Литература:

1. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс). Учебник / С. С. Бурынин. — Текст: электронный // sdo.academy-skrf.ru: [сайт]. — URL: https://sdo.academy-skrf.ru/extbook/up_uch/public_html/index.html (дата обращения: 20.04.2025).
2. Яновская, О. А. Безопасная больничная среда. Инфекционная безопасность. Внутрибольничная инфекция. Актуальность проблемы / О. А. Яновская, А. П. Новикова. — Иркутск: ИГМУ, 2014. — 65 с. — Текст: непосредственный.

Правовая категория вещных прав в России и зарубежных странах в контексте реализации принципа добросовестности

Житова Виталина Григорьевна, студент

Научный руководитель: Павлова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Ключевые слова: принцип добросовестности, вещные права, ограниченные вещные права, право Китайской Народной Республики, право Федеративной Республики Бразилии, континентальное право, соотношение принципов права, право следования за вещью, добросовестное поведение субъекта, социальное назначение права, принцип справедливости.

Одной из функций гражданско-правового регулирования является обеспечение стабильности гражданских правоотношений. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) закрепляет в качестве основного начала гражданского права принцип добросовестности. Правовая категория добросовестности имеет существенное значение в вещных правоотношениях. Вещное право оформляет принадлежность вещи определённому лицу (статика гражданских правоотношений).

В связи развитием информационных технологий в XXI веке создаются международные организации, в которые входят страны, имеющие различное правовое регулирование исследуемых отношений. Одной из таких организаций является БРИКС, в которой, помимо России, состоят ещё 12 стран-партнёров. Международное сотрудничество создаёт возможность делиться опытом в правовом регулировании, совместно разрабатывать нормы права, развивать правовые системы.

Для исследования вопроса реализации принципа добросовестности в сфере вещных прав в сравнительном ключе обратимся к праву таких стран, как Китайская Народная Республика и Федеративная Республика Бразилия. Во-первых, данные страны привержены системе континентального права, в силу чего нормы права закрепляются в нормативных правовых актах. Это предоставляет возможность провести сравнение. Во-вторых, данные государства являются важнейшими торговыми партнёрами России, соответственно, восприятие и анализ опыта правового регулирования должно иметь влияние не только на науку гражданского права, но и на развитие отечественного бизнеса. В-третьих, и Китай, и Бразилия, и Россия имеют сложный путь становления вещного права, действующие сейчас кодифицированные гражданские акты являются новым, ещё не до конца проявившимся элементом в развитии вещного права.

В Гражданском кодексе Российской Федерации отсутствует легальная дефиниция добросовестности. Для её понимания следует обращаться к актам делегированного толкования — к постановлениям высших судов. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 толкует данную правовую категорию, как «поведение, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении не-

обходимой информации», то есть действия лица оцениваются добросовестными или недобросовестными на основании соответствия его действий принципам честной деловой практики. Правоотношения между сторонами должны основываться на честности и уважительности по отношению друг к другу. Соблюдение участниками гражданского оборота норм морали и иных неправовых социальных норм — основа добросовестности, по мнению известного цивилиста В. П. Грибанова [3, с. 13].

Анализируя положения гражданского законодательства можно сделать вывод, что недобросовестность и незаконность имеют смежное значение (ч. 4 ст. 1 ГК РФ). Различие состоит в том, что первая категория применяется ко всем аспектам гражданских правоотношений, в то время как вторая — лишь на соответствие поведения субъектов положениям нормативно-правовых актов. Добросовестное поведение предполагает не только следование закону, но и учёт прав и законных интересов другой стороны, предотвращение причинения им вреда при осуществлении своих прав. Если же поведение лица нацелено на извлечение выгоды за счёт ущемления прав и законных интересов других лиц, нежели на осуществление своих прав (ч. 1 ст. 10 ГК РФ), то его действия считаются недобросовестными.

Обращаясь к опыту зарубежных стран, следует учитывать, что Гражданский кодекс Китайской Народной Республики от 28.05.2020 (далее — ГК КНР) является первым кодифицированным актом в сфере гражданских прав в социалистическом Китае. Характерная приверженность традиционным и коммунистическим ценностям, конфуцианство, коллективный характер ведения хозяйства, влияние стран континентального права и отсутствие опыта правового регулирования в рамках развивающихся рыночных экономических отношениях создаёт необходимость обращения правоприменителей при разрешении пробелов в праве к принципам гражданского права.

Немаловажную роль в этом играют взаимосвязанные принципы справедливости и добросовестности. Первый толкуется, как обязанность лица при осуществлении своей гражданской деятельности разумно разъяснять права и обязанности каждой и сторон (ст. 6 книги 1 ГК КНР), а второй — как честное осуществление своих прав (ст. 7 книги 1 ГК КНР). В совокупности данные положения устанавливают, что субъекты обязаны уважать

права других лиц и своими правами не злоупотреблять, то есть не извлекать выгоду в нарушении прав иных субъектов, не пользоваться отсутствием с их стороны знания и опыта. Принцип добросовестности находит своё проявление во всём гражданском праве и является базисом для применения норм права, в том числе и в вопросах вещного права.

Правовое регулирование имущественных отношений в Федеративной Республике Бразилии несколько отличается от регулирования в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Гражданский кодекс Бразилии от 10.01.2002 (далее — ГК ФРБ) представляет собой смесь пандектной и институциональной моделей [4, с. 13]. С одной стороны, имеется выделение общей и особенной части, но с другой — в общей части отсутствуют нормы общего характера, касающиеся пределов действия, принципов, источников права, Гражданский кодекс Федеративной Республики Бразилии начинается с субъектов гражданского права (книга I «О лицах»). В силу данного обстоятельства не дана дефиниция добросовестности, однако в качестве принципа законодатель обращается к ней на протяжении всего кодифицированного акта.

Представляется, что бразильское законодательство имеет большую социальную направленность и в целях защиты и гарантированности прав всех граждан трактует всё гражданское право исходя из его нравственности, справедливости и честности, в том числе из компромисса между интересом конкретных лиц и интересами всего общества (например, статья 1.228 ГК ФРБ). Таким образом, при противоречии между правами коллективными и индивидуальными, коллективные будут иметь больший вес, иметь более широкий охват. Данная категория неразделима с добросовестностью (*eticidade*), которая толкуется из нравственности, справедливости, честности и уважения, отсутствия намерения обмануть или причинить вред своими действиями.

Для того чтобы понимать реализацию добросовестности в вещных правах, следует проанализировать природу вещного права, его понятие и характеристику в Российской Федерации, в Китайской Народной Республике и в Федеративной Республике Бразилии.

В действующем Гражданском кодексе Российской Федерации и в других нормативных правовых актах, регулирующих отдельные аспекты имущественных отношений, не содержится легальной дефиниции вещных прав и отдельно закреплённых отличительных признаков. Раздел II посвящён преимущественно вопросам приобретения, прекращения, защиты, правомочий, особенностей реализации правомочий отдельными субъектами и по отношению к различным объектам права собственности и других вещных прав.

Недостаточная детализация общих положений рождает неопределённость в понимании того, на что распространяются нормы вещного права, а на что нет, что следует относить к этой правовой категории, что понимать под ней. Например, в юридической литературе нет

однозначного ответа на вопрос, к вещному или обязательственному праву относить залог, какова правовая природа прав арендатора и другие.

Для понимания вещного права в целом, прежде всего, следует обратиться к истории его становления, к римскому и дореволюционному отечественному праву. Римское право сформировало понимание и особенности частного права, разработало универсальные основы, определило становление юридической системы, заложило фундамент её развития на столетия вперёд. Важнейшим элементом римского права было право на вещь: право, которое предоставляло возможность его носителю непосредственно воздействовать на неё, «юридическая связь лица и вещи» [6, с. 13], то есть отношения лица и вещи.

В. И. Синайский оспаривает данную позицию, поскольку с юридической точки зрения правоотношения строятся между людьми, субъектами гражданского права, следовательно, находиться в правоотношениях с вещью не представляется возможным [8, с. 13], однако он отмечает значение данной позиции в обыденном понимании права. Вещь является объектом гражданских правоотношений, на неё воздействует управомоченный субъект, но именно правоотношения возникают между данным лицом и всеми третьими лицами.

Г. Ф. Шершеневич определял вещное право как непосредственное отношения лица к вещи в том смысле, что лицо не нуждается в чьём-либо фактическом посредничестве для осуществления своих правомочий [12, с. 13].

Известный цивилист Д. И. Мейер, определял вещное право как способ нормативного закрепления уровня свободы обладателя такого права по отношению к своей вещи [5, с. 13]. По мнению учёного Е. В. Васильевского, вещное право представляет собой меру власти непосредственно над вещами [2, с. 13].

С приходом большевиков к власти в начале XX века созданием государственной, кооперативной собственности, национализацией земли, огосударствлением экономики некоторые институты вещного права были уничтожены, другие потеряли своё значение.

Однако экономические и политические изменения, произошедшие в конце прошлого столетия, привели к принятию нового гражданского законодательства в России (Закон «О собственности в РСФСР» от 24.12.1990 и новый Гражданский кодекс Российской Федерации).

Для российского права в целом характерна преемственность, поэтому в современном отечественном праве на законодательном уровне наибольшее развитие получил институт права собственности, в то время как иные вещные права раскрываются не полным образом. На легальном уровне право залога было отнесено к обязательственным правам исходя из закрепления его в разделе «Общая часть обязательственного права», хотя в юридической литературе о природе права до сих пор мнение неоднозначно: одни ученые, такие как В. М. Хвостов [11, с. 13], З. А. Ахметьянова [1, с. 13], относят его к обязательственным правам, следуя тому положению, что основное

назначение вещного права состоит в возможности воздействия непосредственно на саму вещь, в то время как основной ориентир залога — воздействие на поведение конкретного лица, кроме того, предметом залога может быть не только вещь, но и имущественные права.

Другие ученые, такие как Г. Ф. Шершеневич [12, с. 13], Е. А. Суханов [10, с. 13], обращают внимание на вещно-правовую природу залога: собственник может быть лишён своего права на неё в случае ненадлежащего исполнения обязанностей, имеется свойство следования — сохранения залога при переходе прав на заложенное имущество третьим лицам (ст. 353 ГК РФ).

Право застройки (суперфиций) в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации самостоятельно нигде не упоминается, но отдельно закрепляются правомочия застройки собственником, обладателем права пожизненного наследуемого и постоянного (бессрочного) пользования на земельный участок, а также возможность застройки на арендованном участке. В будущем же предлагается ввести в ГК РФ суперфиций сроком на 50–199 лет исходя из Концепции развития гражданского законодательства РФ от 07.10.2009 года.

Е. А. Суханов даёт главную характеристику вещного права через «юридическую прочность», власть над вещью, не зависящая от смены её собственника, следующая за ней, в то время как в обязательственных правоотношениях кредитор осуществляет свою власть на поведение должника [9, с. 14] и это властвование прекращается с момента исполнения обязательств.

А. К. Толстой, под вещными правами понимает права, «которые обеспечивают удовлетворение интересов управомоченного лица путём непосредственного воздействия на вещь» [7, с. 13], находящуюся в сфере его хозяйственного ведения. Основной аспект характеристики состоит в том, что интерес управомоченного лица удовлетворяется через его собственные действия, а не действия других лиц.

Вещное право в российской цивилистике понимается, прежде всего, исходя из элемента господства, непосредственного воздействия на вещь без необходимости посредничества, с помощью которого происходит удовлетворение интересов обладателя данного права. Если проанализировать позиции современных и дореволюционных отечественных цивилистов, то многие из них основаны на германском понимании вещного права, абсолютности, особых способах защиты, непосредственного господства над вещью, однако в наше время больший акцент делается на раскрытии правовых институтов ограниченных вещных прав.

Обращаясь к правовому регулированию исследуемой сферы в Китайской Народной Республике, следует отметить, что Гражданский кодекс Китайской Народной Республики также не содержит дефиниции вещного права, однако она была дана в Законе КНР «О вещных правах» от 16.03.2007 (далее — Закон) и определялась, как «исключительное право правообладателя напрямую распоря-

жаться какой-либо собственностью» (ст. 2 Закона). Даже несмотря на отсутствие понятия вещного права в настоящее время, статья 2 Закона отразила главнейший отличительный элемент вещного права — элемент господства над вещью.

Бразильское законодательство также не даёт понятия вещных прав, цивилисты же, такие как Кловис Бевилаука [13, с. 14] — один из авторов Гражданского кодекса Бразилии 1916 года и профессор Флавио Тартуче [14, с. 14], трактуют право на вещи, как правоотношения между людьми и вещами, основой которых являются отношения собственности. Таким образом, на первый план выносятся элемент урегулированных нормами права отношений между субъектами, а не характеристика господства над вещью, в силу которой и возникают данные правоотношения, что отличает понимание вещного права от отечественного и китайского.

Законодательства России, Бразилии и Китая устанавливают неразрывную связь вещного права и обременённой им вещи, в силу чего возникает свойство следования: сохранение права при фактической утрате хозяйствования над вещью, прекращение права в случае гибели вещи, сохранение ограниченного вещного права при смене собственника вещи.

Признаки абсолютности и публичности вещного права, в силу которых с одной стороны, правообладателю противопоставляются все третьи лица, которые несут «пассивные обязанности отрицательного свойства» [12, с. 13] (воздержание от пользования вещью) преимущественно в форме запретов и устанавливаются независимо от их воли (в отличие от обязательственных отношений, которые не возникают прямо или косвенно без воли контрагентов), а с другой — влекут нуждаемость этих лиц знать о такой обязанности, в силу чего такая возможность получить информацию предоставляется путём обязательной государственной регистрации вещного права на недвижимое имущество. Для всех третьих лиц право на данную вещь возникнет в силу данного юридического факта. Данные вопросы регулируются в Китае в разделе 1 главы II книги 2 ГК КНР, а в Бразилии в статьях 1.226 и 1.227 ГК ФРБ.

Абсолютность вещного права диктует необходимость гражданско-правового регулирования определения порядка осуществления, возникновения и прекращения вещного права, установления «закрытого перечня», в силу чего нельзя установить вещное право, не предусмотренное законом. Но в то же время следует отметить, что статья 216 ГК РФ, где перечисляются данные права, не устанавливает исчерпывающий перечень. В качестве примера можно обратиться к ст. 292 ГК РФ, где закрепляется право членов семьи собственника пользоваться жилым помещением, находящимся в ведении данного собственника, однако в ст. 216 ГК РФ об этом праве не упоминается, или же право фактического владения, вытекающего из приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ), при котором владелец вещи получает право требовать защиты

от посягательств любых третьих лиц, за исключением собственника.

Гражданское законодательство Китая также не содержит в одной статье перечисления всех вещных прав, однако часть вторая, третья и четвертая книги II Гражданского кодекса Китайской Народной Республики предполагает деление всех вещных прав на право собственности, usufruct (управление землёй по контракту, использование земли под строительство, сервитут и другие) и обеспечительное право (залог, залоговое удержание). Гражданский кодекс Федеративной Республики Бразилии, наоборот, в ст. 1.225 устанавливает исчерпывающий перечень: право собственности, суперфиций, сервитуты, usufruct, узус, право проживания, право приобретения обещанной недвижимости, залог, ипотека, антихрез, уступка права пользования с целью проживания, уступка вещного права пользования.

Противопоставление вещного права неопределённому кругу лиц накладывает необходимость обеспечения защиты прав субъекта с помощью особых способов. В России закреплена защита с помощью специальных исков: виндикационный иск, негаторный иск, иск о признании права. В Китае защита осуществляется в арбитраже либо в суде средствами, предусмотренными законом «какой-либо организацией или частным лицом» (ст. 208 ГК КНР). Однако государство как возможный нарушитель прав не упоминается, что не может говорить об абсолютной защите вещных прав. Кроме того, касаясь защиты не устанавливаются специальные исковые способы, такие как виндикационный, негаторный иск, а основу нормативного регулирования составляют меры оперативного воздействия — требование возврата имущества, его ремонта и восстановления (глава III книги 2 ГК КНР).

В Бразилии защита вещных прав соотносится с «социальным назначением» гражданских прав и правами кондоминиумов. Так, статья 1.228 ГК ФРБ напрямую закрепляет возможность отчуждения прав собственника государством для достижения общественно полезных целей. На практике ранее известны случаи, как государство, ссылаясь на данное положение, незаконно лишало субъектов их прав на вещи. Тем не менее, Гражданский кодекс Федеративной Республики Бразилии также предполагает исковую защиту вещных прав: ст. 1.212 — иск о хищении, ст. 1.245 — иск о признании права собственности.

В цивилистике в качестве признака вещных прав выделяется их бессрочный характер, то есть возможность обла-

дателя права удовлетворять свои интересы без ограничения во времени. Данный элемент действительно характерен для большинства вещных прав, однако в качестве отличительного его нельзя использовать, поскольку некоторые вещные права действуют в ограниченный период времени (например, срочный сервитут, устанавливаемый по соглашению сторон (ч. 7 ст. 23 Земельного кодекса Российской Федерации)). Касаясь Бразилии и Китая, то в данных странах к вещным правам также относится залог, который существует определённый во времени период.

Категория добросовестности присутствует и при характеристике возникновения права собственности на основании приобретательской давности (ст. 234 ГК РФ): давностный владлец обязан владеть вещью добросовестно. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 раскрывает этот элемент как «если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности». В Гражданском кодексе Китайской Народной Республики также закрепляется данное основание приобретения права собственности на вещь (ст. 311 ГК КНР), а элемент добросовестности раскрывается похожим образом (ст. 313 ГК КНР): «если только добросовестный приобретатель не знал или не должен был знать о таких правах на момент передачи». В Федеративной Республике Бразилии элемент добросовестности в приобретательской давности (ст. 1238, 1260 ГК ФРБ) также имеет решающее значение.

Таким образом, право Китая и Бразилии в сфере регулирования вещных отношений имеет множество схожих черт с правом России: в понимании данной подотрасли, в характеризующих признаках, в правовом регулировании институтов, в необходимости обеспечения защиты добросовестных обладателей вещных прав и установлении корреспондирующей обязанности государственной регистрации этих прав. Однако если вещное право Китая имеет свою специфику с учётом сочетания государственного участия и рыночных отношений. Представляется, что право Бразилии имеет больше схожих черт с правом России, в частности установлен закрытый перечень вещных прав.

В сфере регулирования и применения принципа добросовестности в вещных правоотношениях следует учитывать его связь с другими принципами права, что проявляется в законодательстве и Российской Федерации, и Китайской Народной Республики, и Федеративной Республики Бразилии.

Литература:

1. Ахметьянова З. А. Вещное право: учебник. — М.: Статут, 2011.
2. Васильковский Е. В. Учебник гражданского права: Вып. 1–2: Вещное право. — СПб: Н. К. Мартынов, 1896.
3. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав // Классика российской цивилистики. — М.: Статут, 2000 г.
4. Мартинс Р. Д. Об общей части в структуре учебников гражданского права XIX в. и в структуре проекта гражданского кодекса, предложенного Аугушто Тейшейра де Фрейтасом // Кодификация гражданского права в латиноамериканских странах. Материалы международной научной конференции. Под общей редакцией В. В. Безбаха и В. Ф. Поньки. — 2013.

5. Мейер Д.И Русское гражданское право: Чтения Д. И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вицина. — 3-е изд. — СПб: Н.Тиблен, 1864.
6. Покровский И. А. История римского права. — Вступит. Статья, переводы с лат., науч. ред. и коммент. А. Д. Рудокваса. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад». — Журнал «Нева», 1999.
7. Сергеев А. П., Толстой Ю. К. Гражданское право: учебник. Т. 1. — 6-е изд. — М.: 2002.
8. Синайский В. И. Русское гражданское право. Выпуск I. Общая часть. Вещное право. Авторское право. — 2-е изд. — Киев: Прогресс, 1917.
9. Суханов Е. А. К понятию вещного права // Правовые вопросы недвижимости. — 2005. — № 1
10. Суханов Е. А. Общие положения о праве собственности и других вещных правах. // Хозяйство и право. — 1995 — № 6.
11. Хвостов В. М. Общая теория права: Элементарный очерк./ М: Стереотип, 2016.
12. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Том 1. — 11-е изд. — М.: Бр. Башмаковых, 1914.
13. Clóvis Bevilacqua Teoria geral do direito civil. — 3 изд. — Ministério da Justiça e Negócios Interiores, Serviço de Documentação, 1966. — 371 с. (На пор. яз.).
14. Flávio Tartuce Manual De Direito Civil. — 13 изд. — URL: <https://archive.org/details/flavio-tartuce-manual-de-direito-civil-13a-ed.-2023., 2023> (На пор. яз.).

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 21 (572) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 04.06.2025. Дата выхода в свет: 11.06.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.